

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 3 (9), 2016

Филология. История. Философия

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(*председатель*)

С. А. Сырбу, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)

В. И. Назаров, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)

К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)

Ю. М. Воронов, д-р полит. наук

Н. В. Усольцева, д-р хим. наук

Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)

О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

Л. В. Михеева
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:

А. А. Григорян, д-р филол. наук
(*главный редактор серии*)

О. М. Карпова, д-р филол. наук

А. Н. Таганов, д-р филол. наук

О. А. Павловская, канд. филол. наук

А. А. Корников, д-р ист. наук

Д. И. Польшанский, д-р ист. наук

К. Е. Балдин, д-р ист. наук

В. М. Тюленев, д-р ист. наук

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук

Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

Issue 3 (9), 2016

Philology. History. Philosophy

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics
(Chairman)

S. A. Syrbu, Doctor of Chemistry
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy
(Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES «THE HUMANITIES»:

A. A. Grigoryan, Doctor of Philology
(Chief Editor of the Series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

O. A. Pavlovskaya, Candidate
of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyanny, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Григорян А. А., Хуснутдинов А. А. Терминология современного делопроизводства и проблемы ее научного описания	5
Зими́на М. В., Ополони́кова М. В. Особенности перевода слов <i>нет</i> и <i>нельзя</i> с русского языка на немецкий	12
Маник С. А. Современная корпусная лексикография: особенности и перспективы развития	17
Николаева П. В. О театральности прозы Теннесси Уильямса (На материале повести «Римская весна миссис Стоун»)	21
Павлова М. Н. Романтизация интеллектуальной сферы в логических новеллах Э. По	28

История

Градусова П. Б., Черноперов В. Л. «Цыганский вопрос» во внутренней и внешней политике президента Франции Николя Саркози в 2010—2011 гг.	32
Ильин Ю. А. Политические настроения крестьян-красноармейцев к концу Гражданской войны (вторая половина 1920 — начало 1921 г.)	41
Князев А. С., Флейман Е. А. Иваново-Вознесенское губернское архивное бюро 1920—1924 гг.: от беспорядочной смены кадров к постоянному составу ...	47
Корников А. А. Геральдическое многообразие России. Гербы субъектов Российской Федерации: современное состояние, проблемы и поиски	51
Костылёва Е. Л., Жилин М. Г., Уткин А. В. Многослойная сезонная стоянка эпохи первобытности Сахтыш III	58

Философия

Королев А. В. Историко-онтологические связи в структурной философии Генриха Ромбаха	65
Обрезков А. А. Историко-философские аспекты становления деятельностного подхода к рассмотрению языка	73
Сорока М. Ю. Противоречивые плоды развития техники в контексте глобальных проблем современности	77
Юдин К. А. Артур Шопенгауэр как историк философии и некоторые проблемы теории познания	84

Рецензии

Булычев И. И. Рец. на кн.: Калинин П. Е. «Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности». Иваново, 2015	98
--	----

<i>Сведения об авторах</i>	104
----------------------------------	-----

<i>Информация для авторов</i> «Вестника Ивановского государственного университета»	106
---	-----

CONTENTS

Philology

Grigoryan A. A., Khusnutdinov A. A. Terminology of modern records management and problems of its scientific description	5
Zimina M. V., Opolovnikova M. V. Peculiarities of translating Russian words <i>нет</i> and <i>нельзя</i> into German	12
Manik S. A. Contemporary corpus lexicography: peculiarities and perspectives of development	17
Nikolaeva P. V. On the theatricality of Tennessee Williams's prose (Exemplified by <i>The Roman Spring of Mrs Stone</i> novel)	21
Pavlova M. N. Romantic depiction of the intellectual in E. Poe's ratiocinations	28

History

Gradusova P. B., Černoperov V. L. «The Gipsy issue» in domestic and foreign policy of president of France Nicolas Sarkozy in 2010—2011	32
Ilyin Yu. A. The political disposition of the Red Army soldiers of peasant origin by the end of the Civil War (the second half of 1920 — early 1921)	41
Knyazev A. S., Fleyman Ye. A. Ivanovo-Voznesensky provincial archival bureau in 1920—1924: from frequent personnel changes to permanent staff	47
Kornikov A. A. Russia's Heraldic Diversity: Blazons of the Russian Federation constituent members, their modern state, problems and prospects	51
Kostyleva E. L., Zhilin M. G., Utkin A. V. The multi-layer seasonal site of the prehistoric epoch: Sakhtysh III	58

Philosophy

Korolev A. V. Heinrich Rombach's structural philosophy: connections of historical and ontological character	65
Obrezkov A. A. Historical and Philosophical Aspects of Developing Activity Approach to Regarding the Language	73
Soroka M. Yu. Contradictory issues of technological progress in the context of modernity's global problems	77
Yudin K. A. Arthur Schopenhauer as an historian of philosophy and some of the problems of epistemology	84

Reviews

Bulichev I. I. A review on book: Kalinin P. E. "Ontology of comprehensive conscience: organized nature of global conscience and language reality in terms of time and space". Ivanovo, 2015	98
--	----

<i>Information about the authors</i>	104
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	106

ББК 81.053.2

А. А. Григорян, А. А. Хуснутдинов

ТЕРМИНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

Очерчивается круг основных проблем, актуальных для научного описания терминологии сферы делопроизводства (документационного обеспечения управления). Показывается, что научное описание терминологии данной области определяется особенностями процесса формирования самого терминологического корпуса и спецификой делопроизводственной деятельности, которую данная терминосистема обслуживает. Однако обсуждаемые в статье вопросы могут иметь значение и для описания терминологии других областей деятельности.

Ключевые слова: терминология, терминосистема, делопроизводство, документационное обеспечение управления, терминологический словарь.

The article deals with some main problems which are topical for scientific description of office work terminology (documentary provision of management). It is shown that scientific description of this sphere is determined by the peculiarities of this terminology group formation and by specificity of records management which this terminology is used to serve. The problems discussed in this paper, however, may be significant for the terminology description of other spheres of activity.

Key words: terminology, terminology system, office work, documentary provision of management, terminological dictionary.

Одной из задач лингвистической науки является научное описание терминологии каждой из наиболее значимых областей человеческой деятельности в отдельности. Среди таких областей особое место занимает сфера делопроизводства, документационного обеспечения управления (ДОУ). В последние десятилетия активные процессы информатизации, интегрированного развития различных общественных, политических и экономических структур, расширение и углубление международного сотрудничества, тенденции к стандартизации и унификации предопределили проникновение системы документационного обеспечения управления практически во все сферы официально-делового общения. Вследствие этого терминология делопроизводства, традиционно используемая в документационном обеспечении управления государственных структур, проникает и в другие области деятельности (производственную, коммерческую, общественную, научную и т. д.). Соответственно и терминологический корпус ДОУ, являющийся основой всей системы терминологических номинаций делопроизводства в государстве, применяется и в документационном обеспечении деятельности всех делопроизводственных структур учреждений и организаций независимо от их «ведомственной» принадлежности. Важно также, что документационное обеспечение управления в настоящее время выступает не только как практическая деятельность (собственно делопроизводство), но и как особая,

© Григорян А. А., Хуснутдинов А. А., 2016

формирующаяся на наших глазах наука (документоведение), которая, как и любая другая наука, имеет свой объект и предмет исследования, свою терминологию. Этим, в первую очередь, определяется необходимость специального научного описания терминологии современного документационного обеспечения управления, которая должна осуществляться с учетом специфики самого терминологического корпуса данной области, особенностей системной организации этого корпуса и функционирования терминологических номинаций, обслуживающих делопроизводственную деятельность. Ясно также, что научное описание терминологической системы делопроизводства должно выполняться на основе полного корпуса терминологических номинаций, использующихся в данной сфере, так как в настоящее время мы имеем более или менее ясное представление о терминологии лишь отдельных направлений делопроизводства (архивное дело, организационно-распорядительная документация). Терминология ряда областей деятельности в сфере делопроизводства практически не изучена (в частности, предметные области, связанные с электронной документацией и информационными системами в ДОО). Актуальной остается и поставленная еще в советскую эпоху задача создания единой системы документирования в сфере делопроизводства, что требует и унификации, стандартизации и соответствующей кодификации делопроизводственной терминологии.

Терминология представляет собой особую систему, элементы которой связаны друг с другом и отражают, в соответствии со своим функциональным назначением, процессы, явления, действия данной предметной области. Терминологическое пространство ДОО раскрывает связи не только между отдельными областями собственно сферы делопроизводства, но и между смежными направлениями деятельности, что определяет объем, разнообразие и языковые особенности самого терминологического корпуса. Терминологическая система сферы делопроизводства постоянно претерпевает изменения, весьма существенные в различные периоды развития делопроизводства. Терминологический корпус постоянно пополняется новыми терминами (за счет заимствований и собственных ресурсов языка), уточняются, кристаллизируются форма и содержание отдельных терминологических номинаций, происходит процесс «обновления» терминов, замещение одних терминов другими и т. д.

Своеобразие формирования терминологических номинаций ДОО обуславливает необходимость, прежде всего, исторического подхода к научному описанию этой терминологии¹. Терминология делопроизводства, несмотря на кардинальные перемены в организации делопроизводственной деятельности в разные исторические периоды, формируется постепенно. В процессе ее формирования определяется круг терминов, важных и нужных для обслуживания делопроизводственной деятельности, уточняется содержание основных терминоединиц, отбираются жизнеспособные варианты, устанавливаются

¹ Эта терминология в известной степени отражается в историографических трудах (см. работы по истории России и делопроизводства в России [4, 3, 6, 10] и др.), в исследованиях по лексике деловой письменности предыдущих эпох (например, [2] и др.). В специальных работах по этой тематике терминология делопроизводства, в связи с небольшим количеством таких исследований, представлена фрагментарно (см.: [7] и др.). Это же можно сказать о лексикографических изданиях, в которых отражается та или иная часть терминологии делопроизводства [1, 8, 9, 11].

определенные отношения и соотношения между терминами и т. д. Поэтому в терминологическом корпусе современной системы делопроизводства существуют и термины, находящиеся в активном употреблении на протяжении длительного времени (*грамота, приказ*), и термины, которые постепенно начинают выходить из употребления (*личный документ, сдаточная опись*), и термины, которые только входят в эту терминосистему (*резюме, электронный документооборот*). Необходимость исследования терминологии делопроизводства в историческом аспекте обусловлено и тем, что многие термины в процессе своего функционирования претерпевают изменения, касающиеся их формы, содержания и использования в данной сфере, в силу чего является обязательным специальное исследование истории происхождения и функционирования хотя бы базовых терминов в отдельности.

В настоящее время из всего круга проблем, связанных с характеристикой терминологии делопроизводства, наиболее важными и актуальными мы считаем следующие: 1) исследование истории формирования терминологии сферы делопроизводства; 2) системное описание терминологии делопроизводства в ее современном состоянии; 3) нормализация (стандартизация и унификация) данной терминологии с целью оптимизации ее применения; 4) создание на этой основе специальных словарей, справочников и иных пособий для использования в практике делопроизводства, в научных и учебных целях.

Необходимость изучения терминологии делопроизводства в историческом аспекте обусловлена, прежде всего, тем, что на формирование терминологии ДОУ оказали существенное влияние процессы, характерные для системы делопроизводства определенных исторических этапов. Так, выделение делопроизводства в особую область деятельности в эпоху приказного периода развития делопроизводства привело к использованию ряда общеупотребительных слов в специальном — терминологическом — значении, т. е. к появлению собственно делопроизводственной терминологии; организация (регламентация) документных процессов в эпоху коллежского периода развития делопроизводства объективно способствовала нормализации делопроизводственных терминов; задача систематизации документации, поставленная в министерский период развития делопроизводства, положила начало кодификации терминологии данной области; перевод организации делопроизводственной деятельности и ведения документации на научную основу в эпоху советского периода развития делопроизводства показал необходимость научного описания и самой этой терминологии; внедрение информационных технологий и развитие международных связей в различных видах деятельности в постсоветский период развития делопроизводства поставило задачу специального и системного описания терминологии ДОУ.

Терминологические обозначения формируются за счет средств родного языка (в основном путем использования общеупотребительных слов в специальном значении) и «заимствований» (это прямые заимствования из других языков и заимствования терминов из смежных областей знания). На протяжении всей истории формирования и развития делопроизводства постепенно складывается терминология делопроизводства как системное образование, в котором термины находят свое собственное место, устанавливаются разного вида отношения с другими терминами по форме, содержанию и использованию. Эта система, сохраняя свою основную терминологическую базу, постоянно изменяется, развивается, расширяется. В свою очередь, данные процессы

нацелены на наиболее полное удовлетворение обеспечения эффективности делопроизводственной деятельности в каждый исторический период.

Терминологическая система рассматриваемой области напрямую отражает все процессы, происходящие в ДООУ, поэтому ее изучение в связи с самой предметной областью позволяет увидеть особенности соотношения видов деятельности с обслуживающей их терминологией, проследить пути появления и развития отдельных терминов или групп терминов, их взаимосвязь и взаимообусловленность как в рамках отдельных подсистем, так и в пределах общей системы в целом.

Современное документационное обеспечение управления представляет собой сложную многоуровневую структуру, состоящую из множества подсистем, которые, в свою очередь, являются относительно самостоятельными по отношению к их структурным составляющим. В научно-методической и учебной литературе, а также в ГОСТах в области ДООУ представлено множество разных классификаций по делопроизводству. Все они отражают ключевые этапы работы с документами. Выделим основные области делопроизводственной деятельности и виды ее документационного обеспечения, опираясь на предложенные исследователями классификации (см. также работы Н. П. Ерошкина [4], Б. А. Гольцева, О. Д. Жуковской [5], К. Г. Митяева [10] и др.).

Выделяется восемь таких областей: 1) документирование управленческой деятельности (виды и признаки документов; способы документирования и системы документации; материальные носители и накопители информации; формуляр и реквизиты документов; бланки документов; документирование организационно-распорядительной и информационно-справочной деятельности; электронные документы); 2) организация работы с документами (организация документооборота; регистрация и учет документов и организация справочно-информационного обслуживания; организация контроля за исполнением документов; хранение документов, составление дел в ДООУ; экспертиза ценности документов в ДООУ; служба ДООУ в организации; автоматизированные системы в ДООУ); 3) документация по личному составу; 4) документы физических лиц; 5) государственная регистрация документов; 6) конфиденциальное делопроизводство; 7) информационные системы в ДООУ; 8) архивное дело.

Для описания терминологии делопроизводства важно представить указанные виды деятельности ДООУ не изолированно, а в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности друг с другом и с учетом этапов жизненного цикла документа. В этом случае процесс и технология делопроизводственной деятельности включают в себя следующее: создание документа (установка перечня документов, наименований, их функционального назначения, форм и применения современных информационных технологий); хранение и использование документированной информации, т. е. формирование дел (создание файлов, систем поиска документов, развитие способов передачи информации, телекоммуникаций, копирования и размножения, создание центров для хранения документов); передача документов на постоянное хранение (составление перечня документов с определением их срока хранения, оценка, идентификация и опись дел); управление архивами (консервация, реставрация и систематизация документов, составление справочных ресурсов).

Очевидно, что каждая из указанных областей делопроизводственной деятельности обслуживается соответствующей группой терминов. Взаимосвязь этих областей и, соответственно, их терминологической базы позволяет

нам говорить о том, что терминология, используемая в ДООУ, имеет системный характер, поскольку свойства и поведение отдельных терминов или групп терминов обусловлены спецификой данной конкретной области и ее соотношением с другими областями делопроизводственной деятельности.

В соответствии с этим, на наш взгляд, должны быть классифицированы и описаны сами термины каждой области и вся терминосистема ДООУ в целом. Такая классификация терминологии ДООУ будет выглядеть следующим образом. В первую очередь выделяем три основные области, каждая из которых представлена определенными видами деятельности и обслуживается своим набором терминов: 1) предметная область документационного обеспечения управления, которая является нормативно-правовой основой самой этой деятельности; 2) предметная область непосредственного «производства дел»; 3) предметная область, обеспечивающая производство самих этих дел (документационный менеджмент). В каждой области все отражаемые терминами понятия находят свое место в структуре соответствующих подсистем, которые объединяют широкие семантические группы именованных, и являются важнейшими понятиями делопроизводственной лексики. Так, предметная область ДООУ, которая является нормативно-правовой основой самой этой деятельности, обслуживается терминологией, связанной с обозначениями видов и признаков документов, способов документирования и комплексов документации, материальных носителей и накопителей информации, формуляров и реквизитов управленческих документов, бланков документов. Терминология предметной области непосредственного «производства дел» отражает деятельность, связанную с организационно-распорядительными и информационно-справочными документами, регистрацией и учетом документов, контролем над исполнением документов, хранением документов и составлением их в дела, экспертизой ценности документов, архивным делом. Терминология предметной области, обеспечивающей производство самих этих дел (документационный менеджмент), связана с организацией документооборота, деятельностью службы ДООУ в организации, документацией по личному составу, конфиденциальным делопроизводством, работой с обращениями граждан, государственной регистрацией документов, электронными документами, автоматизированными и информационными системами в ДООУ.

Классификация терминов ДООУ по указанным областям дает возможность в систематизированном виде представить терминологию ДООУ в целом и в каждой области в отдельности, а также показать место, назначение и особенности каждого термина в терминологической системе и его соотношение с терминами других областей. Учет прямой зависимости терминологии делопроизводства от места, назначения, специфики, соотношения и взаимодействия отдельных предметных областей документационного обеспечения управления дает возможность объективно описать структуру и семантикотематическую организацию терминологической системы сферы делопроизводства в целом и каждой области в отдельности, дать объяснение наблюдаемым в ней явлениям и процессам.

Совершенно очевидной является прямая зависимость структурной организации данной терминосистемы от структурной организации самой делопроизводственной деятельности: каждая область данной деятельности обслуживается соответствующим кругом терминов, которые связаны с терминами других областей; данная связь выражается в соотношении этих терминов между собой по форме и содержанию, определяющих парадигматические

отношения между ними. Это указывает на то, что обычная «тематическая» (по семантическим группам на основе сходства и различия значений) дифференциация для терминов делопроизводства оказывается недостаточной, так как она не позволяет объяснить причины и наличие определенных отношений между терминами (многозначности, синонимии и т. д.).

Современные термины ДОО являются внутренне организованной совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц, специфика которых проявляется в их лексико-семантической организации. Термины из разных областей, как и направления деятельности, связаны друг с другом различными парадигматическими и синтагматическими отношениями. Эти отношения и связи обусловлены соотносительностью терминологических номинаций по содержанию и по форме. Поэтому можно говорить о системной организации терминологии ДОО и системных отношениях между отдельными терминологическими единицами. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что эта системная организация в целом и соотносительность терминов друг с другом определяются в конечном счете местом каждого термина в общей системе и его функционированием в соответствующей области деятельности ДОО. Более того, существование и специфика проявления таких языковых явлений, как полисемия, омонимия, синонимия и антонимия терминов, могут быть объяснены именно особенностями функционирования данной терминологии в той или иной области деятельности.

Таким образом, исследование соотношения терминов и системной организации терминологии в современном ДОО в целом и отдельных видов документной деятельности позволяет указать на четко прослеживаемую зависимость системной организации терминологии от конкретных форм и видов самой этой деятельности. Эта взаимосвязь дает возможность увидеть степень и уровень развитости самой системы, проследить механизмы и закономерности становления, определить дальнейшие перспективы развития этой терминотерминологической системы. Так, описывая сами области делопроизводственной деятельности и выявляя, в какой степени эта деятельность «покрывается» терминологией, можно установить, насколько полно и точно обслуживается данная сфера деятельности терминами, можно найти «лакуны» в терминологии, т. е. те области, которые требуют терминологического обеспечения, и, наоборот, распознать, какие области характеризуются терминологической избыточностью или дублетностью.

Исследование терминологии сферы делопроизводства в тесной связи с предметными областями дает также возможность с высокой степенью полноты и объективности описать особенности парадигматических и синтагматических отношений, складывающихся между терминами в терминологической системе данной области. Специальное исследование парадигматики и синтагматики терминологии сферы делопроизводства, несомненно, будет значимо не только для характеристики терминологии исследуемой области, но и для познания свойств термина как особой единицы и особенностей его функционирования в языке.

Из проблем, связанных с лексикографической разработкой терминологии, для нашего исследования существенными являются: 1) исследование приемов и способов лексикографического описания терминологии в уже существующих общих и специальных словарях (такое исследование предполагает оценку качества лексикографической разработки терминологии в разных типах словарей и отбор предложенных авторами словарей оптимальных

вариантов описания разных сторон терминологических единиц); 2) определение основных контуров терминологического словаря как особого вида научного издания (цель и назначение словаря, адресат словаря, принципы отбора терминов в словарь, способы расположения материала); 3) установление основных параметров терминологических обозначений, по которым должно осуществляться описание терминов в словаре; 4) создание метаязыка терминологического словаря, т. е. системы специальных знаков, обозначений, сокращений и т. д., используемых для описания тех или иных сторон терминов, включенных в словарь. Можно указать также на ряд других проблем, связанных с лексикографической разработкой терминологии (в их числе, например, разработка типологии терминологических словарей), однако обсуждение этих вопросов выходит за пределы темы нашей работы.

Одним из необходимых шагов в этом направлении должно быть создание специального терминологического словаря-справочника, в котором в системном виде была бы представлена терминология современного делопроизводства и в котором нашли бы отражение все основные черты и специфические особенности, характерные для терминологии данной сферы. Создание такого словаря может помочь решению как практических, так и научных задач: с одной стороны, он может быть справочным пособием по терминологии для работников служб делопроизводства, с другой стороны, он может использоваться для изучения терминологии делопроизводства в научных и учебных целях. Важно также, что такой словарь объективно будет способствовать решению задач, связанных с систематизацией и кодификацией терминологии документационного обеспечения управления и оптимизации всей делопроизводственной деятельности в целом.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь официальных терминов : более 8000 терминов / сост. Ю. И. Фединский. М. : Астрель, 2004. 1166 с.
2. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII в. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 164 с.
3. Вялова Л. М. Организация делопроизводства центральных органов управления в законодательных актах Российской империи первой половины XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.
4. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высшая школа, 1983. 352 с.
5. Жуковская О. Д., Гольцев Б. А. Документация советских государственных учреждений. М. : Московский рабочий, 1970. 143 с.
6. Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России : учебное пособие. М. : РГГУ, 1993. 80 с.
7. Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи в историко-лингвистическом и источниковедческом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 48 с.
8. Краткий словарь архивной терминологии / Главархив. М. ; Л. : ВНИИДАД, 1968. 64 с.
9. Краткий словарь видов и разновидностей документов / Главархив. М. : ВНИИДАД, 1974. 79 с.
10. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР : учебное пособие. М. : МГИАИ, 1959. 359 с.
11. Словарь современной архивной терминологии социалистических стран / Главархив. М. : ВНИИДАД, 1982—1988. Вып. 1—2. 445 с.

ББК 81.18

М. В. Зими́на, М. В. Ополовникова

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОВ *НЕТ* И *НЕЛЬЗЯ*
С РУССКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ**

Рассматриваются способы перевода слов *нет* и *нельзя* на немецкий язык. Анализируются переводческие трансформации, встречающиеся при передаче отрицательного значения. Отмечается доминирующая роль частицы *nicht* в рамках функционально-семантического поля отрицания немецкого языка.

Ключевые слова: перевод, категория отрицания, функционально-семантическое поле отрицания, отрицательные слова.

The article deals with ways of translation of negative words *нет* and *нельзя* from Russian into German. The translation shifts used in translating of sentences with negative words are analyzed. The analysis discovers the main role of particle *nicht* within the semantic-functional field of negation in German.

Key words: translation, category of negation, functional-semantic field of negation, negation words.

Проблемы переводоведения занимают в современной лингвистике значительное место, поскольку в переводе должны находить отражение как когнитивные и коммуникативные, так и чисто лингвистические аспекты. Если когнитивные и коммуникативные характеристики текстов оригинала и переводов тождественны, то лингвистические средства, передающие эти характеристики, зачастую различны, поскольку отражают особенности исходного и переводящего языков. Учет этих особенностей является основой успешного перевода.

К числу наиболее сложных и интересных для перевода относится категория отрицания — «одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий» [6, с. 354]. Отрицание стоит в ряду важнейших проблем общего языкознания. Как подчеркивал русский философ С. Л. Франк, «основоположное условие всякого познания есть различение, орудием же различения служит отрицание. Нечто познано, поскольку нами усмотрено, что оно есть некое такое... что оно отличается от всего иного, выделяется из него, причем это иное не предшествует здесь такому, а оба возникают одновременно именно через это взаимное свое различение, через отделение одного от другого» [5, с. 291]. Другими словами, отрицательное существует постольку, поскольку существует положительное, в основе любого отрицания лежит утверждение.

Как в немецком языке, так и в русском имеется целый спектр средств, которые формируют функциональное поле отрицания — «целостное образование в языке, имеющее развитую систему средств и способов выражения отрицания; четко сконструированное; функционирующее в соответствии с законами развития языка» [1, с. 3].

В ядро поля отрицания в русском языке входит частица *не*, обладающая максимально широкой сочетаемостью. Кроме того, эксплицитно отрицание может выражаться также частицей *ни* (*ни о чем*), местоимениями и наречиями с *ни-* (*никто, никогда*), предикативными местоимениями с *не-* (*негде, некому*), словами *нет, нельзя* и другими предикативами, прилагательными и наречиями с префиксом *не-* (*невозможно, нежелательно, неженатый, немного*). Есть словообразовательные элементы, которые содержат в своей семантике отрицание (*беззлобный*) или, по крайней мере, идею отмены предыдущего состояния (*разлюбить, отклеить*). На периферии поля отрицания находятся языковые единицы, значение которых включает имплицитное отрицание (например, слова *отказаться, воздержаться, лишен* и конструкции *Много ты понимаешь!* или *Так я и поверил!*) [2].

Ядро поля отрицания в немецком языке образует частица *nicht*, имеющая абсолютную сочетаемость. К частотным средствам выражения отрицания относятся также слово *kein*, отрицательные местоимения и наречия, аффиксы. Отрицательные значения могут передаваться с помощью некоторых союзов и предлогов. В немецком языке, как и в русском, имеет место имплицитное отрицание.

Представляется интересным сопоставить поля отрицания в русском и немецком языках на материале художественного произведения и его перевода. В данной работе ограничимся рассмотрением отрицательных слов *нет* и *нельзя* в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» [3] и его переводе на немецкий язык, выполненном Т. Решке [7].

Несмотря на кажущуюся простоту перевода предложений с отрицанием, он не всегда представляет собой простую задачу. Возникающие трудности могут объясняться разными причинами: необходимостью учета вида отрицания (общее/частное), коммуникативной функции, соотносимых отрицанием понятий. Отрицанию присущ ряд коммуникативных функций, а именно маркирование ремы и соотнесение смежных понятий. В основе любого отрицания лежит утверждение, поэтому ядерный элемент отрицательной частицы всегда соотносится с положительным коррелятом [4, с. 61]. Поскольку отрицание несет в себе новую информацию о положительном корреляте, оно выступает в качестве самостоятельной ремы высказывания или входит в рематическую группу. Кроме того, на перевод влияют особенности дистрибуции отрицательных частиц, возможность использования антонимического перевода, а также усложненный прагматический компонент значения предложений с отрицанием.

Отрицательные слова *нет* и *нельзя* занимают особое место в лексической системе русского языка. В отечественном языкознании их частеречный статус не определен однозначно. Есть точка зрения, согласно которой эти слова остаются за рамками существующих частей речи. Однако большинство лингвистов на сегодняшний день сходятся во мнении, что отрицательные слова *нет* и *нельзя* следует отнести к разряду предикативов (категория состояния).

Отрицательное слово *нет* является одним из основных средств выражения отрицания в русском языке и достаточно часто встречается в тексте исследуемого романа. В немецком языке лексическим эквивалентом данного слова выступает отрицательное слово *nein*. Но поскольку объемы значения слов *нет* и *nein* не совпадают, перевод на немецкий язык зависит от семантики и синтаксической функции слова *нет*.

1. *Нет* как ответ на вопрос. В данном случае эквивалентом служит отрицательное слово *nein* либо (реже) частица *nicht*:

Чем вымогает её покорность, а она сдается, угождает его желаниям и услаждает его дрожью своего неприкрашенного позора? Своим старшинством, маминой денежной зависимостью от него, умелым ее, Лары, запугиванием? **Нет, нет и нет**. Все это вздор [3, с. 59] — Womit erpresste er ihre Fügsamkeit, so dass sie sich ihm auslieferte, seine Wünsche erfüllte und ihn mit dem Zittern ihrer ungeschminkten Schande ergötzte? Mit seinem Alter, der finanziellen Abhängigkeit ihrer Mutter von ihm, mit seiner gekonnten Einschüchterung? **Nein, nein und nein**, das war alles Unsinn [7, S. 60].

Перевод с помощью частицы *nicht* используется, как правило, при наличии усиления в русском языке, поскольку слово *nein* не допускает употребления интенсификаторов:

Неужели этот тот самый? — Конечно, **нет** [3, с. 314] — Ob er das ist? Natürlich **nicht** [7, S. 340].

2. *Нет* в качестве сказуемого (отрицания наличия, существования). В таких случаях эквивалентом в немецком языке служат следующие выражения: *es gibt nicht / kein, haben / sein kein* + существительное, *weg sein, verschwunden sein, nicht da sein, nichts haben*:

Но оно говорило: в том сердце задуманном новом способе существования и новом виде общения, которое называется царством Божиим, **нет народов**, есть личности [3, с. 144] — Aber es sagt: In dieser vom Herzen ersonnenen neuen Daseinsweise und neuen Umgangsart, die sich Reich Gottes nennt, **gibt es keine Volker**, sondern nur Persönlichkeiten [7, S. 154].

Переводчик использует разные варианты даже для передачи одного словосочетания с *нет* (нет возможности):

Поезда то не ходят совсем, то проходят до такой степени переполненные, что сесть на них **нет возможности** [3, с. 153] — Es gehen keine Züge, und wenn doch, sind sie so überfüllt, dass **es unmöglich ist**, einen Platz zu ergattern [7, S. 163];

Скорей налаживайте связь, Гурьян. **Нет возможности** держаться на одних вестовых и телеграфе. Вы обратили внимание, какая жара? [3, с. 290] — Gurjan, sofort eine Verbindung herstellen. **Es geht nicht**, da wir nur den Telegraf und Meldegänger benutzen. Haben Sie schon gemerkt, wie heiß es ist? [7, S. 315];

«Не ори, Храпугина. Просто работать **нет возможности**», — говорила женщина за столом, представительница райсовета, выбранная на собрании председательницей [3, с. 235] — «Schrei hier nicht herum, Chrapugina. **So kann man nicht arbeiten**», sagte die Frau am Tisch, die Vertreterin des Stadtbezirkssowjets, von der Versammlung zur Vorsitzenden gewählt [7, S. 255].

Таким образом, при переводе слова *нет* на немецкий язык в первую очередь учитывается его синтаксическая функция, в случае отсутствия лексического эквивалента переводчик прибегает к трансформациям, передавая значение отрицания через частицы *kein* и *nicht*.

Отрицательное слово *нельзя* достаточно часто встречается в романе «Доктор Живаго». В немецком языке нет отдельного слова для перевода данной лексической единицы. Поскольку в семантике слова *нельзя* сочетаются значения отрицания и модальности, оно должно переводиться на немецкий

язык конструкциями, отражающими оба этих компонента. Были выявлены следующие варианты передачи значения:

1) с помощью модального глагола *können* с отрицанием (*nicht, niemals*):

Ничего не будет. Вы преувеличиваете. Да ведь я и уезжаю. Но *нельзя* же так: шик-брык — и будьте здоровы [3, с. 168] — Gar nichts wird sein. Sie übertreiben. Im übrigen reise ich ja ab, aber schließlich **kann** ich **nicht** Knall und Fall verschwinden [7, S. 181];

2) модального глагола *dürfen* с отрицательной частицей *nicht*:

Были неприятности, имеются последствия. Например, долго *нельзя* на государственную службу [3, с. 16] — Es gab Unannehmlichkeiten, die Folgen haben. So **darf** ich zum Beispiel für lange Zeit **nicht** in den Staatsdienst treten [7, S. 11];

3) глагола *sich lassen* с отрицательной частицей *nicht*:

Они двигались с утра до вечера в обоих направлениях, с войны и на войну, и *нельзя* было толком сказать, продолжается ли она, или уже кончилась [3, с. 152] — Sie marschierten von früh bis spät in beiden Richtungen, aus dem Krieg und in den Krieg, und es **ließ sich nicht** genau sagen, ob der Krieg weiterging oder schon zu Ende war [7, S. 162];

4) инфинитивной конструкции *sein + zu + Infinitiv* с отрицательной частицей *nicht*:

Где-то отворили дверь, и волною разлились два голоса, обезформленные гулкостью до того, что *нельзя* было сказать, какие они, мужские или женские [3, с. 224] — Irgendwo wurde eine Tür geöffnet, und wie eine Welle drangen zwei Stimmen herunter, durch den Hall so verzerrt, dass **nicht zu unterscheiden war**, ob es Männer- oder Frauenstimmen waren [7, S. 244];

5) *unmöglich / keine Möglichkeit*:

Столпотворение не умещалось в сенях и на дворе и занимало пол-улицы перед окнами присутствия. К столам *нельзя* было протиснуться [3, с. 158] — Die vielen Besucher fanden in der Diele und auf dem Hof keinen Platz und standen die halbe Straße entlang vor den Fenstern des Amtsgebäudes. **Es war unmöglich**, zu den Schreibtischen vorzudringen [7, S. 169];

6) выражения *es geht nicht*:

Я вам сказал русским языком, *нельзя*, не могу [3, с. 180] — Ich habe Ihnen doch deutlich gesagt, ich kann nicht, **es geht nicht** [7, S. 194];

7) антонимического перевода:

Сын отцу тоже не открывается, и тот принимает это как должное, не обижается. Раз сын зашифрован, значит, *нельзя* [3, с. 353] — Der Sohn hat sich dem Vater auch nicht entdeckt, und der findet das selbstverständlich und nimmt es nicht übel. Wenn der Sohn sich tarnt, **muss es so sein** [7, S. 382];

8) переноса отрицания:

Говорят, Сима немного того, не в себе. Действительно, её *нельзя признать* женщиной вполне нормальной [3, с. 476] — Serafima soll ja nicht ganz bei sich sein. Wirklich, eine ganz normale Frau **ist sie nicht** [7, S. 521].

Опираясь на вышеизложенное, отметим, что при передаче значения слова *нельзя* переводчик вынужден прибегать к переводческим трансформациям, чтобы сохранить оба семантических компонента данного слова (отрицание и модальность), при этом значение отрицания в большинстве случаев передается частицей *nicht*.

Таким образом, анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы относительно специфики перевода отрицательных слов с русского языка на немецкий:

— слова *нет* и *нельзя* относятся к частотным способам выражения отрицания, для их перевода используются как лексические, так и грамматические средства;

— наиболее частотным средством выражения отрицания в переводе романа на немецкий язык является частица *nicht*, с ее помощью передается отрицательное значение как частиц, так и отрицательных слов, местоимений, наречий и приставок;

— в ряде случаев происходит перенос отрицания (т. е. изменяется ядерный элемент отрицания), при этом может трансформироваться коммуникативная структура высказывания;

— даже при наличии в немецком языке полного лексического эквивалента, он не всегда употребляется при переводе;

— при отсутствии в немецком языке лексических эквивалентов используется антонимический перевод, описательный перевод с помощью частиц, лексические средства с имплицитным отрицательным значением либо переводческие трансформации, при которых отрицание опускается или переносится.

Библиографический список

1. *Блошенко Ю. Н.* Функционально-семантическое поле отрицания в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999. 18 с.
2. *Падучева Е. В.* Отрицание // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики М., 2011. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 08.06.2016).
3. *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго. М. : Эксмо, 2013. 576 с.
4. *Торопова Н. А.* Положительный противочлен отрицания *nicht* в современном немецком языке : (пресуппозиция отрицания) // Филологические науки. 1978. № 2. С. 61—77.
5. *Франк С. Л.* Сочинения. М. : Правда, 1990. 608 с.
6. Языкознание : большой энциклопедический словарь. М. : БРЭ, 1998. 685 с.
7. *Pasternak B.* Doktor Shiwago. Frankfurt am Main : Fischer Verlag, 2011. 660 с.

ББК 81.054

С. А. Маник

**СОВРЕМЕННАЯ КОРПУСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Статья посвящена рассмотрению вопросов современной корпусной лексикографии, описанию тенденций ее развития, а также перспектив применения корпусов для различных лингвистических областей и в обучении иностранному языку. Формирование каждого отдельного корпуса обусловлено определенными критериями в зависимости от цели его создания и назначения. В работе проиллюстрированы случаи составления широких корпусов национальных языков, а также иные, более специализированные проекты документального описания языка.

Ключевые слова: корпусная лексикография, корпус, документальное описание языка.

The article deals with the description of modern lexicography issues, tendencies of its development and its applied perspectives in various linguistic spheres and learning of a foreign language. Creation and compilation of each corpus is stipulated by certain criteria and depend greatly on its objectives and application. The paper illustrates numerous cases of creation of a large corpus of a national language, as well as rather specialized language documentation projects.

Key words: corpus lexicography, corpus, language documentation project.

Корпусная лингвистика и ее раздел — корпусная лексикография появились в конце 1960-х годов благодаря внедрению достижений информационных технологий и всеобщей компьютеризации. Во многих странах были инициированы корпусные проекты различных масштабов на разных языках и для разнообразных целей. Так, в США и Европе крупнейшие лексикографические дома обратились к созданию корпусов литературного английского языка («Brown Corpus», «British National Corpus», «Collins Wordbanks Online English Corpus», «Cambridge English Corpus», «The Longman Learners' Corpus», «The Macmillan World English Corpus», CORPORA, «Oxford English Corpus» и т. п.) для дальнейшего составления и издания словарей. В свою очередь, российские лингвисты в это же время начали попытки систематизации и оцифровывания терминологии при помощи терминологических банков данных, а корпус национального русского языка появился только в начале XXI века. Таким образом, история становления корпусной лексикографии в России и за рубежом отличается спецификой объекта исследования и принципами систематизации языка. Вместе с тем важно признать, что технологический прогресс оказал значительное воздействие на лексикографические традиции во всем мире.

На наш взгляд, справедливо утверждение, что каждый корпус формируется по определенным критериям в зависимости от цели создания и назначения. Например, наряду с корпусами национального языка существует много различных проектов, регистрирующих конкретный пласт лексического состава языка: в «Bergen Corpus of London Teenage Language» (COLT)

© Маник С. А., 2016

представлены диалоги подростков Лондона в возрасте от 13 до 17 лет; «British Academic Spoken English Corpus» (BASE Corpus) разработан на основе лекций и семинаров, записанных в университетах Уорвика и Ридинга; «International Corpus of Learner English» (ICLE) включает более двух миллионов слов из письменных работ студентов, изучающих английский язык в 14 странах; «Limerick Corpus of Irish English» (ICIEL) отражает ирландский вариант английского языка; «Santa Barbara Corpus of Spoken American English» (CSAE) регистрирует спонтанную речь американцев из всех штатов; «Cambridge and Nottingham Business English Corpus» (CABEC) фиксирует разговорный деловой английский язык и т. д. Многообразие корпусов обусловлено разносторонним изучением языка. Бесспорным становится факт невозможности проведения лингвистической работы и анализа материала без создания корпуса исследования. Более того, такой подход получил название в западной лингвистике «проекты документарного описания языка» («language documentation projects»), в которых осуществляется попытка зафиксировать язык в сиюминутном состоянии, а также описать его специфику при помощи корпусных технологий, имея возможность обновлять данные ежедневно или с заданной частотой.

В настоящее время корпусы все чаще используются для решения разнообразных лингвистических задач на основе результатов количественного и качественного анализа заложенной в них информации, они в преобладающих случаях становятся доступными онлайн. Результаты анализа корпусов активно применяются во многих разделах лингвистики: фразеологии, фонетике, прагматике, грамматике и т. п.

И. Ф. Ганиева справедливо отмечает, что «на корпусах текстов можно проверять лингвистические гипотезы, теории, они могут использоваться для любых практических работ с языковым материалом, в частности, как массивы текстовых примеров на все трудные явления языка» [2, с. 104]. В. П. Захаров подчеркивает, что «на основе корпусов можно получить данные о частоте словоформ, лексем, грамматических категорий, проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени, получить данные о совместной встречаемости лексических единиц и т. д.». «Представительный массив языковых данных за определенный период, — отмечает он, — позволяет изучать динамику процессов изменения лексического состава языка, проводить анализ лексико-грамматических характеристик в разных жанрах и у разных авторов и т. д.» [3, с. 4].

В настоящее время особую популярность завоевывают корпусы параллельных текстов (параллельные корпусы), регистрирующие оригиналы и их переводы (см.: [6]). Как правило, основную сложность представляет «выравнивание» исходного текста и его перевода, при котором отдельные фрагменты оригинала совпадают с соответствующими фрагментами перевода, что и позволяет использовать данный корпус как инструмент исследования, а также для сопоставительного анализа переводов при обучении иностранным языкам. Эти корпусы дают возможность проанализировать грамматические и лексические трансформации, выбранные переводчиком в каждом конкретном случае. За последнее десятилетие благодаря интеграции и глобализации появилось довольно много таких корпусов. Например, EUROPAL — открытый корпус Европарламента на 11 языках; «Chemnitz German-English Translation Corpus» — проект регистрации переводов академических, политических текстов; OPUS («Open Source Parallel Corpus») — попытка собрать переводы

в сети Интернет, выравнять и разместить корпус на пяти языках, добавить лингвистическую информацию и т. п. К сожалению, открытых онлайн аналогичных корпусов по русскому языку на данный момент не зарегистрировано, хотя исследования в этой области ведутся.

В последнее время появились мультимедийные корпуса. «Мультимедийный корпус — это электронный ресурс, предназначенный для изучения звучащей речи, “погруженной” в обстоятельства ее произнесения, — отмечают В. П. Захаров и С. Ю. Богданова. — Корпус такого рода, кроме текстовой составляющей, может включать видео- и аудиозаписи процесса коммуникации с привязкой к тексту. Тексты выравнивают с их расшифровками, что позволяет исследовать не только языковые единицы, но и речевые действия говорящего в различных ситуациях общения, его неречевое поведение (мимику, жесты, позы)» [4, с. 90].

Таким образом, с точки зрения технической обработки лингвистических данных не существует принципиальной разницы между большими, широкоформатными корпусами с разнообразными и разножанровыми источниками и небольшим узким корпусом какого-либо исследования. В любом случае необходимо получить репрезентацию исходного текста и его аннотацию (детализированное описание). Качество и степень детализированности зависят от целей и задач лингвистической работы. Однако структура корпуса (*corpus architecture*) должна быть гибкой и способной отражать разные уровни исследования и в различных форматах.

В настоящее время электронные корпуса активно используются в учебных целях в связи с эпохой компьютеризации и введением новых методов обучения, поскольку они предоставляют большое количество разнообразных и уникальных возможностей в образовательном процессе. С одной стороны, корпуса широко применяются при создании разнообразных учебных пособий. Например, учебник «Real Grammar» (S. Conrad и D. Biber) разработан на основе корпуса. На наш взгляд, составление учебных пособий на базе анализа корпуса имеет важное преимущество благодаря использованию реальных речевых ситуаций. Все происходящие изменения в грамматическом строе, разговорных конструкциях, передающих разные интенции говорящего, должны быть зафиксированы в учебных пособиях по грамматике с опорой на данные, полученные в ходе обработки корпусов.

В свою очередь, диалоги и учебный материал в серии популярных учебников «Touchstone» также основываются на корпусных данных. Материал опирается на обширное исследование корпуса «Cambridge International Corpus of North American English», состоящего из большой базы данных повседневных диалогов. В результате учебник помогает учащимся общаться эффективно даже на начальном уровне.

С другой стороны, в обучении иностранным языкам используются непосредственно корпусные технологии. Так, А. Люделинг и М. Кито считают, что, говоря о применении корпусов в обучении языку, необходимо различать корпусные инструменты, т. е. пакеты программного обеспечения для доступа в корпус, и корпусные методы, которые применяются при работе с корпусом [5, р. 113]. В современных методологических и педагогических исследованиях описывается технология «Computer-Assisted Language Learning» (CALL), где основанное на корпусе программное обеспечение используется для осуществления интерактивной учебной деятельности, выполняемой студентами при помощи компьютера. Например, в качестве задания

может выступать работа по созданию на основе изученной лексики кроссворда, пазла, разработка теста на базе множественного выбора. К. Н. Волченкова отмечает, что «используя современные программные средства, а именно программы-конкордансеры, студенты сами могут выступить в роли создателей корпуса текстов, также путем подборки текстов они могут составить свою базу данных, с помощью которой в дальнейшем можно разработать глоссарии» [1, с. 34—35].

Интересно отметить прогресс в подходе к составлению, обработке данных, вычленению их из корпуса. Раньше пользователь получал лишь контексты употребления лексической единицы с указанием источника и возможностью ознакомиться с более широким контекстом, сам поиск был довольно общим, поскольку не существовало функции лемматизации, когда можно разграничить запрос и искать только определенную грамматическую форму. В настоящее время работа с корпусом стала значительно удобней. Следует добавить, что корпуса все больше подстраивают под нужды пользователя, чтобы они в полной мере соответствовали тенденции *user-friendly*. Появляется возможность выбирать необходимые функции для достижения поставленной цели: установить источник (письменный — устный, газета — журнал, художественная литература — научная литература и т. п.), временной отрезок, часть речи, поиск по слову, лемме или фразе/словосочетанию, использовать функцию «тезаурус» и т. п. Можно предположить, что в будущем корпуса станут еще более удобными, быстрыми и доступными, в том числе с точки зрения обновления и составления авторского корпуса на площадке какого-либо иного.

Библиографический список

1. Волченкова К. Н. Параллельный корпус как справочная база данных в работе переводчика // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2015. № 33. С. 32—35.
2. Ганиева И. Ф. Об использовании корпусов в лингвистических исследованиях // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 4. С. 104—106.
3. Захаров В. П. Корпусная лингвистика : учебное пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 48 с.
4. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика : учебное пособие. Иркутск : Иркут. гос. лингв. ун-т, 2011. 161 с.
5. Corpus Linguistics : an International Handbook / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2008. 320 p.
6. Manik S. On difficulties of compiling parallel corpus of socio-political terms // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 198. P. 465—473. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815044687> (дата обращения: 01.05.2016).

ББК 83.3(7Сое)6-8Уильямс

*П. В. Николаева***О ТЕАТРАЛЬНОСТИ ПРОЗЫ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА
(На материале повести «Римская весна миссис Стоун»)**

Рассматриваются приемы театрального языка, присутствующие в прозе американского драматурга Теннесси Уильямса и позволяющие раскрыть главную тему повести «Римская весна миссис Стоун» — «человек и вечность».

Ключевые слова: театральность, Теннесси Уильямс, пластический театр, интермедийность.

The article deals with the methods of the theatrical language which are present in the prose of the American dramatist Tennessee Williams. The analysis helps reveal the main topic of «The Roman Spring of Mrs Stone» — «a man and eternity».

Key words: theatricality, Tennessee Williams, plastic theatre, intermediality.

Проза Теннесси Уильямса в меньшей степени, чем его пьесы, исследована отечественными учеными. В появившихся в последнее время диссертациях [1, 2, 6] рассказы и повести писателя не являются предметом изучения. В сущности, в отечественном литературоведении есть только одна работа, посвященная этой стороне творчества писателя, — вступительная статья Г. П. Злобина к сборнику ««Римская весна миссис Стоун». Рассказы. Эссе», вышедшему в 1978 году [7].

Однако по своим художественным достоинствам рассказы и повести Уильямса не уступают его пьесам и представляют немалый интерес с точки зрения проблем, связанных с интермедийностью. Известно, что некоторые сюжеты Уильямс разрабатывал и как рассказы, и как пьесы. Самый известный пример этого — рассказ «Лицо сестры в сиянии стекла» и пьеса «Стеклянный зверинец».

Повесть «Римская весна миссис Стоун» («The Roman Spring of Mrs Stone») написана в 1950 году. Произведение было дважды экранизировано — в 1961 и в 2003 годах.

На наш взгляд, авторский замысел повести — передать экзистенциальное ощущение «вечной гонки, бега времени, столь неистового, что нам чудится, будто оно вопит» [7]*, ощущение, которое «лишает нашу жизнь достоинства и смысла». Вечная суэта человеческого существования, бессмысленность попыток остановить время противопоставляются вечности: события происходят в Риме — Вечном городе, в тексте много упоминаний старинных площадей, улиц, соборов, памятников, не говоря уже о том, что произведение начинается и заканчивается одним и тем же образом, который символизирует вечность, — «безоблачной синевы неба Рима». Этот образ в книге противопоставлен бессмысленному кружению в пустоте (именно так Уильямс определяет состояние миссис Стоун). На первой же странице читаем: «Бывают в жизни периоды, когда все словно затягивается пеленою нереальности и вдруг

© Николаева П. В., 2016

* Далее цитаты в тексте приводятся по этому электронному источнику.

теряет четкость, когда управляемая разумом воля — или то, что прежде ее подменяло, — утрачивает свою власть над нами или же видимость этой власти. И тогда возникает чувство, что тебя тащат и даже накрывают с головой вихревые потоки то ли паров, то ли влаги, образующие свою особую вселенную. Недавно миссис Стоун поняла, что с нею творится нечто подобное...» Развитие этого состояния героини, которое Уильямс называет кружением в пустоте, и есть настоящий сюжет повести. Автор четко обозначает завязку и развязку этого сюжета. Завязка — возникшее впервые ощущение пустоты в момент провала на сцене в роли Джульетты: «Пустоту эту она ощущает давным-давно, с тех самых пор, как с разорванной нитки градом посыпались жемчужины и она вцепилась в чьи-то руки, пытавшиеся ее удержать, и, жаждая довершить акт самоуничтожения (курсив наш. — П. Н.), бросилась обратно на сцену...» Акт самоуничтожения миссис Стоун совершает в конце — бросает ключ от своих апартаментов нищему бродяге, преследующему ее. И за этим следует развязка — образ остановившегося неба над Римом: «Миссис Стоун взглянула на небо: да ведь оно как будто перестало уплывать, остановилось! Она улыбнулась самой себе, прошептала: “Смотри-ка! Меня уже не кружит в пустоте!”»

В финале мы видим человека перед лицом вечности, на грани перехода из бытия в небытие.

Происходящее в повести можно определить точными словами Уильямса из уже цитировавшейся статьи «Вневременной мир драмы»: «Насколько известно из человеческого опыта, пока еще не открыт способ, позволяющий бытию одержать верх в схватке с небытием, и, если оценивать наши возможности реалистически, надо сказать, что победа в этой схватке заранее уготована небытию».

«Схватка бытия с небытием» происходит на страницах «Римской весны». Некрасивая история взаимоотношений итальянского жиголо и закончившей карьеру немолодой американской актрисы — это только внешняя канва произведения, смысл которого намного глубже.

Стремление повернуть время назад оборачивается попытками сохранить молодость, что заставляет Карен Стоун на закате своей карьеры сыграть Джульетту, сменить страну и круг общения, начать встречаться с мужчиной вдвое моложе себя, задуматься о пластике лица. Ощущение нелепости происходящего, неестественности и даже нереальности жизни главной героини подчеркивается Уильямсом благодаря использованию элементов театрального языка.

Для Уильямса важна была мысль о принципиальном различии между театром (и искусством в целом) и жизнью, которое заключается в отсутствии временного измерения в подлинном произведении искусства. Он пишет: «В драме же время остановилось — в том смысле, что взят определенный его отрезок. С помощью некоего фокуса удастся сделать так, что события остаются событиями, а не низводятся, к тому же столь быстро, до уровня заурядных происшествий. Зритель сидит в уютной полутьме зала, откуда может наблюдать за жизнью, развертывающейся на залитой светом сцене. Поступки и чувства действующих лиц так же значительны и достойны, как это могло бы быть в реальном мире, если б его удалось оградить от всеразрушающего натиска времени».

Тонкая грань между жизнью и театром анализируется автором в «Римской весне». Раскрытие центральной мысли произведения происходит во многом благодаря театральности прозаического текста. Задача нашей статьи — определить, каким образом средства и приемы театрального языка (в том числе и «пластического театра») помогают Уильямсу в раскрытии главной идеи повести.

«Театральность» — термин, довольно часто используемый в практике интермедиального анализа. Под театральностью Ю. М. Лотман понимает «язык театра как искусства» [4, с. 604]. В дальнейшем мы будем опираться на его выводы, а также на основные положения диссертации О. О. Легг «Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX—XX веков». Она намечает несколько возможных аспектов исследования проблемы театральности [3, с. 2]:

1) наличие драматургических элементов в тексте, не являющемся собственно драматическим;

2) тематические реминисценции, связанные с образами театра и театральными понятиями;

3) особую организацию литературного произведения, его деление на «сценические подмости», где совершается игровое действие, и пространство обыденных жизненных отношений, где находятся те, на кого направлена игра (так называемый внутритекстовый зритель).

В «Римской весне» действительно много реминисценций, связанных с миром театра. Прежде всего театральное поведение персонажей. В повести три центральных образа: Карен Стоун, ее светская знакомая, которая оказывается сводницей (графиня), и протеже графини — юноша по имени Паоло, молодой красивый жиголо. Поведение каждого из героев по-своему театрально.

Холодная и внутренне пустая миссис Стоун всю жизнь изображала на сцене страсти, которых не испытывала. Но ее профессионализм позволяет ей в отношениях с людьми играть ту роль, которая ей необходима в определенный момент. По словам графини, «даже на улице она до сих пор держится как на сцене».

Паоло артистичен от природы. Ему свойственна фантазия, которая заметно обостряется, когда он обижен и хочет заставить миссис Стоун чувствовать себя виноватой. Эта фантазия позволяет ему моментально придумать какую-то историю и сыграть ее. Он легко вживается в роль, придуманную для себя на ходу.

Графине также приходится играть свою роль — роль благородной аристократки, попавшей в сложную жизненную ситуацию. Одновременно она выступает и как режиссер, когда пытается манипулировать Паоло и миссис Стоун. Но то, что легко удавалось графине с другими богатыми дамами, не проходит с миссис Стоун, так как она умна и расчетлива.

В тексте мы часто встречаем выражения, связанные с миром театра и игры. «Паоло устроил целый театр», миссис Стоун давала понять, что «выходит из игры», графиня сравнивается с «опереточным комиком, изображающим пьяного», а вся сцена с ее участием — «совершенный фарс». Кабина лифта, который доставляет гостей в роскошные апартаменты миссис Стоун, уподобляется ложе оперы. Живописные улицы и панорамы Рима напоминают декорации в стиле барокко.

Театральность свойственна повести Уильямса не только на уровне системы образов и отдельных деталей, но и на более глубоких уровнях, касающихся времени и пространства произведения, организованных по театральным законам. Особенно очевидно это в финале повести.

Остановимся на финальной сцене подробнее. Она крайне важна, так как подготавливает развязку. Отношения героев напряжены в ней до предела. Благодаря использованию элементов театральной поэтики Уильямсу удается раскрыть внутренний мир персонажей и, кроме того, создать особый эффект театра в прозе. Писатель организует пространство прозаического текста по модели театрального пространства (сцена — зрительный зал — кулисы). Герои становятся одновременно актерами и зрителями, и у них появляется «возможность наблюдать за действующими лицами в особых условиях мира, существующего вне времени». Таким образом, в условиях прозаического текста Уильямс создает вневременной мир драмы, в котором «есть особая гармония, открывающая возможность для размышления и создающая атмосферу, которая позволяет ощутить трагизм изображаемого».

Посмотрим, как это происходит.

Место действия — роскошное палаццо миссис Стоун, куда Паоло без ее разрешения пригласил графиню и трех ее знакомых для того, чтобы они могли посмотреть любительское видео с их участием. Паоло ведет себя крайне вызывающе, интересуется исключительно собой и своей красотой. По пути домой, где уже собрались гости, между ним и миссис Стоун происходит ссора, и поэтому предстоящий вечер для нее явно не в радость: она остро переживает унижительное положение, в котором оказалась. У графини свои планы на этот вечер: она хочет помириться с Паоло и с этой целью приводит с собой молодую голливудскую актрису «в качестве приманки — так протягивают кусок сахара своенравному пони, чтоб заманить его обратно в стойло». Миссис Стоун больше не интересна графине, она хочет переключить внимание Паоло на другую жертву, которая, по ее расчетам, окажется более выгодной.

Графиня собирается стать режиссером в этот вечер. Она заранее намекает Паоло о своих планах, льстит ему. Ее сценарий заведомо оскорбителен для хозяйки дома, которая даже не предупреждена, что в ее палаццо устраивают прием в честь другой актрисы, находящейся в расцвете красоты и молодости.

Но получается все еще хуже, и заканчивается вечер совершенно безобразной сценой. Эстетика пластического театра Уильямса предполагает, что драматургия — это способ шокировать публику, поэтому в его пьесах много сцен жестокости, насилия (в первую очередь насилия психологического). Напомним также, что теория пластического театра — новый вариант «неаристотелевского», «некатарсисного» театра. Благодаря расхождению фабулы пьесы и «спектакля» мы можем наблюдать, как срывается катарсис, что ведет зрителя к пониманию авторского замысла и позволяет избежать однозначной оценки персонажей.

Именно это и происходит в анализируемом эпизоде «Римской весны». Текст организован по драматургическому принципу. Финальный эпизод как акт можно разделить на сцены, причем каждый раз, как появляется новое действующее лицо, «актеры» становятся «зрителями», а «зрители» — «актерами». Иными словами, в корне меняется сама театральная модель, и это сбивает с толку, мешает расставить нужные акценты.

С самого начала автором создана театральная ситуация. Графиня — режиссер — организует театральное действие, актерами в нем должны стать Паоло, миссис Стоун и голливудская кинозвезда, а зрителями — две ее знакомые светские дамы. Но ее план срывается самым неожиданным и нелепым образом. Старая дама выпивает натошак рюмку коньяку и не может не только руководить «актерами», но и справиться с собой. Она сплетничает о миссис Стоун, поведением которой недовольна, и теряет над собой контроль, слышит себя будто со стороны («...голос донесся издалека, будто она стоит, подслушивая за дверьми залы»). Изначальный замысел разрушен. Уильямс выстраивает мизансцену, как в драме: «Женщины сдвинули кресла теснее — графиня говорила быстрым хриплым шепотком и без конца метала взгляды на закрытую дверь прихожей, откуда, по ее расчетам, должна появиться та, кому они перемывали кости».

Но миссис Стоун и Паоло входят в зал с другой стороны (из спальни), незамеченными. Они слышат то, что не предназначалось для их ушей. Здесь использован традиционный прием комедии положений. Благодаря ему Паоло и миссис Стоун становятся зрителями, а сплетницы в гостинной — актерами.

Одновременно между Паоло и миссис Стоун разыгрывается свой безмолвный спектакль. Вернувшись домой в расстроенных чувствах, они входят в спальню. «Они не обменялись ни единым словом, ни разу не взглянули друг на друга. Безмолвные, словно двое воров, стояли они перед разными зеркалами...»

Зеркало — важный символ в «Римской весне». Он неоднократно появляется в повести в качестве лейтмотива, так как тесно связан с темой времени: зеркало фиксирует скоротечность материальной красоты. По словам С. Мельшиор-Бонне, «созерцать свое изображение — это значит наткнуться на свои границы и пределы, это означает видеть, как время вершит свою разрушительную работу, это значит постигать причиняющие боль очевидные вещи, порождающие страх, от которых человек старается защитить себя, а именно осознавать свою биологическую реальность и свою конечность, смертность» [5, с. 373].

Миссис Стоун и Паоло смотрят в разные зеркала, что подчеркивает их отчужденность, замкнутость каждого на своей персоне. Их миры никак не пересекаются. Взгляд в зеркало — попытка сконцентрироваться. Паоло, влюбленный в свою внешность, получает уверенность в себе и поддержку, глядя в зеркало; миссис Стоун, видя свою увядающую красоту, — наоборот, лишается последних остатков чувства собственного достоинства и величия. В то же время нельзя сказать, что сцена перед зеркалом — это момент истины для героев: они смотрят, но не видят.

Из состояния созерцания их выводят грубые слова, которые они слышат. Миссис Стоун подслушивает у приоткрытой двери: «Вот тогда миссис Стоун подошла к двери, но не открыла ее. Всегда как-то странно слушать, как люди говорят о тебе, не подозревая, что ты тут же, рядом. Даже если они употребляют при этом слова вполне обычные, все равно испытываешь чувство нереальности. Но разговор, который слушала миссис Стоун, изобилует выражениями необычными и потряс ее до такой степени, что она будто со стороны увидела свою жизнь за последние года два; увидела, но осмыслить не смогла, словно бы ощупью пробиравась в кромешной тьме по какому-то незнакомому туннелю, и неожиданно в глаза ей потоком хлынул свет, и она, потрясенная, в ужасе отпрянула и от стены, по которой шарили ее руки, и от внезапно открывшейся ей картины».

В этой сцене миссис Стоун одновременно является зрителем, который из-за кулис наблюдает за спектаклем, разыгрывающимся в зале ее квартиры (Уильямс не случайно везде употребляет слово «зала»), и актером — для Паоло. Ошарашенная, ослепленная, утратившая чувство реальности, она впервые искренна, она теряет контроль над собой. Внутреннее состояние героини (ее шок — подготовка к переходу в иное измерение) автор передает не через ее речь, а через жесты, взгляды ее и Паоло, через гротескность самой ситуации, проявляющуюся в чрезмерно подчеркнутом внимании к построению мизансцен, в акцентировании деталей внешнего облика и поведения героев.

Реакция Паоло на разговор в гостиной и на шок миссис Стоун — окаменение. Он показан через восприятие миссис Стоун: «Глянув на него через плечо, миссис Стоун увидела, что он стоит неподвижно, как замороженный; руки его — в одной щетка, в другой одеколон — застыли по обе стороны сверкающей черной головы. От ее взгляда он разморозился, швырнул щетку и одеколон на пол и кинулся к двери, у которой она стояла.

— Подслушивать нехорошо, — бросил он на ходу и, оттолкнув ее, распахнул дверь и смело вышел в залу».

Немая сцена, окаменение Паоло (это тоже театральные приемы) выразительнее любых возможных средств, которыми располагает проза.

Выход Паоло в гостиную отмечен как новое явление. Мы уже говорили, что он — прирожденный актер. В данном случае он прекрасно понимает, что находится в центре внимания, и играет свою роль с особым чувством. Появление Паоло в гостиной со стороны спальни вызывает общее чувство крайней неловкости, и только его непринужденность и естественность (которые не более чем игра, отдающая пошлостью) позволяют разрядить обстановку: «В приоткрытую дверь она [миссис Стоун] смотрела, как его представили киноактрисе, как он поднес ее руку к губам и опустил, не поцеловав, — высший класс упадочно-утонченной римской галантности. Как он повторил этот жест, только еще небрежней, здороваясь с молодыми римлянками, затем с непринужденной грацией уселся на подлокотник кресла, в котором расположилась графиня».

В этой сцене окончательно нарушаются границы, организующие театральное пространство. Паоло — актер, мастерски играющий свою роль с целью произвести впечатление на голливудскую актрису и откровенно любующийся собой. Дамы в гостиной — зрители и одновременно актеры. Миссис Стоун смотрит как бы двойной спектакль (театр в театре) — блестящее выступление Паоло и весьма слабую игру сплетниц, утративших самообладание, но пытающихся притвориться, что ничего не произошло. Но в то же время и она является актрисой на сцене. В лучших традициях пластического театра Уильямс выделяет лучом прожектора фигуру своей героини, одетой в платье цвета шампанского: «А миссис Стоун все стояла за приоткрытой дверью, и у нее не хватало духу ни выйти в залу, ни уйти обратно в спальню. Гости не могли не видеть нелепо застывшей в дверях хозяйки — широкий луч света выхватывал из полутьмы всю ее фигуру в переливчато-золотистом вечернем платье, — но ни одна из них не повернула головы в ее сторону. Напротив, дамы старательно отворачивались, словно решив притвориться, будто не замечают, как у них на глазах совершается нечто непристойное. <...> А миссис Стоун все стояла за приоткрытой дверью, в столбе яркого света, словно зрительница, оказавшаяся так близко к сцене,

что залита ее огнями». Миссис Стоун оказывается в положении актрисы на сцене. Как бы она ни повела себя, ее поведение будет театрально: она может сделать вид, что ничего не случилось, и играть роль хозяйки или уличить своих гостей в подлости, но это тоже будет своеобразной игрой в оскорбленную добродетель, потому что сплетни графини далеко не бесосновательны. При всем том для застывшей в луче света фигуры данный момент является моментом саморазоблачения. Яркий свет подчеркивает золотой цвет платья — цвет денег, торжество чувственного, материального начала.

Миссис Стоун в этот момент видит и слышит себя тоже со стороны. Она как бы играет роль и для самой себя. Находясь в пограничном состоянии, она не перестает быть актрисой. К ней возвращаются ее навыки, умение владеть публикой: «И тут миссис Стоун вдруг услышала собственный голос:

— Паоло, — услышала она, — у графини рюмка скучает.

Потом, словно со стороны, увидела, как входит в залу, машинально здороваются с гостями, извиняется за свое опоздание. Наконец она обратилась к графине:

— Ну, теперь можете рассказывать дальше».

Сцена в гостиной написана человеком, в совершенстве владеющим театральной эстетикой. Как режиссер Уильямс фиксирует мельчайшие детали: чувственный взгляд Паоло на грудь и губы актрисы, застывшие улыбки дам (улыбки манекенов), движение графини к рюмке с коньяком. Создается своеобразный эффект остранения, помогающий передать ощущение участников сцены, будто все это происходит не здесь и сейчас и не с ними. Отсюда возникает эффект отсутствия времени, о котором писал Уильямс как о важнейшем признаке драмы, позволяющем приподнять людей над пошлостью их обыденной жизни, показать значительность их поступков и раскрыть трагичность человеческой жизни.

Библиографический список

1. Курмелев А. Ю. Позднее творчество Теннесси Уильямса в контексте традиций европейского театра XX века : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 203 с.
2. Лапенков Д. С. Драматургия Теннесси Уильямса 30—80-х годов: вопросы поэтики : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 199 с.
3. Легг О. О. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX—XX веков : на примере романов У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», С. Моэма «Театр» : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 170 с.
4. Лотман Ю. М. Язык театра // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 2005. С. 603 — 608.
5. Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 474 с.
6. Пронина А. А. Поэтический театр Теннесси Уильямса : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2004. 152 с.
7. Уильямс Т. Римская весна миссис Стоун ; Рассказы ; Эссе. М. : Худож. лит., 1978. URL: <http://libatiam.net/read/494558/> (дата обращения: 25.05.2016).

ББК 83.3(7Сое)52-8По,4

*М. Н. Павлова***РОМАНТИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ
В ЛОГИЧЕСКИХ НОВЕЛЛАХ Э. ПО**

Статья посвящена исследованию одного из основополагающих аспектов эстетики Э. По, а именно романтизации абстрактно-интеллектуальной сферы, на примере так называемых логических новелл, или ратиоциаций.

Ключевые слова: взаимодействие науки и литературы, Эдгар По, логические новеллы, «Эврика», эстетика романтизма.

The article explores one of the key aspects of E. Poe's aesthetics, namely romantic depiction of the abstractly intellectual as exemplified in his so-called ratiocinations.

Key words: interaction of science and literature, Edgar Poe, ratiocinations, «Eureka», aesthetics of romanticism.

При всем жанровом, идейном и стилистическом многообразии произведений, которые принято объединять в рамках понятия «романтизм», работы знаменитого американского писателя Эдгара По, по мнению многих критиков, стоят особняком. Чтобы понять природу художественного своеобразия наследия По, необходимо выявить важнейшие принципы, составившие основу его эстетики.

Несмотря на то что романтизм не поддается четкому определению, для многих романтиков характерно так называемое двоемирие, или, в более общем виде, противопоставление идеального и реального, которое прослеживается в их творчестве с той или иной степенью завуалированности и является, наряду с романтической иронией, одной из отличительных черт этого направления.

В творчестве Э. По, наиболее известного своими «готическими» рассказами и детективными новеллами, преобладает мрачный колорит. Мы не обнаружим здесь идеализации мира природы, исторического прошлого, сферы возвышенных эмоций, свободолюбия, поиска приключений и других распространенных среди романтиков мотивов. Тем не менее комплексный анализ произведений, биографии и документов Э. По позволяет выявить и в его творчестве объект идеализации. Для писателя это абстрактно-интеллектуальная сфера и научное познание, основанное на воображении, смелом теоретизировании и отказе от догм (см.: [1, с. 144—189]).

Научная и абстрактно-интеллектуальная сфера выступает для По в качестве своеобразного обособленного мира, и именно внутри него у По в видоизмененной форме можно проследить многие черты, характерные для романтизма в целом: роль природы здесь выполняет Вселенная с небесными телами; роль исторического прошлого — открытия ученых прошлых эпох, не скованных рамками эмпиризма; свободолюбие проявляется в отстаивании принципов познания, противоречащих общепринятой среди современников По научной методологии. Более того, как мы видим в одном из последних

и наиболее масштабном произведении По — космологическом трактате «Эврика», научное познание выступает для него объектом эмоционального переживания.

Идеализация абстрактно-интеллектуальной сферы не лежит на поверхности в произведениях По, но является одним из сквозных мотивов его творчества. Яркой иллюстрацией этой позиции писателя служит следующий фрагмент его письма другу Ф. Томасу от 14 февраля 1849 года: «Поверь мне, Томас, Литература — самая благородная из профессий... Меня ничто не свлечет с этого пути. Я *littérateur* на всю жизнь. Я не променяю надежд, которые еще влекут меня, на все золото Калифорнии... Тебе когда-нибудь приходило в голову, что все то, что действительно дорого писателю — в особенности поэту, нельзя купить ни за какие деньги? Любовь, слава, царство интеллекта, осознание своего могущества, волнующее соприкосновение с красотой...» [4, vol. 2, p. 426—427]. Показательно, что в круг вещей, «наиболее дорогих» поэту, Э. По включает и эстетическую сферу («the thrilling sense of beauty»), и интеллектуальную («the dominion of intellect»).

Существует свидетельство того, что Э. По действительно стремился быть признанным не только как писатель, но и как ученый еще до публикации в 1848 году своего космологического трактата «Эврика». Подвергаясь атакам литературных противников из журнала *The New York Mirror*, 15 июня 1846 года Э. По отправляет письмо благожелательно настроенному к нему редактору *The Reveillé* Дж. Филду и просит его разместить заметку о себе, где бы значилось, в частности, следующее: «*The Athenaeum, The British Critic, The Spectator, The Popular Record of Modern Science, Churton's Literary Register* и многие другие журналы, как научные, так и литературные, единогласно одобрили рассказы и стихотворения мистера По» (подчеркнуто мной. — М. П.) [4, vol. 2, p. 319].

Можно заметить, что во многих эссе и произведениях По присутствуют математические сравнения и метафоры. Так, в трактате «Логическое обоснование поэзии» (*The Rationale of Verse*, 1847) он утверждает, что сочинение стихов — это на девять десятых математика. Восхищение каким-либо объектом возникает из восприятия правильности его структуры, пропорциональности, будь то стихотворение или кристалл; причем с возрастанием числа граней кристалла восхищение возводится в квадрат, куб и так далее почти что в строгой математической пропорции.

В новеллистике Э. По идея синтеза математической логики и поэтического воображения находит наиболее последовательное воплощение в трех логических новеллах, или рациионациях, в которых сквозным персонажем является детектив Огюст Дюпен. Это рассказы «Убийства на улице Морг» (*The Murders in the Rue Morgue*, 1841), «Тайна Мари Роже» (*The Mystery of Marie Rogêt*, 1842) и «Похищенное письмо» (*The Purloined Letter*, 1844), широко известные как «детективные» новеллы По.

Первая рациионация — «Убийства на улице Морг» — имеет своего рода вступление эссеистического характера, в котором Э. По рассуждает о свойствах интеллекта. Нетрудно заметить, что ряд его наблюдений в равной степени можно отнести как к центральному герою рациионаций, О. Дюпену, так и к самому писателю: «The ingenious are always fanciful, and the truly imaginative never otherwise than analytic» (подчеркнуто мной. — М. П.) [3, p. 181] («Люди изобретательные — большие фантазеры. Человек с подлинно богатым воображением, как правило, склонен к анализу» [2, с. 287]);

«Analytical features... are always to their possessor, when inordinately possessed, a source of the liveliest enjoyment. As the strong man exults in his physical ability, delighting in such exercises as call his muscles into action, so glories the analyst in that moral activity which disentangles. He derives pleasure from even the most trivial occupations bringing his talent into play. He is fond of enigmas, of conundrums, of hieroglyphics; exhibiting in his solutions of each a degree of acumen which appears to the ordinary apprehension preternatural» [3, p. 178] («Для человека, особенно одаренного в этом смысле, дар анализа служит источником живейшего наслаждения. Подобно тому как атлет гордится своей силой и ловкостью и находит удовольствие в упражнениях, заставляющих его мышцы работать, так аналитик радуется любой возможности что-то прояснить или распутать. Всякая, хотя бы и нехитрая задача, высекающая искры из его таланта, ему приятна. Он обожает загадки, ребусы и криптограммы, обнаруживая в их решении пронизательность, которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной» [2, с. 285]). Так, например, общеизвестным является пристрастие По к составлению и расшифровке криптограмм.

Герой По О. Дюпен блестяще сочетает способности к анализу и синтезу, дедукции и индукции, жесткую, «математическую» логику с интуицией и живым воображением. Описание мыслительных способностей Дюпена, проявляемых им в ходе расследований, составляет идейную доминанту рациионаций. Как поясняет сам По в письме к издателю Дж. Робертсу от 4 июня 1842 года, «основная мысль (рассказа «Убийства на улице Морг». — М. П.) — применение изобретательности в расследовании убийства» [4, vol. 1, p. 201].

Показательно то, что автор говорит о Дюпене прежде всего как о человеке, наделенном *талантом*, обладающем «примечательными особенностями мышления» («remarkable features, idiosyncrasy»). Можно утверждать, что он представляет собой ярко выраженный тип романтического героя. Проявляется это в том, что Дюпен, имеющий уникальные интеллектуальные способности, противопоставлен окружающим — полицейским, ведущим следствие, и обывателям, ждущим новостей о расследовании. Помимо «примечательных особенностей мышления», Дюпен обладает довольно эксцентричным характером, склонностью к затворничеству, что сближает его с героями психологических новелл По, такими как Родерик Ашер («Падение дома Ашеров»). Кроме этого, Дюпен романтически идеализирован: он никогда не ошибается в своих интуитивных прозрениях, так что у читателя должно сложиться впечатление о его сверхъестественных способностях.

Отметим, что идея противопоставления Дюпена полицейским с точки зрения подходов к расследованию, вероятно, была почерпнута По из наблюдений за современным ему состоянием науки в Америке. За долгие годы работы редактором он прочел множество статей американских ученых, в то время догматично следовавших индуктивному методу Бэкона и собиравших факты естественной истории. Узколобые полицейские из рациионации По «Похищенное письмо» действуют таким же образом, и при скрупулезном обыске дома, где совершено преступление, им не удастся ничего обнаружить, поскольку принцип в их расследованиях всегда неизменен. Загадку способен разрешить только Дюпен с его панорамным видением, необычной точкой зрения и смелой дедукцией.

Несомненно, что О. Дюпен является персонажем, очень близким самому Э. По, хоть его и нельзя считать литературным двойником писателя. Дюпену, как и По, «нравилось упражнять свои аналитические способности,

если не блистать ими, и он, не чинясь, признавался, сколько радости это ему доставляет» [2, с. 288] («He seemed, too, to take an eager delight in its exercise of his peculiar analytic ability — if not exactly in its display — and did not hesitate to confess the pleasure thus derived» [3, p. 182]). В образе Дюпена воплощено то свойство, которое Э. По сознательно культивировал в себе в течение всей жизни, а именно совмещение логики и интуиции, способность быть одновременно математиком и поэтом. Эти качества романтик стремился проявить в своем художественном творчестве, что было отмечено уже современниками писателя.

Позже, в космологическом трактате «Эврика», По создает по аналогии с персонажем О. Дюпеном образ некоего «идеального» повествователя, которому заведомо известны все законы материальной и духовной Вселенной. Благодаря серии безупречных логических построений, он способен мысленно вернуться к моменту образования Вселенной и проследить ее развитие вплоть до конца. В соответствии с принятой им точкой зрения, которую он сравнивает с нахождением на вершине горы, повествователь способен одинаково свободно рассуждать на широчайший круг научных и философских тем. Здесь По ближе всего подходит к воплощению собственного представления о гениальной творческой личности, сочетающей пылкое воображение со способностью к научному анализу. Кроме того, парадоксальным образом в трактате «Эврика» Э. По удалось интуитивно предугадать многие научные теории XX века.

Библиографический список

1. Павлова М. Н. Наука в художественном мире Эдгара По. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. 196 с.
2. По Э. А. Полное собрание рассказов. М. : Наука, 1970. 808 с.
3. Poe E. A. The Works of the Late Edgar Poe : in 4 vols. New York, 1850. Vol. 1. 483 p.
4. The Letters of Edgar Allan Poe : in 2 vols / ed. by J. W. Ostrom. Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1948. Vol. 1. 614 p. ; Vol. 2. 664 p.

ББК 63.3(4Фра)64.38

П. Б. Градусова, В. Л. Черноперов

«ЦЫГАНСКИЙ ВОПРОС» ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦИИ НИКОЛЯ САРКОЗИ В 2010—2011 гг.

Рассматривается политика президента Франции Николя Саркози в сфере безопасности в контексте решения «цыганского вопроса» в 2010—2011 гг.; представлены оценки политики Н. Саркози его сторонниками и противниками; анализируются внутривнутриполитические и международные последствия политики Франции в отношении цыган.

Ключевые слова: Н. Саркози, Б. Ортефё, Э. Бессон, В. Рединг, Ж. Баррозу, Европейский союз, Европейская комиссия, «цыганский вопрос».

This article is devoted to the security policy of Nicolas Sarkozy within the framework of Gipsy issue in 2010—2011; the author presents the views of Sarkozy's advocates and opponents on his policy as well as analyzes domestic and international effects of such a policy.

Key words: N. Sarkozy, B. Hortefeux, E. Besson, V. Reding, J. Barroso, the European Union, the European Commission, «Gipsy issue».

Во время президентской предвыборной кампании 2007 г. кандидат от партии «Союз за народное движение» Николя Саркози часто рассматривал проблемы иммиграции во Франции в тесной связи с вопросами безопасности [15, с. 37]. Заняв пост главы государства, он обратился к реформированию этой сферы. К активизации действий Н. Саркози подталкивали протестные акции с этно-конфессиональной составляющей, имевшие место еще в то время, когда он занимал пост главы МВД в правительстве Доминика де Вильпена (2005—2007 гг.). В 2007 г., после того как Саркози сел в кресло президента, как и двумя годами ранее в 2005 г., пригороды Парижа сотрясли погромы, организованные местной молодежью, большей частью с иммигрантскими корнями [17]. Тогда конфликт в течение трех дней удалось погасить, но это едва ли можно считать тождественным решением проблемы. Внутри проблемы иммиграции со временем сформировалась ее частная составляющая — так называемый «цыганский вопрос».

Точное количество цыган ни в мире, ни в Европейском союзе не знает никто. Некоторые оценивают общее число ромов в 18 млн [8, с. 24], в Европе же, по данным Совета Европы, на территории 47 государств, входящих в эту международную организацию, насчитывалось на 2010 г. от 10 до 12 млн [30]. Причем несколько миллионов (некоторые называют цифру в 6 млн) после присоединения к Европейскому союзу Словакии, Венгрии и Чехии в 2004 г. и Румынии и Болгарии в 2007 г., где сложились многочисленные общины цыган, оказалось в ЕС. По уровню и качеству жизни, по словам вице-президента Всемирного банка Йоханнеса Линна, побывавшего в нескольких таборах в Словакии, эти люди проживали в XII, а не в XXI веке [8, с. 24]. Действительно, большинство цыган стран Европейского союза находятся за чертой бедности.

Согласно данным группы экспертов ЕС, обнаруженным в октябре 2014 г., ромы много чаще, чем среднестатистические жители Евросоюза, заражаются инфекционными болезнями, у них ниже вакцинация детей, выше уровень хронических больных, быстро распространяются наркомания и ВИЧ [29, р. 13—15, 17, 20]. Причем женщины по сравнению с мужчинами находятся в худшем положении [29, р. 18]. Как следствие, цыгане живут в разных странах ЕС в среднем на 2—20 лет меньше граждан Евросоюза других национальностей [29, р. 10]. Кроме того, у ромов низка вероятность получения среднего образования, достойной работы и жилья [29, р. 16].

Цыгане, желая вырваться из нищеты, быстро сориентировались в новой ситуации, сложившейся с расширением ЕС, и начали массово переселяться из традиционных мест проживания в более благополучные страны Европы, включая Францию. Приехавшие присоединились к ромам, уже проживавшим в Пятой республике. По некоторым (весьма приблизительным) данным, община цыган Франции к 2010 г. достигла 400 тыс., причем большинство ромов (95 %) вели оседлый образ жизни и получили гражданство Пятой республики [1, 10, 19]. Параллельно с численным ростом цыган, особенно вновь прибывших из стран Восточной Европы, во Франции увеличивалось количество проблем социального и криминального порядка. В 2010—2011 гг. противоречия переросли в открытое столкновение цыган и властей. Эти события и стали предметом нашего исследования.

В изучении данной темы авторы настоящей статьи опирались, прежде всего, на работы журналистов, в большинстве случаев являвшихся непосредственными свидетелями описываемых событий, на их краткие сообщения и аналитические статьи. Таким образом, основной корпус проработанных нами источников лежит на границе источник/исследование.

Новостные материалы, проанализированные при подготовке данной публикации, взяты преимущественно с сайта Международного французского радио [2, 5, 7, 10 и др.]. Бóльшей частью — это фрагменты статей по одной теме, взятые из средств массовой информации широкого политического спектра, что помогает изучить проблему с нескольких точек зрения. Кроме того, были проанализированы материалы французской общенациональной популярной газеты «Libération» [18].

Помимо французских СМИ авторы данной статьи привлекли материалы англоязычной прессы: авторитетного леволиберального британского издания «The Guardian» [19, 32, 33, 34], американских СМИ — еженедельного новостного журнала «Newsweek» [26], новостного и комментарийного веб-сайта «The Daily Beast» [25] и интернет-газеты «The Christian Science Monitor» [20, 23, 24], а также сайта «Global Research» канадского Центра исследований глобализации [31]. Кроме того, нами были проанализированы публикации «Statewatch Journal» — издания, которое проводит постоянный мониторинг соблюдения в Европейском союзе гражданских свобод [22], материалы Совета Европы и институтов ЕС [29, 30].

Начало открытому конфликту властей Франции с ромами положили события в Гренобле 16 июля 2010 г. В этот день во время преследования полицией банды, ограбившей казино, был застрелен ранее судимый Карим Будуда, цыган по национальности. Его гибель привела к массовым беспорядкам, учиненным цыганской молодежью и приведшим к сожжению 60 машин и разгрому нескольких магазинов [5]. Примерно в то же время начались уличные беспорядки в Сент-Эньяне, поводом для которых стала гибель рома Луиджи Дюкене, пытавшегося скрыться от дорожного патруля [1].

Власти Франции ответили быстро и жестко. В города были направлены следователи, в Сент-Эньян выслан патруль из 300 полицейских и отряд спецназа [13]. Результаты не заставили долго ждать — задержанию подверглись несколько десятков нарушителей порядка.

В Гренобль для решения проблемы выехали президент Николя Саркози и министр внутренних дел Брис Ортефё. По прибытии они сделали весьма резкие заявления о необходимости ужесточения иммиграционной политики. Президент, в частности, говорил о лишении гражданства и выдворении из страны иммигрантов за совершение уголовных преступлений, нападение на стражей правопорядка или других государственных служащих [12]. Выполнение данных угроз ставило под вопрос сохранение так называемого «права почвы» — автоматического предоставления иностранцам гражданства по достижении ими 18-летия (совершеннолетия) при нахождении во Франции минимум 11 лет по разрешению проживания в стране сроком на 5 лет [4].

Развернув наступление на цыган, власти объявили таборы рассадниками преступности. В августе 2010 г. началась массовая высылка из Франции ромов-иммигрантов в страны их первоначального проживания, в основном — Румынию и Болгарию (хотя Будуда и Дюкене являлись гражданами Франции). О размахе акции и «усердии» при ее проведении убедительно говорит следующий факт: вместо первоначально заявленных 700 цыган к середине сентября 2010 г. из страны было выслано около 1230 ромов [1].

Отмеченные выше резонансные события позволили Н. Саркози вернуться к предвыборным обещаниям 2007 г. по обеспечению безопасности. На противодействие преступности были выделены дополнительные ассигнования. Кроме того, в марте 2011 г. был принят закон «О внутренней безопасности» (LOPPSI-2), действие которого было рассчитано до 2013 г. Одна из статей этого документа предписывала принудительное выселение жителей из так называемых альтернативных поселений, мобильных строений и трущоб с их последующим сносом [18]. По факту это положение касалось многих мест проживания малоимущих семей и практически всех цыган.

Во Франции LOPPSI-2 поддержали далеко не все. В частности, 13 из 142 пунктов закона раскритиковали в Конституционном совете Франции (наибольшее количество пунктов за всю историю Пятой республики) [16]. Члены этого авторитетного органа отвергли, например, пункт о насильственном выселении. Теперь для проведения подобной процедуры необходимо было получить разрешение у владельца жилья.

Отмеченные выше возражения Конституционного совета не касались, однако, нелегальных поселений. Данное обстоятельство позволило французским властям начать массовый снос незаконных жилищ. Первыми под удар попали цыганские таборы.

Действия властей вызвали возмущение во Франции. Недовольство дало о себе знать и внутри французского кабинета министров: попытки связать преступность с этносом были раскритикованы премьер-министром Франсуа Фийоном, а министр иностранных дел Бернар Кушнер в знак протеста заявил о готовности подать в отставку [6]. К критике в высших эшелонах власти присоединились правозащитные организации, например «Amnesty International», представители которой отметили, что подобного рода меры по отношению к гражданам ЕС допустимы только на основе тщательных проверок, которые властями не проводились [3].

Антицыганская политика команды Саркози вызвала возмущение на уровне Евросоюза. В августе 2010 г. руководство Еврокомиссии публично потребовало от Парижа соблюдения прав и свобод, связанных с передвижением граждан ЕС и выбором ими места жительства [7]. Недовольство выразили также власти Румынии и Болгарии, страны происхождения большей части высылаемых цыган [7]. Позже, правда, Бухарест ослабил критику. Дело в том, что 9 сентября 2010 г. Румынии и Франции удалось заключить договор об интеграции возвращавшихся на родину цыган.

Отмеченная договоренность, правда, не способствовала спаду действий французского правительства, но и официальный Париж не сдавался и находил новые аргументы в защиту своей позиции. Так, глава МВД Брис Ортефё, оправдывая жесткие меры, обратился к данным статистики, согласно которым за полтора года до августа 2010 г. только в столице уровень преступности среди цыган вырос на 259 % [27]. Министр по делам иммиграции Франции Эрик Бессон подошел к обоснованию проводимой политики, за проведение которой он нес значительную часть ответственности, с другой стороны. В одном из выступлений он заметил: отправка цыган-нелегалов в страны по месту рождения является законной, так как проводится по решению суда и на добровольной основе. Нелегалам, добровольно покинувшим территорию страны, подчеркивал Э. Бессон, государство предоставляло гуманитарную помощь: 300 евро на взрослого и 100 — на ребенка. Если же цыгане откажутся вернуться на родину, предупреждал министр, они не только будут репатриированы принудительно, но и лишатся денежной компенсации [28]. При этом, желая минимизировать новую порцию критики, Бессон поспешил заявить, что Франция будет готова вновь принять высланных ранее иммигрантов, правда, при условии их возвращения в Пятую республику на легальной основе.

Аргументы французских министров не возымели ожидаемого эффекта. Дошло до обвинений властей Франции в расизме и даже нацизме. Оппоненты президента Н. Саркози и правящего кабинета внутри страны и за ее пределами указывали на то, что высылке из Франции подвергаются представители отдельной группы, выделенной по этническому признаку, депортация носит коллективный характер, и при ее проведении не предусматривается ни рассмотрение каждого случая отдельно, ни применение индивидуального подхода (подр. см.: [22]). Появление же нелегальных цыганских поселений в прошлом, которые теперь подверглись уничтожению, противники Саркози представляли как результат бездействия властей и даже нарушение закона. Дело в том, что по существующему во Франции законодательству власти городов, население которых превышало 5000 жителей, были обязаны отводить определенные земельные участки с необходимыми коммуникациями под стоянки цыган [11]. На практике этот закон часто игнорировался. В результате вместо 42 000 мест, которые власти на местах должны были предоставить под цыганские поселения, было выделено около 13 000 [23], что существенно усугубляло социальные проблемы как в отношениях ромов с жителями французских городов, так и внутри цыганского сообщества.

Противники политики депортации цыган отмечали также, что она как метод борьбы с нелегальной иммиграцией ромов в рамках ЕС фактически не работает. Выселенные цыгане, будучи гражданами Болгарии и Румынии — стран Европейского союза, имели право свободного передвижения по территории ЕС и могли в любой момент вернуться во Францию [9]. На практике так и происходило. Здесь весьма показателен следующий случай: три рома из Румынии, получив

предписание покинуть Францию, отправились пешком в соседнюю Бельгию, пересекли границу, прошли несколько метров по бельгийской территории, затем развернулись и на глазах стражей правопорядка вернулись во Францию, но теперь уже на формально законных основаниях [33].

Официальный Париж, несмотря на продолжающуюся критику, не сдавался и в защиту проводимых мер обратился к законодательству ЕС, точнее, к тем положениям, согласно которым правила свободного передвижения в Евросоюзе на граждан Болгарии и Румынии, ставших членами Союза только в 2007 г., в полной мере не распространялись. Поэтому, заявлял упоминавшийся выше министр Бессон, Франция имела законное право высылать граждан государств — новых членов ЕС, если те находились на территории страны дольше трех месяцев [20]. Это правило, правда, не распространялось на нашедших работу и имеющих медицинскую страховку.

Проблема трудоустройства, острая сама по себе, в случае с цыганами приобрела особое измерение. Для них, по словам ромов, при поиске места жительства и работы помимо общих барьеров, связанных с жильем и трудоустройством, возникали дополнительные [23]. Мэры и муниципалитеты городов или не отвечали на их письма, или пытались переложить решение проблемы расселения цыганских семей на соседние муниципалитеты. В итоге сложился «заколдованный круг» — власти ни в центре, ни на местах проблемами цыган всерьез не занимались, как следствие — ромы не получали ни законных прав на жилье, ни работы и, следовательно, автоматически нарушали закон о трехмесячном пребывании во Франции, за что подлежали высылке. Проблема усугублялась еще и тем обстоятельством, что значительная часть цыган традиционно промышляла ремеслом и мелкой торговлей. Однако с 1990-х гг., в связи с резким увеличением потока дешевого товара из стран Азии, промыслы цыган оказались неконкурентоспособны [23].

В контексте рассмотрения «цыганской политики» во Франции 2010—2011 гг. невольно встает вопрос: почему именно в этот период он приобрел во властных коридорах столь громкое звучание? Ведь, как отмечают исследователи, депортация цыган из Пятой республики началась и активно проводилась задолго до злополучных событий в Гренобле и Сент-Эньяне, причем в больших масштабах. Уже на второй год президентства Саркози, в 2008 г., из Франции выселили около 8000 цыган, а в третьем, 2009 г., — уже более 11 000 [33]. К концу же августа 2010 г. количество депортированных было меньше последней цифры — 8313 рома [27]. Ответ на сформулированный выше вопрос, по нашему мнению, лежит в политических амбициях Н. Саркози, в его желании остаться на посту главы Франции на второй срок.

Выборы президента Пятой республики были намечены на май 2012 г., но гонка началась уже в 2010 г. Между тем рейтинг Саркози к июлю этого года упал до рекордно низких 26 % [24]. На прошедших в марте 2010 г. региональных выборах партия президента смогла удержать контроль только в одном (!) из 22 национальных регионов [26]. Жители остальных административных единиц отдали предпочтение партии социалистов, призывавших реформировать социально-экономическую систему, на тот момент переживающую не лучшие времена. Лозунгам соцпартии и потере популярности Саркози мог лишь предоставить свою политику защиты французов, прочно опирающуюся на проблемы иммиграции и позволившую ему когда-то завоевать пост президента.

В этой ситуации команда Саркози выигрышной сочла «цыганскую карту», которая была признана эффективной и оптимальной по ряду причин. Руководство, раскрутив политику против ромов, во-первых, надеялось привлечь на свою сторону сторонников правых сил, которые традиционно выступают за жесткие меры по борьбе с преступностью и иммиграцией (обычно рассматривают их как неразрывное целое). Во-вторых, правящие круги Франции рассчитывали сместить центр внимания соотечественников с проблем в социально-экономической области и коррупционных скандалов в высших эшелонах власти на «цыганскую угрозу». В-третьих, вступать в конфликт с более массовой африканской и особенно с быстро укреплявшейся арабской общинами, которых также нередко обвиняли в росте преступности, было опасно; они представляли собой внушительную часть электората, которая в случае «враждебной» политики властей могла обеспечить победу оппозиции на предстоящих выборах.

Реальные результаты, однако, не оправдали ожиданий команды Саркози. Поддержка президента большинством общества не восстановилась. Накануне первого этапа президентских выборов 2012 г. уровень популярности президента составил всего 23,5 % [25].

Действия подобного рода не могли не повлиять на внешнеполитическое положение Франции и ее руководства. Попытки решения «цыганской проблемы», как уже отмечалось, обострили отношения команды Саркози с Евросоюзом. Одним из самых ярких эпизодов неприятия французской политики стал саммит ЕС в Брюсселе в сентябре 2010 г.

Президент Франции, выступая перед участниками форума, попытался обосновать свой курс в отношении выселения цыган. В ответ его вновь обвинили в дискриминации целого народа. В доказательство противники Саркози ссылались на некий документ МВД Франции, который накануне саммита опубликовало одно из французских интернет-изданий [31]. Из бумаги следовало, что работники правоохранительных органов получили следующее задание: за 3 месяца ликвидировать во Франции 300 нелегальных стоянок, причем приоритет отдавался поселениям цыган. И хотя глава МВД Пятой республики заявлял, что ему об опубликованном документе ничего не было известно [34], поток критики невозможно было остановить.

Лагерь недовольных политикой Саркози пополнили деятели наднационального уровня. В частности, еврокомиссар по вопросам юстиции и гражданским правам ЕС Вивиен Рединг пригрозила президенту Франции сначала инициировать рассмотрение «цыганской проблемы» в Еврокомиссии, а затем передать дело в Европейский суд [2]. Стремясь продемонстрировать общественности масштабы совершаемых властями Франции нарушений, В. Рединг поставила в один ряд депортации цыган с дискриминационными преступлениями времен Второй мировой войны, непрозрачно намекая на репрессии против меньшинств, проводимые прогитлеровским правительством Виши.

Но громкие заявления еврочиновников не были подкреплены соответствующими действиями. Максимум, на что решились участники Брюссельского саммита в сентябре 2010 г., так это на требование к Франции в кратчайшие сроки составить «календарь свободного передвижения», предусматривающий внедрение в законодательство страны гарантий реализации Директивы свободного передвижения граждан ЕС [14].

Двойственность позиции лидеров ЕС в отношении политики Николя Саркози сохранилась и позже. Так, Жозе Мануэл Баррозу, председатель

Европейской комиссии, в своей ежегодной речи 7 сентября, заострив внимание слушателей на проблеме ущемления прав цыган, о действиях Франции не сказал ничего [32]. Изменилась риторика и еврокомиссара Рединг. Обещая и далее отслеживать ситуацию в Пятой республике, она, однако, не стала усиливать критику, а акцентировала внимание на обещаниях, данных ей министром Бессоном. А этот политик гарантировал на переговорах с Рединг соблюдение Парижем законов ЕС и обеспечение равных прав всем гражданам Евросоюза [20].

Несмотря на кажущийся спад градуса напряженности, подготовленный выступлениями Саркози и его министров, достижением некоторых договоренностей с руководством Еврокомиссии, ситуация внутри Франции все же привела к острым дискуссиям на уровне Европарламента. На том же сентябрьском заседании в Страсбурге 337 голосами «за» при 245 «против» и 51 «воздержавшемся» была принята резолюция, констатирующая проведение Францией дискриминационной политики, которая заключалась в коллективном выдворении граждан ЕС на основе этнического признака, что являлось нарушением законов ЕС [6]. Кроме того, в документе парламентарии выразили сожаление о малой степени вовлеченности Еврокомиссии и Евросоюза в решение «цыганской проблемы».

Таким образом, обещания Саркози, данные во время президентских выборов 2007 г. по проблемам безопасности в ее иммиграционном ключе, оказались не выполнены. За годы его президентства страна пережила наиболее громкие массовые выступления с 1960-х гг. Не дала результатов и реформа сферы безопасности. Рост бюджетных расходов не позволил увеличить даже штат сотрудников правоохранительных органов. Их количество в 2010 г. по сравнению с 2007 г. сократилось на 10 000 человек, при этом уровень преступности возрос [10].

Антицыганская риторика, взятая на вооружение Саркози в свете приближающихся президентских выборов 2012 г., оказалась неэффективной и даже опасной.

Во-первых, она перешла рамки политической корректности, что еще более сплотило всех противников президента. Во-вторых, стимулировала активность правых сил, что, однако, пошло на пользу не столько партии Саркози, сколько Национальному фронту, лидер которого Марин Ле Пен на президентских выборах 2012 г. получила третий результат. В-третьих, антицыганская политика Саркози укрепила у представителей других национальных диаспор Пятой республики недоверие к этому политику и его команде. В-четвертых, действия официального Парижа против ромов подорвали позиции Франции — страны-основательницы ЕС — в Европейском сообществе. В-пятых, заострение Пятой республикой внимания на «цыганской проблеме» вынудило весь Евросоюз заняться этим вопросом, причем удовлетворяющего всех решения не было найдено ни тогда, ни позже.

Следует также заметить, что ряд стран ЕС, на словах осудив политику команды Саркози, прибег к аналогичным мерам по отношению к цыганам. Так, в 2010 г. меры, подобные французской депортации ромов, предприняли власти Швеции и Дании [19]. В начале 2010 г. правительства Германии и полупризнанного государства Косово подписали соглашение о «добровольной» репатриации нескольких тысяч косовских цыган на родину. В полной мере, однако, договор реализован не был. В 2010 г. в Косово вернулись 935 человек, из которых цыгане составили лишь треть [21, р. 15—16].

Библиографический список

1. *Боген А.* Цыганский вопрос, или Бои за мультикультурную Европу // Sensus novus. 23.10.2010. URL: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2010/10/23/1003.html> (дата обращения: 15.04.2016).
2. Брюссель — не место для ссор // RFI на русском языке. 16.09.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/evropa/20100916-bryussel-ne-mesto-dlya-ssor> (дата обращения: 18.04.2016).
3. *Вайс Виктор, Ландмессер Вольфганг.* Интеграция цыган в Европе: правозащитники призывают к решению проблемы // Deutsche Welle. 01.09.2010. URL: <http://www.dw.com/ru> (дата обращения: 19.04.2016).
4. *Воронец Е.* Гражданство по рождению // Euromag.ru. 30.10.2013. URL: http://www.euromag.ru/specprojects/no_visa/33461.html (дата обращения: 15.04.2016).
5. Во Франции снова жгут машины // RFI на русском языке. 17.07.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20100717-vo-frantsii-snovu-zhgut-mashiny> (дата обращения: 18.04.2016).
6. Евросоюз проголосовал против выдворения из Франции цыган. Ее власти это проигнорируют // NEWSru.com. 9.09.2010. URL: <http://www.newsru.com/world/09sep2010/eufrance.html> (дата обращения: 16.04.2016).
7. За последние недели во Франции ликвидирована 51 незаконная стоянка цыган // RFI на русском языке. 18.08.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100818-za-poslednie-nedeli-vo-frantsii-likvidirovana-51-nezakonnaya-stoyanka-tsygan> (дата обращения: 18.04.2016).
8. *Лукьянов Ф.* Бремя цыган // Огонек. 2010. № 33. С. 24—25.
9. *Лукьянов Ф.* Ксенофобия от растерянности. Европа переживает рост популярности антииммигрантских партий // Gazeta.ru. 05.08.2010. URL: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/3404745.shtml> (дата обращения: 15.04.2016).
10. *Малыхина Е.* Вечерняя «Монд» 30.07.2010 // RFI на русском языке. 29.07.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100729-vechernyaya-mond-30072010> (дата обращения: 18.04.2016).
11. *Малыхина Е.* Цыгане — изгой Европы // RFI на русском языке. 22.08.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100822-tsygane-izgoi-evropu> (дата обращения: 18.04.2016).
12. *Мартинотти Джампьеро.* Саркози объявил войну «иммигрантам, совершающим преступления» // La Repubblica. 02.08.2010. URL: <http://www.inopressa.ru/article/02Aug2010/repubblica/sarkosi1.html> (дата обращения: 16.04.2016).
13. На жандармов с топорами // RFI на русском языке. 18.07.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20100718-na-zhandarmov-s-toporom> (дата обращения: 18.04.2016).
14. *Ракузина И.* Газеты: «Соломоново решение» Еврокомиссии в отношении иска против Франции за высылку цыган // RFI на русском языке. 30.09.2010. URL: <http://ru.rfi.fr/obshchii/20100930-gazety-solomonovo-reshenie-evrokomissii-v-otnoshenii-iska-protiv-frantsii-za-vysyl> (дата обращения: 18.04.2016).
15. *Рубинский Ю. И.* Франция. Время Саркози. М. : Междунар. отношения, 2011. 320 с.
16. *Сангур Е.* Конституционный совет Франции подверг цензуре 13 статей закона по внутренней безопасности // RFI на русском языке. 11.03.2011. URL: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20110311-konstitutsionnyi-sovet-frantsii-podverg-tsenzure-13-statei-zakona-po-vnutrennei-b> (дата обращения: 18.04.2016).
17. *Федоров С.* Иммигрантские кварталы как барометр французской политики // Перспективы: Фонд исторической перспективы. 09.06.2007. URL: http://www.perspektivy.info/book/immigrantskiye_kvartaly_kak_barometr_francuzskoj_politiki_2007-06-09.htm (дата обращения: 16.04.2016).
18. *Barros Vincent.* La loi casse la baroque // Libération. 28.12.2010. URL: http://www.liberation.fr/societe/2010/12/28/la-loi-casse-la-baroque_703330 (дата обращения: 13.04.2016).
19. *Connolly Kate, Phillips Leigh, Davies Lizzy.* EU turning blind eye to discrimination against Roma, say human rights groups // The Guardian. 30.07.2010. URL:

- <http://www.theguardian.com/world/2010/jul/30/european-union-roma-human-rights> (дата обращения: 12.04.2016).
20. France and its deportation of Roma (Gypsies) — echoes of the US? // The Christian Science Monitor. 1.09.2010. URL: <http://www.csmonitor.com/Commentary/the-monitors-view/2010/0901/France-and-its-deportation-of-Roma-Gypsies-echoes-of-the-US> (дата обращения: 11.04.2016).
 21. *Knaus Verena*. No Place to Call Home — Repatriation from Germany to Kosovo as seen and experienced by Roma, Ashkali and Egyptian children. Prishtine/Pristina : UNICEF, 2011. 44 p. URL: http://www.unicef.org/kosovoprogramme/No_Place_to_Call_Home_English_2011.pdf (дата обращения: 11.04.2016).
 22. *Maccanico Yasha*. France: Collective expulsions of Roma people undermines EU's founding principles // Statewatch Journal. 2010. № 2. URL: <http://www.statewatch.org/analyses/no-109-france-collective-expulsions-of-roma-people.pdf> (дата обращения: 11.04.2016).
 23. *Marquand Robert*. France presses Gypsies to settle down // The Christian Science Monitor. 12.08.2010. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2010/0812/France-presses-Gypsies-to-settle-down> (дата обращения: 12.04.2016).
 24. *Marquand Robert*. Sarkozy's summer of scandals: Is the French president in trouble? // The Christian Science Monitor. 7.07.2010. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2010/0707/Sarkozy-s-summer-of-scandals-Is-the-French-president-in-trouble> (дата обращения: 12.04.2016).
 25. *McNicoll T*. Are Sarkozy's Election Hopes Sinking With France's Ratings Downgrade? // The Daily Beast. 14.01.2012. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2012/01/14/are-sarkozy-s-elections-hopes-sinking-with-france-s-ratings-downgrade.html> (дата обращения: 14.04.2016).
 26. *McNicoll Tracy*. How Marine Le Pen is changing French politics // Newsweek. 05.09.2010. URL: <http://europe.newsweek.com/how-marine-le-pen-changing-french-politics-72147?rm=eu> (дата обращения: 10.04.2016).
 27. Minister cites crime statistics to justify Roma deportations // France 24. 31.08.2010. URL: <http://www.france24.com/en/20100830-france-hortefeux-besson-roma-crime-deportation-racism> (дата обращения: 09.04.2016).
 28. *Ram Melanie H*. European Integration, Migration and Representation: The Case of Roma in France // Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics. 2014. Vol. 13. Issue 3. P. 203—224. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/17449057.2013.844430?journalCode=geno20> (дата обращения: 08.04.2016).
 29. Report on the health status of the Roma population in the EU and monitoring data collection in the area of Roma health in the Member States // European Union. 2014. URL: http://ec.europa.eu/health/social_determinants/docs/2014_roma_health_report_en.pdf (дата обращения: 07.04.2016).
 30. Roma and Travellers // Council of Europe. URL: <http://www.coe.int/en/web/portal/roma> (дата обращения: 10.04.2016).
 31. Severance Kristi. France's Expulsion of Roma Migrants: A Test Case for Europe // Global Research. 22.10.2010. URL: <http://www.globalresearch.ca/france-s-expulsion-of-roma-migrants-a-test-case-for-europe/21558?print=1> (дата обращения: 10.04.2016).
 32. *Traynor Ian*. Barroso makes veiled criticism of French anti-Gypsy campaign // The Guardian. 07.09.2010. URL: <http://www.theguardian.com/world/2010/sep/07/barroso-french-anti-gypsy-campaign> (дата обращения: 05.04.2016).
 33. *Traynor Ian*. French «anti-Gypsy policy» denounced by European parliament // The Guardian. 09.09.2010. URL: <http://www.theguardian.com/world/2010/sep/09/french-anti-gypsy-european-parliament> (дата обращения: 05.04.2016).
 34. *Willsher Kim*. France's deportation of Roma shown to be illegal in leaked memo, say critics // The Guardian. 13.09.2010. URL: <http://www.theguardian.com/world/2010/sep/13/france-deportation-roma-illegal-memo> (дата обращения: 11.04.2016).

ББК 63.3(2)612,13-282.2

Ю. А. Ильин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯН-КРАСНОАРМЕЙЦЕВ К КОНЦУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (вторая половина 1920 — начало 1921 г.)

Статья раскрывает важную роль крестьян-военнослужащих в блокировке политики правящего режима, направленной на милитаризацию и огосударствление всех сторон жизни российского общества. Приводятся факты противостояния этой части крестьянства коммунистическому режиму. Делается вывод о том, что именно военное крестьянство положило начало распаду социальной базы военного коммунизма, способствовало нарастанию системного кризиса власти в стране.

Ключевые слова: Гражданская война, коммунистический режим, военное крестьянство, противостояние.

The article reveals the important role of peasant soldiers in blocking the policy of the regime aimed at militarization and nationalization of all aspects of life of Russian society. The author provides the facts illustrating this opposition of the peasantry to the Communist regime. It is concluded that it was the Red Army soldiers of peasant origin who started the disintegration process of the social basis of military communism and contributed to the growth of a systemic crisis of power in the country.

Key words: Civil War, the Communist regime, the military, the peasantry, the confrontation.

Во второй половине 1920 г. протестные настроения охватили и ту часть крестьянства, которая была мобилизована и находилась в рядах действующей Красной армии. Сразу оговоримся, что среди крестьян-красноармейцев накал борьбы с советской властью был слабее, чем среди тылового крестьянства. Сказывался возраст мобилизованных: к началу 1921 г. в РККА преобладали военнообязанные младших возрастов призыва — солдаты 20—24 лет. У них еще не было прочных убеждений, стойкой линии поведения. Они легко поддавались воздействию обстановки и среды, заражались специфически армейскими интересами и военной психологией. Не так сильно давила на них и власть земли. Но все же главным фактором сдерживания протеста солдатской массы являлся страх (и не беспочвенно) перед репрессивным аппаратом политического режима. В официальном признании И. И. Вацетис отмечал: «Та дисциплина, которая вводилась и вводится в нашей Красной Армии, основывающаяся на жестоких наказаниях, повела лишь к устрашению и к механическому исполнению приказов...» (цит. по: [10, с. 76]). Атмосфера всеобщего страха и террора в армии была усилена приказом Л. Д. Троцкого от 16 июня 1920 г.: «1. Всякий негодяй, который будет уговаривать к отступлению, дезертир, не выполнивший боевого приказа, будет расстрелян. 2. Всякий солдат, самовольно покинувший боевой пост, будет расстрелян. 3. Всякий, который бросает винтовку или продает хоть часть обмундирования, будет расстрелян...» (цит. по: [8, с. 57]). Согласно данным С. С. Маслова, за четыре года существования советской власти по мотиву «нарушение дисциплины» были расстреляны десятки тысяч солдат [7, с. 162].

© Ильин Ю. А., 2016

И все же недовольство рядовых красноармейцев порядками в армии и тылу прорывалось сквозь рогатки драконовских мер устрашения и террора. Месячные сводки реввоенрибуналов РСФСР о численности военнослужащих действующей армии, приговоренных за преступные деяния к расстрелу, позволяют выявить формы сопротивления красноармейцев правящему режиму и общую тенденцию его роста (но отнюдь не реальные масштабы противостояния советской власти).

**Сведения о военнослужащих, приговоренных к расстрелу
реввоенрибуналами РСФСР, 1920 г.***

Преступные деяния	17 января — 20 мая	22 мая — 22 июня	Сентябрь
Всего	521	600	1206
В том числе:			
измена, предательство	72	44	188
неисполнение боевого приказа	5	15	14
восстания и выступления частей	23	45	65
контрреволюционные выступления	30	35	59
дезертирство и саморанения	172	99	160
бандитизм и мародерство	100	273	467
уголовные преступления	53	42	181

Примечание. В июле и августе 1920 г. реввоенрибуналами РСФСР было вынесено соответственно 898 и 1183 смертных приговоров военнослужащим РККА (см.: [8, с. 58]).

В официальных сводках четко выделяются два основных вида правонарушений красноармейцев: уголовные и политические. Их соотношение за июль — сентябрь 1920 г. составляло 1 : 1,5. Данный показатель выведен нами из официальных источников, весьма произвольно интерпретировавших правонарушения военнослужащих. В частности, в сводках приговоренных к расстрелу различаются мотивы обвинения «бандитизм и мародерство» и «уголовные преступления». С уголовными преступлениями все ясно: они всегда имеют место в армии, тем более в условиях расцвета военщины. А вот с бандитизмом дело сложнее, ибо он несет в себе и значительный политический заряд, порожденный порядками в армии и тылу. Поэтому на самом деле в вышеприведенном соотношении доля политических правонарушений была гораздо выше.

Интересна динамика роста военных преступлений по их отдельным видам: в среднем за июль — сентябрь 1920 г. он составил 200 %, в том числе измена — 327 %, уголовные деяния — 331 %, контрреволюционные выступления частей — 55 %, бандитизм и мародерство — 62 %, дезертирство и саморанения — 71 %.

О чем это говорит? РККА под воздействием ужесточившихся порядков в армии и тылу разрушалась изнутри — политически и морально деградировала. Тревожным симптомом этого для властей было увеличение антисоветских выступлений группового (на 55 %) и индивидуального (на 62—71 %) характера. Приведенная таблица дает приблизительный слепок общей

* Составлено по [3].

тенденции роста негативного отношения красноармейцев к военнo-коммунистическому режиму. Истинные масштабы и острота накала в армии сопротивления политике военного коммунизма едва ли поддаются точному учету. Поэтому приходится довольствоваться статистическими данными по дезертирству из РККА (кстати, приговоренные к расстрелу по этой причине составляли до 40 % от их общего числа).

За июнь — середину июля 1920 г. ряды Красной армии покинули почти 110 тыс. человек, т. е. каждый пятый был дезертир. Не изменилось для властей положение к лучшему и в августе — сентябре 1920 г.: по сводкам Центрокомдезертира на места было направлено соответственно 73 821 и 93 040 извещений о дезертирстве из частей [1, д. 281, л. 57, 64, 75; д. 282, л. 9 об., 19].

Под влиянием роста негативных настроений красноармейцев начали складываться элементы армейской организации крестьянской оппозиции коммунистическому режиму. Источники тех лет сообщали, что в марте 1921 г. в одном губернском городе из 15 тыс. солдат гарнизона 6 тыс. человек находились под руководством местной воинской организации и требовали начать восстание. Гражданское же объединение оппозиции считало выступление солдат преждевременным. Тогда делегат от военной организации приехал в Москву за инструкциями. Но и в Москве сложилась аналогичная ситуация. Солдаты местного гарнизона вышли из повиновения, собрались на митинг, избивали комиссаров и потребовали демобилизации. Московский Совет их требование спешно удовлетворил (см.: [7, с. 164]).

Во второй половине 1920 г. наиболее массовым и организованным было вооруженное выступление против режима власти IX кавалерийской дивизии под командованием А. С. Сапожкова. Данная часть, оказавшись в районе г. Базулок (Самарская губерния) с целью переформирования, по мнению местных властей, полностью разложилась вследствие стараний ее командного состава. Как тут не вспомнить замечание С. Гусева о том, что ничто так не разлагает части Красной армии, как отступление, продолжительное стояние на месте, отход в тыл на отдых и комплектование (читай — тесное общение красноармейцев с рядовыми крестьянами и рабочими) [2, с. 58—59]. В связи с завершением Гражданской войны таких возможностей для повседневных контактов с населением, ознакомления с его насущными заботами и настроениями у частей РККА было более чем достаточно. Дивизия А. С. Сапожкова, дислоцировавшаяся в селениях Липовка и Ново-Александровка, не могла оставаться в стороне от напряженной политической жизни деревни. Это было невозможно и потому, что ее комплектование шло за счет жителей близлежащих волостей Бузулукского уезда. Сам А. С. Сапожков (бывший эсер и бывший председатель Новоузенского уездного Совета той же губернии) и его окружение лишь идейно-политически оформили выступление своих красноармейцев, постарались придать ему должную организованность.

13 июля 1920 г. собрание комсостава IX кавалерийской дивизии вынесло решение о вооруженном выступлении: «Видя неправильную политику Центра, постановили: немедленно вооруженным восстанием заявить протест и потребовать изменения политики, которая бы действительно велась в интересах бедного населения Республики. Немедленно убрать всех вредных для трудящихся спецов, отпустить всех политических заключенных, за исключением белогвардейцев. Восстановить Советы по программе большевиков, согласно Конституции, но чтобы в Советы входили люди, которые

не эксплуатировали чужого труда и не имели до 1914 г. состояния, превышающего 10 000 рублей. Требуем правильного распределения предметов необходимости среди населения...» 14 июля А. С. Сапожков приказом № 1 переименовал IX кавалерийскую дивизию в «Красную Армию Правды», упразднил в ней институт военных комиссаров и особые отделы. Отдавая должное крестьянскому составу возглавляемой им «армии» и надеясь на массовую поддержку окрестного сельского населения, он заканчивал приказ следующими словами: «...объявить всем красноармейцам, а также населению, что с сего числа разрешается свободная продажа всех нормированных продуктов питания» (цит. по: [11, с. 117—118]).

Своим активным участием крестьянство сразу скорректировало, приземлило программу восставших красноармейцев А. С. Сапожкова до насущных требований единоличной деревни (вольная торговля, разгон районных продовольственных комитетов и «засевших за власть» коммунистов, перевыборы Советов и т. д.). На красном знамени повстанцев, вошедших в Бузулук, было начертано: «Да здравствует соль, долой яйца и масло!» Этим выражалось недовольство продовольственной политикой Советов, и в частности последней разверткой губернского продкома на масло и яйца (см.: [11, с. 119]). Силы восставших к этому времени составили 2 тыс. сабель, 700 штыков, 4 орудия, 600 снарядов и 8 пулеметов (см.: [11, с. 123]). Крестьяне-красноармейцы являлись социальным ядром восстания, а потенциальных и реальных помощников в осуществлении выдвинутой ими программы на местах было неизмеримо больше. А. С. Сапожков рассылал отряды для расширения района восстания в Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Уральскую и Оренбургскую губернии. И везде там находил единомышленников. Известия о выступлении докатились до границ Башкирской Республики, где ряд ее руководителей (Аскин, Ходзяев и др.) подняли восстание против существовавшего правительства и вместе с вооруженными сторонниками двинулись на соединение с силами А. С. Сапожкова [11, с. 125].

Одним словом, «сапожковщина» была попыткой недовольного военно-политическим режимом крестьянства опереться на армейскую организацию и опытных военных руководителей из своей среды для осуществления идеалов общедемократической революции в стране путем инициирования своеобразного военно-крестьянского мятежа.

Это восстание представляло серьезную опасность для центральных властей. В записке Л. Д. Троцкого, переданной по прямому проводу 28 июля 1920 г. командующему Заволжским военным округом К. А. Авксентьевскому указывалось: «Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновные сверху донизу должны быть беспощадно наказаны. В подведомственном Вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддерживали мятеж Сапожкова...» (цит. по: [5, с. 142]). Против «Армии Правды» были стянуты все вооруженные силы Заволжского военного округа, 156-й Московский кавалерийский батальон, курсанты военных школ и училищ из разных регионов страны, всего 15 тыс. человек (см.: [9]). Имея против себя в несколько раз численно превосходящего противника, А. С. Сапожкову удалось искусно маневрировать, совершить многоверстный переход из Самарской в Астраханскую губернию. Он надеялся на помощь сочувствовавших ему крестьян и воинских частей Северного Казахстана, Верхнего Дона, Нижнего и Среднего Поволжья. 8 сентября 1920 г.

его отряды были окружены в районе озера Бак-Баул (Астраханская губерния) и после продолжительного боя рассеяны. Сам А. С. Сапожков был убит в бою. Позднее перед судом Самарского ревтрибунала предстали 2 тыс. уцелевших участников данного выступления, из них к расстрелу были приговорены 115 человек (см.: [11, с. 151]).

Поражение «Армии Правды» явилось большой потерей для повстанческого движения крестьян рубежа 1920 и 1921 гг. и не только потому, что А. С. Сапожков был их талантливым вожаком и известной личностью в Красной армии. С ликвидацией «сапожковщины» исчезла возможность активного задействования частей РККА в антикоммунистическом движении крестьян страны (армейский вариант крестьянской войны против режима и его военно-коммунистической политики). Но гибель «армии» Сапожкова все же не была напрасной: ее упорное сопротивление позволило выиграть у режима время, необходимое для развертывания крестьянского варианта войны класса сельских товаропроизводителей (с весомыми элементами армейской организации) против коммунистических властей в европейской и азиатской частях России (Тамбовская, Пензенская, Саратовская губернии, Урал, Северный Казахстан, Сибирь, Алтай).

Своеобразной переходной формой от армейского к крестьянскому варианту войны сельских товаропроизводителей стали выступления отдельных мелких воинских частей и даже групп красноармейцев, подхваченные затем широкими крестьянскими массами на рубеже 1920 и 1921 гг. Из их ряда выделим восстание солдат из караульного батальона в Усть-Медведецком округе Донской области, поднятое Вакулиным и Поповым во второй половине 1920 г. Оно перекинулось в уезды Саратовской губернии. Именно здесь в январе — марте 1921 г. достигло своего пика вооруженное противостояние крестьян Поволжья с властями. Восставшие шли под лозунгами: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!», «Да здравствует свободный народ и свободная торговля!», «За организацию крестьянских союзов и диктатуру деревни!» Им удалось захватить г. Хвалынский Саратовской губернии. Здесь руководители восстания провозгласили декларацию «Временного революционного Совета пяти и командующего войсками». В ней объявлялось, что «диктатура пролетариата, три года разорявшая Россию, отменяется и вся полнота власти передается самому народу без всяких подразделений на классы и партии». В декларации указывалось на необходимость «бороться с насильниками комиссарами, спекулировавшими на коммунизме», а также не признавать «принудительную государственную коммуну». Политические партии, кроме монархистов и черносотенцев, провозглашались «новой революционной властью». Их деятельность, правда, ограничивалась парламентской областью: «Посягательство партии на захват государственной власти будет считаться узурпацией и пресекаться самым беспощадным образом...» (цит. по: [5, с. 145]).

Декларация призывала создавать на местах органы повстанческой власти — «Советы пяти» в волостях, станицах и селениях, где численность проживающих превышала 2 тыс. человек, и «Советы трех» в поселениях с меньшим числом жителей. Устанавливалась свободная торговля как «переходная ступень к социалистической кооперации», отменялись государственные монополии на продовольственные и промышленные изделия. Признавалась мелкая частная собственность в городе и деревне. Новая власть объявляла войну «крупному капитализму, допуская концентрацию капитала и земель

в руках артельных и кооперативных организаций» и сообщала о намерениях «завести самые близкие отношения с демократической Россией, Европой и Америкой» (цит. по: [там же]).

Для военных властей негативные последствия «сапожковщины» проявились не столько в отдельных вспышках недовольства среди красноармейцев (Первая конная армия, кавалерийская бригада Котовского, гарнизоны Смоленска и Москвы), сколько в росте их сочувствия вооруженной борьбе крестьянской оппозиции. Лояльность армейцев к восставшим выражалась и прямо, и косвенно. Один из командиров дивизии (декабрь 1920 г.) жаловался своему начальству: части, посылаемые на усмирение А. Антонова, «уходят как в яму: они или разбегаются, или переходят к повстанцам, или, вследствие плохого повиновения, легко выбиваются» (цит. по: [7, с. 163]). В марте 1921 г. ввиду неблагонадежности армейских частей Москвы и Петрограда власти вынуждены были обезоружить войска и запереть их в казармах (см.: [7, с. 163—164]).

Но главное испытание для военно-коммунистического режима, подготовленное «сапожковщиной», началось в ходе демобилизации РККА. 11 декабря 1920 г. приказом РВС республики было отправлено в бессрочный отпуск 26 (из наличных 46) старших возрастов состава Красной армии (красноармейцы 1860—1885 гг. рождения), что позволило к 1 января 1921 г. сократить ее численность на 1 млн человек [4, с. 210].

На фоне социально-экономических бедствий деревни, особенно тяжелого положения семей красноармейцев демобилизация подтолкнула бывших фронтовиков к активным действиям против властей. Демобилизованные крестьяне «подпитывали» повстанческое движение в деревне, придавали последнему черты упорства, ожесточенности и массовости. Наконец, в регионах, уже охваченных огнем крестьянских восстаний, демобилизация красноармейцев лишь способствовала усилению военной конфронтации крестьянства и Советской власти. Таким регионом Европейской России стала Тамбовская губерния с сопредельными уездами Воронежской, Рязанской, Пензенской, Саратовской губерний и Донской области. В. И. Ленин официально признал это на X съезде партии (март 1921 г.). Он считал, что именно в демобилизации и связанных с нею трудностях надо искать причину и истоки вспышки бандитизма в стране. В демобилизации он видел «источники целого ряда кризисов: и хозяйственного, и социального, и политического»: она вызвала «что-то среднее между войной и миром», она дала массовый повстанческий «элемент» противникам режима [6, с. 9—10].

Так военное крестьянство отреагировало на вступление страны в высшую фазу развития политики военного коммунизма. Как в 1917 г. «крестьянский Сентябрь» (аграрная революция под предводительством эсеров) предшествовал «пролетарскому Октябрю» (политический переворот, инициированный партией большевиков в обеих столицах), так на рубеже 1920 и 1921 гг. повстанческое движение в армии и деревне (народно-демократическая революция на беспартийной платформе) предшествовало антикоммунистическому выступлению на флоте (Кронштадт) и рабочих Петрограда (всеобщая политическая забастовка на предприятиях города) в феврале — марте 1921 г. Все это свидетельствовало о том, что правящий режим терял поддержку в войсках, рушилась социальная база власти, начался дрейф армии и флота в сторону поддержки недовольного военным коммунизмом населения страны, и в первую очередь крестьянства.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 130. Оп. 4.
2. Гусев С. Гражданская война и Красная Армия. М. ; Л. : Госиздат, 1925.
3. Известия. 1920. 29 мая, 16 июля, 17 сентября.
4. Кляцкин С. М. На защите Октября. М. : Наука, 1965. 476 с.
5. Кондрашин В. В. Крестьянские движения в Поволжье в 1919—1921 гг. М. ; Тамбов : Янус-К, 1998. 544 с.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Политиздат, 1970. Т. 43. 586 с.
7. Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Париж : Рус. печать, 1922. Ч. 1—2. 210 с.
8. Мельгунов С. П. Красный террор в России. 4-е изд. Нью-Йорк : Brandy, 1989. 203 с.
9. Осипова Т. В. Обманутый класс : (о крестьянских восстаниях против Советской власти) // Родина. 1990. № 10. С. 24—25.
10. Пайнс Р. Россия при большевиках. М. : Рос. полит. энцикл., 1997. 672 с.
11. Троцкий В. В., Демидов А. Д. 1920 г. в Средневолжском крае. М. ; Самара : Сред.-Волж. краев. изд-во, 1934. 285 с.

ББК 79.33(2)613

*А. С. Князев, Е. А. Флейман***ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ
АРХИВНОЕ БЮРО 1920—1924 гг.:
ОТ БЕСПОРЯДОЧНОЙ СМЕНЫ КАДРОВ
К ПОСТОЯННОМУ СОСТАВУ**

Статья посвящена одной из самых распространенных проблем архивной сети РСФСР в 1918—1924 гг. — нехватка личного состава. Рассмотрены разнообразные попытки решить данный вопрос на примере одного из архивных бюро Верхнего Поволжья — Иваново-Вознесенского губернского архивного бюро.

Ключевые слова: архивы, личный состав, губернское архивное бюро, Государственный архив Ивановской области.

The article is devoted to one of the most common problems of the RSFSR archival network in 1918—1924 — lack of personnel. We consider a variety of attempts to solve this issue basing on the example of one of the archives of the Upper Volga region — Ivanovo-Voznesensky provincial archival bureau.

Key words: archives, personnel, provincial archival bureau, State Archive of the Ivanovo region.

В обстановке Гражданской войны перед страной вставали новые задачи государственного и хозяйственного строительства. Сложившиеся условия требовали иных организационных форм и методов работы во всех областях. Нужны были изменения и в организации управления архивами с тем, чтобы обеспечить использование документов в практических и научных целях.

© Князев А. С., Флейман Е. А., 2016

1 июня 1918 г. Совет Народных Комиссаров принимает декрет, положивший начало созданию централизованной сети архивных учреждений и формированию нового органа — Главного Управления Архивным Делом (ГУАД) [2, с. 14]. Созданные согласно декрету губернские архивные бюро и губернские архивные управления начинают свою деятельность — поиск, вывоз, сохранение архивов, попутно сталкиваясь с многочисленными проблемами, среди которых одна из главнейших — недостаток или даже отсутствие кадров.

Подготовить собственные кадры архивистов, тем более за столь короткий срок, советское правительство не могло, к тому же имелись другие, более насущные задачи, требующие срочного решения. Поэтому был принят план действий, предусматривающий весьма неожиданное решение (пусть и эффективное только частично) — привлечение буржуазной интеллигенции к архивному строительству в первые годы советской власти. Несмотря на то что немалое число буржуазных интеллигентов, приветствуя свержение царизма — Февральскую революцию, не приняли Октябрьскую революцию и не признали законность новой власти, большинство представителей интеллигенции все-таки не выступили активно против большевиков, более того, часть их продолжала трудиться. Советское правительство понимало, что привлечь этих специалистов для преподавательской работы представляется маловероятным ввиду их идеологических установок, и поэтому направило их заниматься той деятельностью, в которой они могли принести как можно больше пользы, в частности, в области выявления и охраны памятников истории, культуры, организации архивного, библиотечного и музейного дела.

И все же кадров не хватало. Поэтому брали на работу в архивные управления и бюро даже тех людей, которые не имели специального образования для работы с документами — лишь бы они были грамотными и понимали важность данного дела. Не способствовал устойчивости личного состава и ряд сопутствующих факторов — низкая заработная плата, плохие бытовые условия (неприспособленность помещений), сложность работы. Поэтому зачастую в архивных управлениях и бюро в начале 20-х гг. была налицо частая смена кадров вкупе с недокомплектацией штата.

Иваново-Вознесенское управление архивным делом не было исключением, более того — кадровый вопрос стоял здесь особенно остро. В отличие от Ярославля, Костромы, Владимира Иваново-Вознесенск не имел никакой научной основы для архива — в образованной в 1918 г. губернии не было ни Ученой архивной комиссии, ни краеведческих обществ. «...Что касается приглашения сотрудников на должность архивариуса и научных сотрудников, то за отсутствием подходящих кандидатов эти должности до настоящего времени остаются незамещенными. Вообще необходимо отметить значительную трудность в подыскании сотрудников для работ в Губархиве. Не говоря уже об отсутствии в городе Иваново-Вознесенске подходящих кандидатов на должность архивариуса и научных сотрудников, приходится отметить отсутствие подходящих лиц для работ по разборке архивов...», — сообщал в отчете уполномоченный ГУАД П. А. Сакулинский [1, д. 5, л. 1—1 об.].

На начало 1920 г. штатный состав Иваново-Вознесенского губернского архивного бюро включал в себя двоих работников (из минимально необходимых шести) — уполномоченного ГУАД и по совместительству заведующего губархивбюро П. А. Сакулинского и делопроизводителя П. И. Бородина. Они были представителями дореволюционной интеллигенции, но не связанными

с архивным делом: П. А. Сакулинский по образованию был инженером [1, д. 3, л. 7], П. И. Бородин окончил торговое училище, но всю жизнь работал делопроизводителем, перейдя из казенной палаты, занимавшейся финансовой отчетностью, в горсовет, затем и в губархив [1, д. 3, л. 7].

Помимо двух должностей в губархиве, П. А. Сакулинский занимал также должность в губисполкоме. Последний считался основным местом его работы, и это обстоятельство негативно отразилось в начале 1920 г. на губернском архивном управлении — объемы работы в исполнительном комитете увеличивались почти постоянно, что не позволяло уделять делам губернского архивного управления достаточно времени. По этой причине П. А. Сакулинский не раз просил отстранить его от руководства губархивом, прислать замену, поскольку единственной подходящей кандидатурой, способной заменить его на этой должности, был архивный работник А. И. Батуев из города Шуи, который от предложенной работы отказался [1, д. 3, л. 19].

В конечном счете просьба П. А. Сакулинского об отставке с поста уполномоченного ГУАД была выполнена.

1 июля 1920 г. уполномоченным ГУАД по Иваново-Вознесенской губернии, а вместе с тем и заведующим губархивом становится И. И. Власов, краевед, один из немногих горожан Иваново-Вознесенска, публично приветствовавших создание губархивбюро [1, д. 1, л. 2—2 об.]. Полтора месяца спустя после вступления И. И. Власова в должность архив лишился П. Бородин, ушедшего работать в губисполком [1, д. 3, л. 12]. Последствия этого были довольно серьезными. «Перевод столь ответственного и исполнительного сотрудника, коим, несомненно, является тов. Бородин, ставит Губархив в тяжелое положение», — писал И. И. Власов [1, д. 5, л. 15], немедленно начавший розыск очередной кандидатуры на место П. И. Бородина. Таковой стала С. В. Зволянская, работавшая в губернском комитете профессионально-технического образования (губпрофобре). После длительных переговоров с губпрофобром С. В. Зволянская была введена в штат архива. Понимая, что одной из причин ухода сотрудников является низкая заработная плата, И. И. Власов приложил немалые усилия, чтобы С. В. Зволянская получала жалование по тарифу специалиста-архивиста, хотя ее образование не совсем этому соответствовало. Помогли убедить губисполком научные заслуги С. В. Зволянской: она участвовала в работе по изданию «Исторического сборника», три тома которого были напечатаны в Москве, при участии известных ученых Н. В. Покровского и В. К. Лукомского [1, д. 6, л. 27].

Однако С. В. Зволянская недолго занимала должность и оставила свое место в губархиве в феврале 1921 г. в связи со слабым здоровьем [1, д. 6, л. 41—43].

И. И. Власов сразу же начинает предпринимать меры по поиску новых кадров, отмечая в служебной записке: «...уход Зволянской крайне меня затрудняет, при нынешнем безлюдье я не вижу возможности дальше работать... постараюсь подыскать другого сотрудника» [1, д. 6, л. 42 об.]. И. И. Власов находит кандидата на место секретаря. Таковым становится священник Г. А. Авилов, но и он недолго продержался в штате, так как летом 1921 г. убыл в Ростовскую губернию по семейным обстоятельствам. И. И. Власов находит ему замену — В. И. Николаевского (также священнослужителя) и вместе с этим просит ГУАД расширить штат Иваново-Вознесенского управления архивным делом, в связи с тем что имеются большие объемы работы [1, д. 6, л. 50, 51, 53, 55, 65]. Разрешение было получено,

и четырех новых сотрудниц — А. А. Беген, О. П. Алявдину, А. В. Зыкову, Л. Л. Гандурину [1, д. 6, л. 59—59 а] И. И. Власов зачислил на службу в сентябре 1921 г. [1, д. 6, л. 80], однако работу полностью развернуть они не успели — пришедшее в конце ноября того же года распоряжение ГУАД о содержании двух сотрудников за счет Центрархива заставило исключить трех только что набранных сотрудников из штата.

Пытаясь сохранить хотя бы часть недавно набранного личного состава архива, И. И. Власов предлагает ГУАД снять свою персону с денежного довольствия, поскольку помимо жалования за работу в губархивбюро у него была по совместительству должность в горсовете, и на сэкономленные средства оставить губархиву хотя бы еще одного сотрудника. После получения отрицательного ответа И. И. Власов вынужден был в начале 1922 г. уволить и последнюю из набранных недавно сотрудниц — помощника архивариуса О. П. Алявдину [1, д. 6, л. 78, 82, 83] и фактически свернуть работу в связи с недостатком личного состава и средств [1, д. 18, л. 6 а, 6 а об., 6 б], что, скорее всего, и было причиной отставки заведующего губархивом в мае 1922 г. Единственным крупным кадровым успехом за этот период являлся прием на работу в 1920 г. К. М. Казанского, сумевшего организовать уездный архив в городе Кинешме [1, д. 6, л. 57, 58].

В мае 1922 г. состав губархива обновляется в очередной раз — было создано ядро тех, кто проработал в губернском архивном управлении до конца второй половины 20-х гг., что приостановило на несколько лет спешную смену архивных кадров. Это приглашенный на службу из губисполкома на должность заведующего Я. А. Осипов, совмещавший службу в архивном управлении и губернском статистическом бюро, преподаватель местного политехнического института Б. И. Александров, историк-краевед П. М. Экземплярский, успевший в свое время деятельно поучаствовать в создании губархива Ярославской губернии, и А. А. Беген, перешедший на работу в архив из Иваново-Вознесенского управления кустарной промышленностью [1, д. 4, л. 2].

Как мы видим, в непростой общественной и политической обстановке, несмотря на частую смену сотрудников, в Иваново-Вознесенском губернском архивном бюро в конечном счете в 1922 г. сложилась основа постоянного коллектива, несколько приостановившая общую смену кадров до конца второй половины 20-х гг., когда перед губархивом встали новые задачи, что, в свою очередь, требовало новых решений, в том числе и кадровых.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.-Р. 354. Оп. 1.
2. Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 г.). М. : ГАУ при СМ СССР, МГИАИ, 1961. 268 с.

ББК 63.215(2)

*А. А. Корников***ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ.
ГЕРБЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ**

Рассматривается современное состояние гербов субъектов Российской Федерации. Анализируются основные тенденции в создании гербов республик, краев, областей и национальных округов России. Показывается взаимосвязь современных гербов с дореволюционной геральдикой. Указываются типичные недостатки в создании гербов, даются рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: гербы, субъекты Федерации, территориальная геральдика, эмблемы и символы регионов.

Present state of blazons of the Russian Federation constituent members is examined. Principal trends in blazons' designing are analyzed. Interrelation between modern Russian and pre-Revolution blazonry is discussed. Some typical errors in blazons' design are noticed. Ways to correct them are offered.

Key words: Blazons, Russian Federation constituent members, local blazonry, areal emblems and symbols.

В этом году наша страна отмечает свое двадцатипятилетие как федеративного суверенного государства. Общеизвестным символом суверенитета и прав любого государственного образования является герб государства. Не исключение и современные гербы субъектов Российской Федерации. В них как в капле воды находят отражение очень многие актуальные проблемы развития и становления российской государственности.

Развитию геральдики субъектов Федерации России посвящено достаточно большое количество работ. Историография данной проблемы дана в содержательной монографии О. Н. Наумова [12, с. 417—443]. Имеющиеся исследования неоднородны. Одни из них носят справочный характер и представляют собой альбомы с изображениями гербов [1, 3, 4, 8, 11, 16, 17, 18]. Другие посвящены истории и символике гербов отдельных регионов России [10, 13, 14, 7, 19]. Третьи носят характер учебных пособий [2, 9]. Одной из немногих работ обобщающего характера является статья Ю. Росича «Региональная символика: в поисках идеологии» [15]. Целью данного исследования является выявление современного состояния геральдики субъектов Российской Федерации и подведение определенных итогов ее развития. Источниками для статьи послужили материалы, выложенные на сайтах «Геральдика.ру», «Гербы и флаги», *Heraldicum* [5, 6, 20].

Вначале необходимо сказать, что такое герб и какую социальную функцию он выполняет. Под гербом понимают эмблематическое изображение, составленное по определенным правилам и утвержденное верховной властью. Что касается функционального назначения герба, то он выполняет несколько задач. Во-первых, представительную-правовую, так как свидетельствует о наличии у носителя герба определенных прав. Так, например, гербы субъектов Федерации свидетельствуют о наличии у российских республик,

© Корников А. А., 2016

краев, областей, национальных округов определенных прав автономии. Во-вторых, герб выполняет опознавательную функцию. Размещенный, например, на транспортных средствах, майках участников спортивных соревнований, герб напоминает о принадлежности их носителей к той или иной республике, краю, области. В-третьих, герб выполняет культурологическую функцию, рассказывая в определенной знаковой системе об истории, традициях данного субъекта.

Своими истоками современная геральдика субъектов Федерации уходит в дореволюционную российскую геральдику и, в частности, в земельную и городскую. Как известно, до 1917 г. абсолютное большинство российских городов и все губернии имели гербы, разработанные Государственной герольдией и утвержденные монархом. В советский период истории земельные и областные гербы фактически перестали существовать. Этому способствовала сама специфика советской государственной системы управления с ее жесткой централизацией и ограничением прав местного самоуправления. И если в союзных республиках существовали свои гербы, во многом повторявшие композицию герба Советской России, принятого в 1918 г., то автономные республики в составе РСФСР в качестве своих гербов использовали герб РСФСР с включением текстовой надписи, обозначающей название данной автономии. Русские регионы (области, края) не имели своей особой символики. На гербовых печатях органов власти изображался герб РСФСР.

С начала 1990-х гг. в нашей стране происходит бурное развитие земельного герботворчества. Это связано со становлением России как федеративного государства, что окончательно было закреплено Конституцией РФ, принятой на референдуме 12 декабря 1993 г. В соответствии с данной конституцией Россия становилась федеративным государством, в котором все входящие в него субъекты обладали определенными автономными правами, определяемыми законодательно. Показателями автономии субъектов Федерации являлась их официальная символика: герб, флаг и гимн. На 1 января 2016 г. в России насчитывалось 85 субъектов Федерации: 22 республики, 9 краев, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа.

Из собранных материалов следует, что все 85 субъектов Федерации имеют свои гербы. Однако лишь 52 субъекта имеют полностью оформленные (утвержденные законодательными собраниями и зарегистрированные в Государственном геральдическом регистре) гербы. У 33 субъектов Федерации гербы разработаны и утверждены местными законодательными органами, но не внесены в Государственный регистр. К ним относятся республики Бурятия, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Карелия, Крым, Марий Эл, Мордовия, Тыва, Удмуртия; Алтайский, Камчатский, Красноярский, Ставропольский, Хабаровский края; Брянская, Владимирская, Волгоградская, Калужская, Кемеровская, Курская, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Псковская, Самарская, Томская области; города федерального подчинения Санкт-Петербург, Севастополь; Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа.

Ситуация с гербами субъектов значительно изменилась по сравнению с началом 2000-х. Тогда из 89 субъектов только 35 имели полностью оформленные (утвержденные законодательными собраниями и зарегистрированные в геральдическом регистре) гербы. 46 субъектов имели гербы, разработанные и утвержденные местными законодательными органами, но не внесенные

в регистр. 8 субъектов вообще не имели утвержденных и зарегистрированных гербов. В настоящее время, как мы видим, все субъекты имеют гербы, хотя некоторые из них не довели до конца оформление своих региональных символов.

Если мы рассмотрим время принятия гербов в различных субъектах Федерации, то можно отметить следующее. Первым субъектом, где был утвержден свой герб, стал Санкт-Петербург. Это произошло 6 сентября 1991 г. В 1992 г. были приняты гербы в пяти национальных республиках (Якутия, Чувашия, Татарстан, Тыва, Марий Эл), в 1993 — в трех (Алтай, Карелия, Башкирия). Далее этот процесс убыстряется и за 1994—1997 гг. утверждается 35 региональных гербов. Именно на этот период приходится пик герботворчества. В последующие годы принимается по 2—4 герба. Последним по времени утверждения — 26 января 2013 г. — является герб Ульяновской области. Необходимо отметить, что это третий вариант герба, утверждаемый в данном регионе. Первые два принимались в 1996 и 2004 гг.

Какие тенденции прослеживаются в разработке гербов субъектов Федерации? С этой точки зрения все гербы можно условно разделить на две большие группы. Первая — 50 гербов, основывающихся на дореволюционных, исторических гербах.

В некоторых губерниях, например Владимирской, Калужской, Нижегородской, Новгородской, Самарской, Псковской, утвердили в качестве региональных гербов исторические гербы соответствующих губерний Российской империи, включая императорскую корону на гербовом щите и Андреевскую ленту вокруг щита. Включение этих элементов, символизировавших императорскую власть, в гербы субъектов Российской Федерации, являющейся демократической республикой, делает данные символы не совсем корректными с геральдической точки зрения. Не случайно, что подобные гербы так и не были внесены в Геральдический регистр страны.

Отдельные области, взяв за основу исторический герб соответствующей губернии, пошли по пути некоторого его изменения. Так, в Пермском крае, Архангельской, Иркутской, Волгоградской, Кировской, Московской, Тверской областях за основу взяли гербовый щит (со всеми гербовыми эмблемами) дореволюционных губерний, но без императорской короны, дубового венка и Андреевской ленты. Такой подход является более конструктивным, так как он сохраняет геральдическую преемственность. Хотя, на наш взгляд, такой вариант упрощает герб субъекта Федерации и не показывает в полной мере его статус. Большая часть данной подгруппы гербов были зарегистрированы в Государственном регистре.

Еще один вариант трансформации исторических гербов прослеживается в современных гербах Краснодарского, Красноярского, Ставропольского краев, Амурской, Астраханской, Воронежской, Костромской, Липецкой, Орловской, Пензенской, Ростовской, Смоленской, Томской, Ульяновской, Ярославской областей. В этих регионах за основу взяли исторические гербы дореволюционных губерний, однако убрали императорскую корону, дубовый венок и Андреевскую ленту. А вместо них добавили другие элементы. Вместо императорской короны ввели местные региональные, а вместо Андреевской ленты — ленты, повторяющие геральдические цвета гербов регионов или ленты советских орденов (чаще ордена Ленина). В отдельных гербах вводили дополнения в само гербовое поле щита. Так, при разработке герба Орловской области за основу взяли дореволюционный губернский герб Орловской губернии 1878 г. Из него изъяли Андреевскую ленту, дубовый венок,

императорскую корону, а в оконечность гербового щита ввели золотые колосья и серебряную книгу, которая должна символизировать богатые литературные традиции Орловского края — родины таких выдающихся классиков русской литературы, как И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, А. А. Фет, И. А. Бунин. Серебряная книга символизирует также современные достижения в развитии системы высшего и среднего профессионального образования области. Золотые колосья — символ того, что Орловская область — это традиционно сельскохозяйственная.

В некоторых гербах данной подгруппы были введены новые щитодержатели. В ряде случаев такие композиции создавали очень противоречивое впечатление. Так, в гербе Костромской области, принятом в 2006 г. и зарегистрированном в Геральдическом регистре, геральдический щит исторического герба губернии, утвержденного в 1878 г., окружают щитодержатели в виде грифонов, взятых из родового герба династии Романовых, и лента ордена Ленина, которым область была награждена в советский период! Такая же ситуация в гербе Амурской области, где имеются древняя царская корона и лента ордена Ленина. Таким образом, геральдически объединили идеи монархической и революционной эпох.

Завершая обзор региональных гербов, основывающихся на исторических гербах, нужно отметить подгруппу гербов, созданных на основе дореволюционных гербов городов, уездов, входящих в состав данного субъекта. К ним можно отнести гербы Мордовии, Алтайского, Приморского, Хабаровского краев, Курганской, Липецкой, Челябинской областей. Так, например, за основу регионального герба Алтайского края был взят исторический герб города Барнаула, утвержденный в 1846 г. В этот дореволюционный городской герб ввели еще несколько дополнительных элементов.

Несколько сложнее ситуация складывалась в том случае, если современная область или несколько областей или краев когда-то выделились из большой дореволюционной губернии или области. Так, например, герб Сахалинской области создан на основе герба дореволюционной Приморской области, куда до революции входил Сахалин. К старому гербу добавлено только изображение казачьего коча (корабля) в лазоревом столбе. В свою очередь, Приморский край, образованный на территории дореволюционной Приморской области, создал свой герб на основе старого герба города Владивостока, утвержденного в 1883 г. (в зеленом щите — золотой тигр). В краевой герб был еще включен лазоревый Андреевский крест.

Вторую большую группу гербов составляют гербы субъектов Федерации, включающие новые эмблемы, несущие какие-то идеи и символы новейшего времени и порывающие с традиционной дореволюционной геральдикой. Среди них, в первую очередь, можно отметить гербы национальных республик, краев и областей. Эта категория гербов включает, на наш взгляд, гербы 24 субъектов.

Отличительной чертой данной группы гербов является стремление подчеркнуть национальное своеобразие определенного субъекта Федерации. В качестве основных эмблем для этих гербов брались исторические и мифологические персонажи, компоненты национального орнамента, представители местной флоры и фауны. Так, на гербе Башкортостана изображен памятник Салавату Юлаеву, в центре герба Адыгеи — герой нартского эпоса Саусрыкьо, в гербе Удмуртской республики — белый лебедь, а в гербе республики Хакасии — крылатый снежный барс.

У многих гербов национальных республик отсутствуют традиционные геральдические щиты, а сами они имеют, как правило, форму круга или красивого рисунка и орнамента. Национальные субъекты Федерации создавались на территориях дореволюционных губерний, имевших старинные гербы. Однако в данных субъектах Федерации сознательно пошли на отказ от дореволюционной символики, чтобы подчеркнуть свое национальное своеобразие. Так, в герб Татарстана вместо черного коронованного дракона, имевшегося на старинном гербе Казанской губернии, было включено изображение крылатого барса с круглым щитом на боку. Та же ситуация складывалась с гербом Башкортостана. До революции существовали Уфимское наместничество, Уфимская губерния, на гербах которых была изображена бегущая куница. Вместе с тем в качестве символа национальной республики в 1993 г. была выбрана другая эмблема. Однако старинный герб был сохранен у столицы башкирской республики. Такая же ситуация сложилась в Якутии, Дагестане, Карелии, имевших дореволюционные аналоги соответствующих губерний и областей — Якутская, Дагестанская области, Олонецкая губерния. Из всех национальных республик только в Мордовии в 1995 г. приняли герб, основывающийся на дореволюционном гербе г. Саранска в сочетании с некоторыми национальными символами (нашейная гривна, розетка).

Ряд национальных республик в качестве гербов утвердили эмблемы ранее существовавших национальных образований. Так, в основу герба Карелии лег герб независимой Ухтинской республики, существовавшей на территории современной Карелии в 1919—1922 гг. В качестве современного герба республики Тыва взят герб Тувинской Народной Республики, существовавшей в 1921—1944 гг. и в 1944 г. вошедшей в состав СССР. Говоря о гербах национальных республик, необходимо отметить, что большинство из них были приняты в начале 1990-х гг., в период так называемого «парада суверенитетов». Это отразилось на принятых тогда гербах. Они утверждались с грубыми нарушениями правил геральдики, очень часто без согласования с Геральдическим советом. В частности, в изображения гербов вносились надписи, обозначающие названия республик, что является недопустимым в геральдике. Это было в гербах Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкессии, Якутии, Тывы, Хакасии, Чечни, Чувашии. За прошедшие десять лет в условиях стабилизации общеполитической жизни многие гербы были подвергнуты модернизации. Из гербов ряда республик, например Карачаево-Черкессии, Чечни, Чувашии, изъяты надписи. Некоторые республики изменяли свои гербы по несколько раз. Рекордсменом в этом отношении является республика Хакасия, которая за период с 1991 г. шесть раз изменяла свой герб — дважды в 1992, 1993, 2001, 2003 и 2006 гг. Причем так получилось, что в силу несогласованности между законодательной и исполнительной властями республики этот субъект Российской Федерации в период с 26 марта по 30 июня 2003 г. де-юре не имел герба!

Ко второй группе гербов (созданных в новейшее время) можно отнести гербы регионов, где за основу были взяты элементы растительного и животного мира (8 гербов). К ним относятся гербы Брянской, Свердловской, Еврейской автономной областей, на которых мы встречаем изображения ели, соболя, тигра.

Есть интересная группа гербов (4 герба), где используются различного рода географические символы (горы, сопки, вулканы). К ним можно отнести гербы Мурманской, Омской, Сахалинской, Тюменской областей. Так, на гербе Сахалинской области изображены вулканы. Герб Омской области построен

на идее «Омская область — географический центр России», что выражает почетная фигура «крест», в которой горизонтальная часть символизирует Транссибирскую магистраль, а вертикальная — связь севера и юга России, путь по реке Иртышу.

Следующую группу составляют гербы, в которых используются эмблемы, характеризующие особенности развития экономики края (промышленности, сельского хозяйства региона). К ним относятся гербы Ивановской, Кемеровской и Магаданской областей. Так, в гербе Кемеровской области мы видим изображения, символизирующие угольные шахты, терриконы. На гербе Магаданской области изображены эмблемы, символизирующие рыбный промысел и добычу золота. А челнок на гербе Ивановской области — подтверждение того, что в регионе развита текстильная промышленность.

И, наконец, последнюю группу составляют гербы, включающие в себя изображения архитектурных и культурных памятников. К ним относятся гербы Волгоградской, Калининградской областей и города федерального подчинения Севастополя. На гербе Волгоградской области изображена известная скульптура Е. В. Вучетича «Родина-мать». На гербе Калининградской области — крепостная стена с открытыми воротами, что символизирует открытость и доступность области. Особенно интересен герб Волгоградской области, утвержденный Законодательным собранием Волгоградской области 31 августа 2001 г. Предусматриваются две формы герба: основная и парадная — Большой герб. На последнем в гербовом щите изображена серебряная статуя «Родина-мать». Как известно, это произведение скульптора Е.В. Вучетича находится на Мамаевом кургане в Волгограде и символизирует победу Красной Армии под Сталинградом. Щит обрамляется венком из лавровых ветвей и пшеничных колосьев, между концами венка сверху изображена пятиконечная звезда. Символика и композиция герба напоминают гербы советских союзных и автономных республик. И это далеко не случайно, так как Волгоградский областной герб был принят под влиянием коммунистических депутатов. Подобное же влияние прослеживается и в ряде других областных гербов. Так, например, гербовый щит Брянской области увенчивается изображением серпа и молота и окаймляется венком из дубовых веток, переплетенным с одной стороны лентой ордена Ленина, а с другой — лентой медали «Партизан Великой Отечественной войны». В целом вся композиция создает достаточно противоречивое впечатление.

Такой же подход мы видим в гербе города федерального значения Севастополя. Основу герба, утвержденного в 2000 г., составляют изображение медали «Золотая звезда», учрежденной Указом Президиума Верховного Совета СССР 1 августа 1939 г., и памятника Затопленным кораблям. При этом надо отметить, что у Севастополя имеется интересный исторический герб, принятый в 1893 г.

Завершая анализ современного состояния геральдики субъектов Федерации, необходимо отметить, что многие гербы еще не отвечают геральдическим правилам и требуют серьезной доработки. Действительно, в ряде регионов идут споры и дискуссии о региональной символике. Например, в Костромской и Пензенской губерниях Законодательные собрания в период с 1991 по 2011 г. трижды уточняли описания областных гербов. Очень часто в эти споры привносятся не геральдические, а идейно-политические пристрастия представителей региональных властей. Так, вызывают интерес многолетние споры, идущие вокруг герба Волгоградской области. В 2000 г. Законодательное

собрание области утвердило герб региона, основу которого составляет серебряная статуя Е. В. Вучетича «Родина-мать». Однако данный герб не прошел геральдическую экспертизу Геральдического совета России, так как по правилам геральдики не разрешается помещение в гербе конкретного памятника или скульптуры. В качестве альтернативы данному гербу был предложен проект нового герба Волгоградской области, в котором за основу берется дореволюционный городской герб Царицына (дореволюционное название Волгограда) — две расположенные крестом стерляди. Однако этот проект вызвал отрицательную реакцию у многих жителей области, особенно у прокоммунистической части депутатов. В настоящее время в области идут обсуждения и дискуссии по поводу будущего герба региона. Такие же дискуссии идут в Брянской и Курской областях.

Таким образом, подводя итоги рассматриваемой проблемы, можно отметить следующее. Российская земельная геральдика прошла очень сложный и долгий путь развития от религиозных символов и знаков XVI в. до сложных конструкций, воплощающих политические парадигмы и мифологемы конца XX — XXI в. За это время ею накоплен богатый геральдический материал и опыт герботворчества. На наш взгляд, этот опыт, к сожалению, еще не полностью реализован в процессе создания современной региональной геральдики. Как было показано выше, еще многие субъекты Федерации не имеют официально утвержденных геральдических символов. Очень часто в их разработку привносятся политические и даже религиозные мотивы и в меньшей степени — опыт и знания геральдической науки. Во многих регионах разработка гербов стала важным фактором внутривластной жизни. В национальных республиках это был повод к оживлению движения, к усилению внимания к проблемам национальной самоидентификации. В ряде русских регионов разработка гербов стала стимулом к возрождению исторических традиций. Очень часто геральдические проблемы стали полем столкновения различных внутривластных сил исполнительной и законодательной властей: либерально-западнических и прокоммунистических группировок.

Достаточно пассивную роль в данном направлении играет Геральдический совет при Президенте России, который очень часто ограничивает свою роль лишь проведением экспертизы подготовленных на местах проектов региональных гербов, не ведет четкую научно обоснованную геральдическую политику, что особенно проявлялось в 1990-х гг. Хотелось бы надеяться, что общими усилиями региональных властей, Геральдического совета и научной общественности будет завершена работа по разработке и созданию гербов субъектов Федерации, в результате чего будет создана система ярких запоминающихся символов, вызывающих любовь и уважение граждан России к своей малой Родине.

Библиографический список

1. Борисов И. В., Кодина Е. Н. Геральдика России. М. : АСТ ; Астрель, 2005. 424 с.
2. Бурков В. Г. Государственные эмблемы и символы России и республик Российской Федерации : учебное пособие. СПб. : ЭГО, 2002. 16 с.
3. Ветры перемен : Флаги и гербы республик России. Чебоксары : Чувашия, 1996. 240 с.
4. Геральдика России : полная иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. А. Г. Меринов. М. : Аванта+, 2008. 512 с.
5. Геральдика.ру. URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 11.01.2016).
6. Гербы и флаги. URL: <http://fgl.ru/> (дата обращения: 11.01.2016).

7. Геральдическое наследие Республики Татарстан. Казань : Регионсервис, 2012. 328 с.
8. Коржик Ю. В. Гербы регионов России // Вестник геральдиста. 2002. № 14. С. 5—13.
9. Корников А. А. Основы российской геральдики : курс лекций. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010. 128 с.
10. Куренная И. Летящий из глубины веков: из истории геральдики Забайкалья. Чита : ИПК «Забтранс», 1997. 120 с.
11. Моченов К. Ф., Коржик Ю. В. Гербы современной России : справочник. М. : Гербы и флаги, 2005. 296 с.
12. Наумов О. Н. Научная геральдика России. М. : Старая Басманная, 2013. 516 с.
13. Официальные символы Подмосковья / К. Ф. Моченов и др. М. : Алексей Ушаков и К°, 2003. 159 с.
14. Пашков А. М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск : Карэко, 1994. 352 с.
15. Росич Ю. Региональная символика: в поисках идеологии. URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 25.11.2011).
16. Сапрыков В. Н. Государственная символика регионов России. М. : Парад, 2004. 96 с.
17. Сметанников И. С. Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. М. : Всероссийское геральдическое общество ; ООО «Компания Ритм Эстэйт». 2003. 112 с.
18. Туник Г. А. Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства. М. : Нота Бене, 2007. 432 с.
19. Юрьев Э. М. Государственные символы Чувашской республики // Гербовед. 1995. № 8. С. 21—24.
20. Heraldicum. URL: <http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/> (дата обращения: 11.01.2016).

ББК 63.442.14(2)

Е. Л. Костылева, М. Г. Жилин, А. В. Уткин

МНОГОСЛОЙНАЯ СЕЗОННАЯ СТОЯНКА ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНОСТИ САХТЫШ III

Представлены материалы раскопок стоянки Сахтыш III, расположенной на берегу реки Койки близ Сахтышского палеозера. Большую часть их составляют черепки сосудов льяловской культуры. Была также найдена керамика верхневолжской и поздне-волосовской культур, бронзового и ранне-железного веков. Имеется несколько каменных орудий. Стоянка была сезонным лагерем рыбаков и охотников и посещалась эпизодически.

Ключевые слова: сезонная стоянка Сахтыш III, неолит, керамика, каменные орудия.

The materials of excavation works at the Sakhtysh III site on the bank of Koyika river near Sakhtysh paleo-lake are presented. The majority of the materials found are the sherds of the Lyalovo culture. Besides, the pottery of the Upper Volga and late Volosovo culture, the Bronze and Early Iron Ages were also found. Among artefacts found there are few stone implements. The site was a seasonal camp of fishermen and hunters and was attended episodically.

Key words: the seasonal site Sakhtysh III, Neolithic, pottery, stone implements.

Памятник был открыт в 1962 г. Д. А. Крайновым¹. В 1996 г. небольшие работы на нем были проведены М. Г. Жилиным, Е. Л. Костылевой и А. В. Уткиным².

Стоянка находится в 1,3 км к юго-востоку от села Сахтыш и в 250 м к западу от 4-го поселка Ново-Леушинского торфопредприятия. Она локализуется почти напротив стоянки Сахтыш I — в 60—70 метрах к северо-востоку от нее (рис. 1). Располагается на слабовыраженном мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Койки и правого берега заболоченной долины осушенного ручья. Высота 3 м над уровнем дренированного русла р. Койки. Поверхность задернована, хотя в центральной части имеются обнажения, выбитые скотом. Площадь памятника, судя по рельефу местности и распространению подъемного материала, — 80 × 70 м.

Разведочный раскоп 1996 г. площадью 2 × 10 м был заложен на восточной половине стоянки в глубине берега и ориентирован строго по сторонам света — с севера на юг. Раскопки после нивелировки и снятия дерна велись тонкими зачистками. Культурный слой был разделен на условные горизонты толщиной по 5 см. Находки отмечались на плане, важнейшие из них нивелировались и паковались индивидуально.

Стратиграфия, зафиксированная по восточной стенке раскопа, выглядела следующим образом:

- 1 — дерн с поддерновым слоем (рыхлая серая супесь) — 10—15 см,
- 2 — темно-серая рыхлая супесь мощностью 15—20 см,
- 3 — светло-серая осуглиненная супесь мощностью 10—20 см,
- 4 — желтый влажный песок без находок (материк).

Культурный слой залегал в слоях 2 и 3. Он оказался сильно размыт в древности и перемешан. Большое количество гальки мелких и средних размеров, а также сильная окатанность керамики указывают на то, что это место периодически затапливалось во время весенних половодий и человек мог поселиться здесь только после спада воды в сухое время года, т. е. поселения на этом участке берега были только сезонными.

Какие-либо остатки строительных или хозяйственных сооружений и конструкций не зафиксированы.

На сезонность функционирования поселения указывают и находки. Их собрано более двух тысяч³. Доминируют обломки керамики. Типологически они неоднородны и распадаются на ряд культурно-хронологических комплексов. Черепков от посуды эпохи поздней бронзы/ранне-железного века с грубой сетчатой поверхностью найдено 22 экз. Под венчиками сосудов имеются ямочные вдавления с внутренней стороны (так называемые «жемчужины»), внешняя сторона на ряде фрагментов орнаментирована глубокими тычковыми вдавлениями (рис. 2: 2, 3). К этой группе керамики относится и одно плоское днище (рис. 2: 4).

Примерно таким же количеством в коллекции представлены невыразительные фрагменты сосудов «фатьяноидного» типа эпохи бронзы (18 шт.), а также небольшие осколки горшков волосовской культуры позднего этапа ее развития — с органической примесью и Г-образными венчиками (23 шт.) (рис. 2: 1).

¹ Крайнов Д. А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2522. Л. 126, 127.

² Жилин М. Г. Разведочные работы в Тейковском районе Ивановской области // Научно-вспомогательный фонд археологического музея ИВГУ. Отчеты.

³ Коллекция артефактов хранится в археологическом музее Ивановского государственного университета.

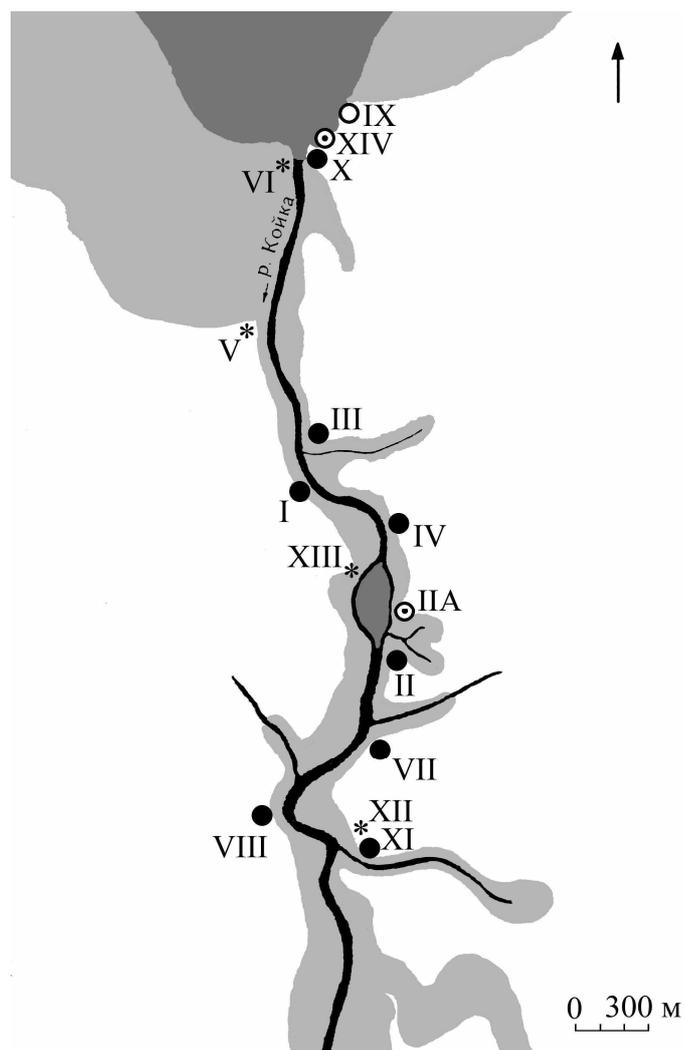
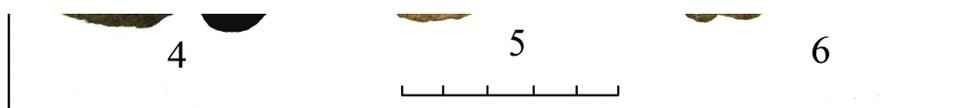

Рис. 1. Схема расположения Сахтышских стоянок (рис. А. В. Уткина)

*Рис. 2. Стоянка Сахтыш III. Керамика поздних типов
(фото и обработка Е. Л. Костылевой)*

*Рис. 3. Стоянка Сахтыш III. Керамика верхневолжской раннеолитической культуры
(фото и обработка Е. Л. Костылевой)*

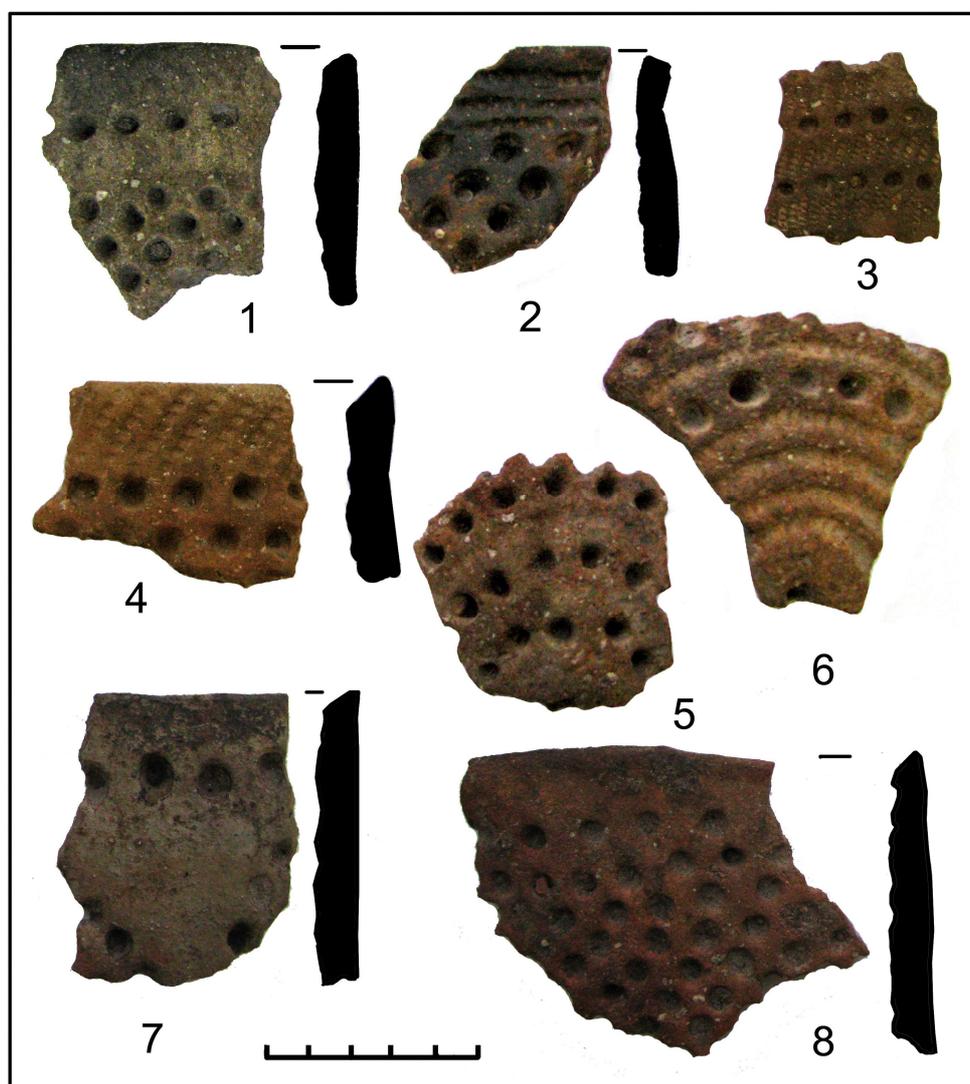

Рис. 4. Стоянка Сахтыш III. Керамика льяловской культуры
(фото и обработка Е. Л. Костылевой)

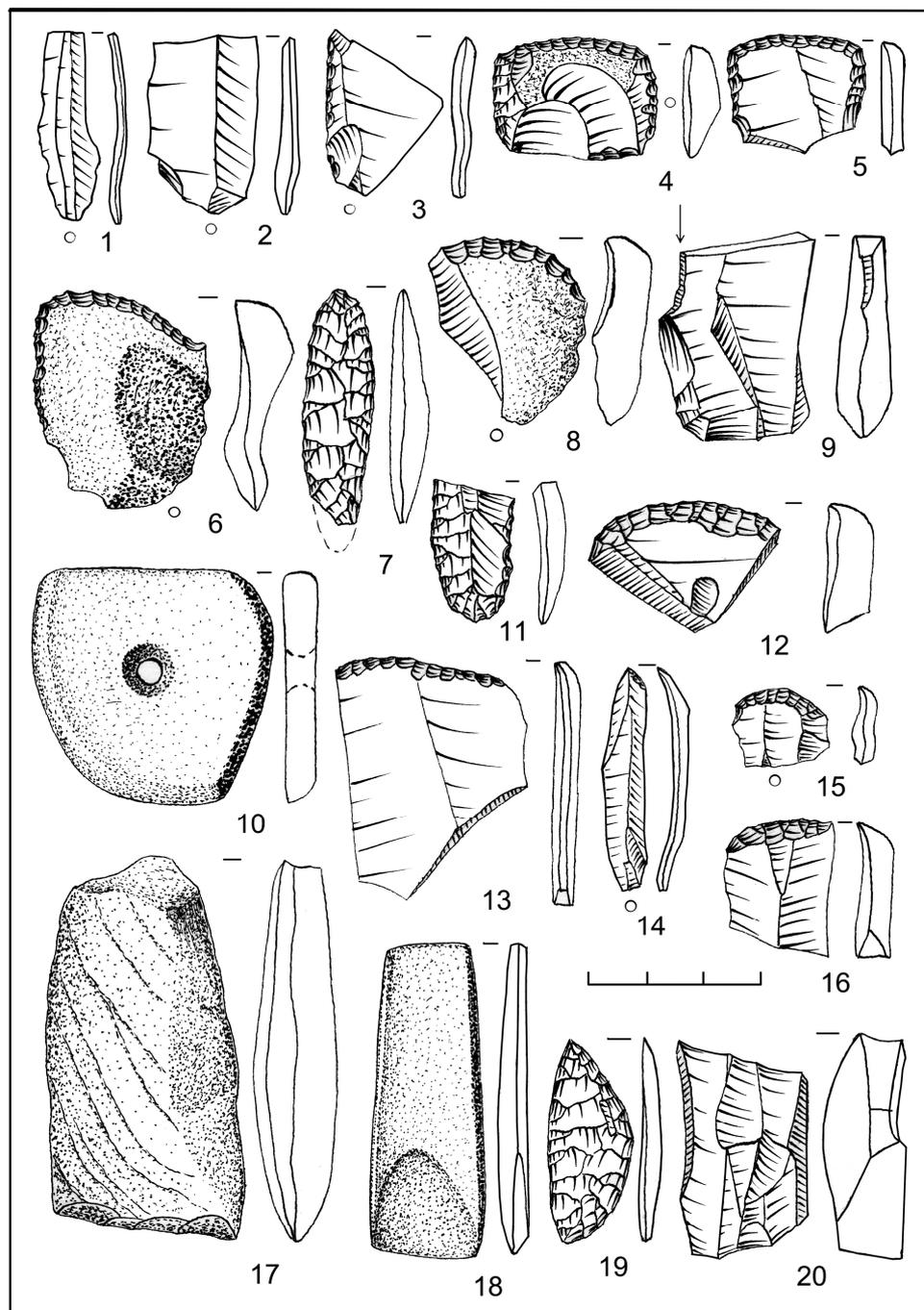

Рис. 5. Стоянка Сахтыш III. Каменный инвентарь (рис. А. В. Уткина)

Чуть более собрано обломков керамики раннеолитической верхневолжской культуры — 71 экз. Все они относятся к позднему этапу ее развития, на что указывает орнамент, выполненный преимущественно длинным зубчатым штампом, округлые донца и примесь дресвы и шамота в глиняном тесте (рис. 3).

Основную массу керамики составили обломки сосудов льяловской культуры развитого неолита — 1 954 экз. Последние в целом однородны и по характеру орнаментации почти все могут быть отнесены к средне-льяловскому хронологическому горизонту. В орнаменте преобладают белемнитные ямки, нанесенные в шахматном порядке, с разделительными поясами отпечатков гребенчатого штампа, расположенного горизонтально или вертикально/наклонно (рис. 4: 2—6).

Реже в разделительных поясах и бордюрной зоне встречаются отпечатки лунниц, выполненные тыльным концом белемнита (рис. 4: 1).

Примесь керамики позднего этапа развития культуры незначительна — два-три десятка фрагментов с небрежно нанесенными ямками, которые, очевидно, покрывали всю поверхность сосуда, и всего три черепка с редкоямочным орнаментом (рис. 4: 7, 8).

Индивидуальные находки немногочисленны. Более-менее серийно представлены лишь скребки (рис. 5: 4—6, 8, 12, 13, 15, 16), другие категории единичны. Из них следует особо отметить каменный небольшой грубо обработанный топорик (рис. 5: 17), тонкое желобчатое тесло (рис. 5: 18), ножевидную пластинку со скошенным ретушью концом (рис. 5: 14) и тонкую сланцевую плитку с подшлифовкой и двусторонне-сверленным отверстием в центре⁴ (рис. 5: 10). Отходов кремневого производства собрано также немного — 97 экз. Костей животных и костяных орудий не найдено вообще.

В целом раскоп на стоянке Сахтыш III вскрыл, очевидно, центральную часть сезонного поселения льяловского времени. Чтобы более полно понять характер этого памятника (и выявить центры других сезонных стоябищ — волосовского и верхневолжского), необходимо продолжить его полевые исследования.

Библиографический список

1. Костылева Е. Л., Уткин А. В. Раннесредневековое селище и стоянка эпохи первобытности Кухмарь I на Плещеевом озере // Археология Владимиро-Суздальской земли. М. : СПб. : Нестор-История, 2011. Вып. 3. С. 53—68.
2. Крайнов Д. А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2522.
3. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М. : Наука, 1978. 232 с.
4. Уткин А. В. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера // Советская археология. М., 1991. № 3. С. 143—152.

⁴ Подобные плитки встречаются в единичных экземплярах на поселениях неолита Русской равнины. Они известны, например, на стоянках против Гостиного берега [4, с. 210], Кухмарь-I [3, с. 63], Яга-II [5, с. 149] и некоторых других. Однако их назначение остается неясным.

ББК 87.3(4Гем)6-725

А. В. Королев

ИСТОРИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В СТРУКТУРНОЙ ФИЛОСОФИИ ГЕНРИХА РОМБАХА

Рассматривается философская концепция Генриха Ромбах, её основные связи в развитии европейской истории культуры. История и культура — это основные определения, которые характеризуют любое человеческое сообщество. Ромбах распределил временные эпохи развития Европы на субстанцию, систему, структуру, дал им критическую оценку, сравнивал с другими культурами. В итоге находит главную составляющую культуры как человека, так и общества — это движение на саморазвитие, самосовершенствование.

Ключевые слова: система, системное мышление, структура, структурное мышление, конституция, становление, конкретивность, межкультурный горизонт.

The article deals with the Heinrich Rombach's theory and its main connections in the development of European cultural history. History and culture are two basic concepts characterizing any human community. Rombach divided epochs of European development into substance, system, structure, gave them a critical evaluation, compared with other cultures. The result is a major component of culture for both man and society — movement towards self-development, self-perfection.

Key words: system, systemic thinking, structure, structural thinking, constitution, formation, concreativity, intercultural horizon.

С именем Генриха Ромбах связано много новых подходов к современному сознанию немецкого философского общества в конце XX столетия. Сам Ромбах вырос как философ под руководством Макса Мюллера и Ойгена Финка, прошел путь от приват-доцента до ведущего профессора Вюрцбургского, Венского университетов, являлся почетным профессором многих европейских и восточно-азиатских вузов, где читал свои лекции, был соиздателем философского ежегодника, а также одним из основателей «Немецкого общества феноменологического исследования», а потом его первым президентом. Еще до его смерти в 2004 г. выходит сборник, посвященный его научному опыту и получивший название «Philosophie der Struktur — “Fahrzeug” der Zukunft?» (Философия структуры — машина (двигатель) будущего?) [9, с. 493]. Большая группа профессоров с мировыми именами в философии посвятили в его честь статьи, содержание которых отразилось в названии сборника. Вместе с тем добытый им философский опыт широко применяется мировой практикой в психологии, социологии, политологии, литературе, драматургии (психодрама), в экономике (особенно в бизнес-проектах), в точных науках и даже в медицине.

© Королев А. В., 2016

С его именем нерушимо связана «структурная феноменология» как структурное мышление, которое после трактовки им европейской истории духа в главном произведении «Substanz, System, Struktur» имеет длинную историю происхождения, укрепляется в этих словах и отражает философскую эпоху как прошлого, так и современного мышления. Если мы назовем «онтологию субстанции» мыслительным опытом от греческой Античности до христианского Средневековья, то таким образом обнаруживается «онтология системы» как мыслительная эпоха, простирающаяся от времени Декарта до наших дней. Красной линией проходит все-таки то, что в системном мышлении под сокрытой чертой «структуры» разрабатывается оригинальная онтология, которая на исходе XIX века, особенно в XX, становится все более ясной. Глубинные интерпретации, прежде всего Кузанского, Галилея, Декарта, Спинозы, Паскаля, Лейбница становятся очень актуальными, «поскольку от них появляются различные ответвления и развитие отдельных наук создает философские ветви нового и плодородного развития» [2, т. 1, с. 140]. Ромбах увидел системное мышление, с одной стороны, как «инструментальный разум» современного понятия науки, естествознания и техники, но с другой стороны, заботился одновременно за редукционизм, который угрожает всякой свободе и достоинству на этом пути. Структурное мышление Ромбаха изображает прежде всего как попытку объединить «субстанцию» и «систему» на новой ступени. На этом фоне появляется «структурная конституция». Она устанавливается прежде всего в своем генезисе, который представляет основную ее форму как «генетическую кривую» не только человеческого Daseins, но всех живых структур да и жизни вообще. В структурном мышлении «становление» как основной момент занимает всегда только «бытие», «субъект», «система».

Совершенно очевидно, что на Ромбаха очень сильно повлиял Хайдеггер. Но он одновременно нашел свой собственный путь в отрыве от критического продвижении хайдеггеровских мыслей. Мыслительная связь соединяла его то с Хайдеггером, то с Гуссерлем, но он уловил свою необходимую ступень движения, которая вела его от «трансцендентального Гуссерля к онтологическому Хайдеггеру и к структурной феноменологии Ромбаха» [8, с. 36]. В своем сочинении «Путь феноменологии» он сохраняет феноменологическую традицию: «Гуссерль не первый и Хайдеггер не последний феноменолог. Феноменология — это основная мысль философии, у которой есть длинная предыстория и будет длинная постистория» [6, с. 51]. В феноменологическом анализе структуры для современного человечества Ромбах приготовил концепцию структуры, которая расширяет горизонт классико-феноменологического исследования. «С концепцией “структура” феноменология растворяется в схватывании на человеческое бытие. Структурное событие само определило, соответствует или не соответствует оно условиям существования, оно есть выход, в котором истолковываются вообще вещь как природа или человек или сверхприрода» [там же, с. 62].

Итак, «структура» ни субъективна, ни объективна, ни онтична, ни онтологична, она идет на выход из этого различия. То есть выход структуры, по Ромбаху, есть *конкреативность*, являющаяся темой феноменологии на новой ступени. При восприятии этой новой темы ограничивается «открытость бытия» не только в человеческом понимании, но и в каждой форме действительности всего сущего. В этом смысле мыслительная модель антропоцентризма у Хайдеггера Dasein как центр сущего просто существует, но не действует.

Человеческая история есть продолжение истории природы с теми же средствами. Человек более не противостоит миру, а он *сотворчески* (конкреативно) действует выходу самого себя и мира. *Особое становление человека* обнаруживается не только как стойкая метафизика, когда природа уже явствует, а как процесс саморождения и самотворчества.

Наконец, можно рассмотреть, что философия Ромбах проходит внутри межкультурного горизонта. Его структурная мысль возникает не только из рефлексии, но также из критики европейской истории духа. Как односторонняя основная концепция европейского способа мысли, субстанциональный или систематический способ мысли ограничил смысл от бытия, который явно или неявно кодифицировался как основа европейского мышления. Таким образом, она теряет становление события действительности и происхождения, лежащее перед самым бытием и сущим. Межкультурная установка должна была принять неевропейские интерпретации человеческого бытия, и особенно восточного направления. С одной стороны, классическая европейская история духа обозначается как «субстанция» и «система», с другой стороны, современная научно-техническая цивилизация становится пространством для свободного понимания других возможностей, к примеру как восточный путь «Дао». У Ромбах межкультурный и открытый горизонт эффективно вводится в феноменологическое исследование, в котором безграничность горизонта может ввести не дополнительно понятие *межкультурность*, а приниматься с самого начала в целом как необходимая предпосылка для любой философии. Межкультурный открытый горизонт в феноменологии исследуются им постоянно. Из феноменологии межкультурности «возникает создаваемый образ человека, который мог бы подойти для того, чтобы доказательства и самоосветления служили для будущей общей структуры человечества» [7, с. 6].

Ромбах заметил, что понятие «структура» в общей истории философии имеет длинную историю происхождения. Он устанавливает в философских эпохах мысли и основные понятия «субстанции», «системы» и «структуры», которые обозначает одним словом Grundwörter, т. е. «основные слова».

«Субстанция» характеризует целую эпоху от Античности до Средневековья. Античность существенно определила через греческие понятия субстанции, а христианское Средневековье — через «принятие определения личности к характеристике особой субстанции человеческого Dasein» [6, с. 7]. Ромбах возвращает субстанциональное мышление на человеческий фундаментальный опыт, на естественный и сущностно-мирской. Греки вытянули понятие сущее (ousia = eidos) из фундаментального опыта зерна и культуры крестьянства, «с тем, что они сами подразумевали еще бесформенную сущность, которая содержит на всех ступенях одно и то же» [там же, с. 8]. Зерно принято здесь как постоянная основа, которая по-новому раскрывалась в растении, и при этом принимались другие и новые формы цветов и фруктов, но возвращались снова к своему Grundgestalt основному образу, потому что зерно как чистый заряд процесса роста могло применяться к новому посеву. Греки понимали это таким образом, что все сущее в своем множестве легло в основу возможных внутренних образов. Оттого образуется основа бытия субстанции и ниспосланных ему свойств. «Случайности являются качеством смысловых являющейся вещей, которые позволяли делать вывод о сущем, и на этом заключении о внешних явлениях, о внутренней сущности явлений греки строили (episteme, scientia) науку» [там же, с. 7]. Из этого

возникла новая греческая форма культуры, в которой схватываются общая действительность как строго узнаваемый порядок. Греческие философы и ученые пытались также научно исследовать строгий порядок в практических делах, прийти к ясности, как преобразовать собственные условия жизни. Это и есть происхождение истории греческой философии и науки. Личностный индивидуум по этой причине поднимается в средневековом образе мира, который у греков утонул как голое временное явление в пустоте как «вечная субстанция (как бессмертная личность)» [2, с. 57].

В начале Нового времени понятие «субстанция» заменяется благодаря основополагающему смыслу «система». Это освобождение есть собственно начало времени. Системное мышление утверждает, «что не отдельная вещь может называться сущим, а этому наперед всегда задана целая связь отдельных элементов в строгом отношении к необходимости» [6, с. 9]. С системным мышлением направляется знание «не более чем на отдельное скрытое существо, на что господствующая система благодаря соединению функциональных отношений приобщает все в строгую связь» [там же]. Все единицы и отдельные системы связываются вновь в строгую мировую систему, из чего возникает универсальная мировая наука, как «mathesis universalis Декарта» [2, с. 355]. Это системное измерение только относится к «instrumentelle Vernunft — инструментальному разуму», который отправляется, с одной стороны, к современным научным понятиям, естествознанию и технике, а с другой стороны, оно ориентируется в то же время на огромный редуционизм, который угрожает отрезать человеческую свободу и ответственность. В то же время современная наука ограничивает лежащее в ее основе системное мышление.

Становится очевидным, что интерпретации Ромбаха проводятся в рамках западноевропейской истории философии, в основе которой лежит рефлексия западноевропейской культурной традиции, а также истории духа. Философия Ромбаха по ту сторону востока и запада остается не более чем светской культурной традицией, но она расширяет возможности диалога в межкультурном открытом горизонте. От этой безграничной отправной точки направляется его философия к универсальной цели, соответственно здесь универсальная цель и отправная точка объединяются. Тем самым становится возможным открыть новое межкультурное измерение. У Ромбаха оно характеризует европейскую историю духа двумя развивающимися эпохами — «субстанцией» и «системой». Третье фундаментальное понятие «структура» выступает в своем историческом значении в конце XX столетия и относится к нашему ближайшему будущему. То есть вся европейская история духа появляется как поворот от абстрактных концепций «субстанции» и «системы» к живой «структуре». Как непрерывное целое Европа отпечатавалась в эпохах «субстанции» и «системы» прежде всего через мышление «бытия» и «разума». Они обе «чеканят европейскую культуру с нуля и позволяют появиться современному кризису в ярком свете. Современный кризис является при этом как внутренним, так и внешним самосознанием европейской культуры, а также ее критических положений в пределах развития человечества в целом и для состояния мира современного человека» [6, с. 7].

В античные времена греки и от них последующие народы равнялись сначала на науку, которая определилась мышлением как разумом. Разум становился всеобладающей единицей, существом жизни, стоит даже над Богами и всем владеет. Основной мотив разумной науки, возрастающий от приобретенного знания, лежал в обладании миром. Культуры

до этого времени были обречены на хаос. Но мир не мог стать сам по себе как всеохватывающий порядок, а переживался через этот хаос. Благодаря этому определению достигнута строгая наука и ее важнейшие достижения становятся правом на мировое господство и характеристикой западно-европейской культуры. «Западно-европейская наука является вечной установкой принимаемого осмысления, сущность которой состоит в том, что все решается в одной области и одной вещи, и это *предпонимание* кодифицируется в методе» [там же, с. 116].

С другой стороны, как уже показано, с понятием «субстанция» на самом деле имеется в виду бытие мысли. В ходе западно-европейской истории «бытие потеряло свое первоначальное фундаментальное значение как жизнь, восход, пребывание» [5, с. 33]. Бытийное мышление зачехло в установленных рамках, потому что внешне принимает прочность, устойчивость, а внутри оно теряет жизнь. Под господствующим выражением бытийного мышления выступает «безразмерное значение единства, которое о многом свидетельствует как: устойчивость, наличествующее постоянство и к тому же человеческое поведение об установке, его выделение, сохранность, фундаментальное состояние и неизменчивость» [там же, с. 35]. Таким образом, европейский мир культуры «определился не благодаря nichts-ничто как потери смысла бытия, а являющийся в то же время потерей Бога в мире и потерей действительности жизни» [там же, с. 36].

Средневековое христианство углубило античное понятие субстанции через его образное отношение к личностному отдельному индивидууму. Это углубление также имеет большое значение для европейской истории духа. «С этих пор индивидуум становился внутренним объектом интересов европейской культуры и наконец, просто носителем человеческого достоинства» [6, с. 9].

Современное системное мышление Ромбаха опирается на фундаментальную модель механицизма и техники, которая до некоторой степени могла бы выступать новым западно-европейским духом. К тому же он привел отличный пример. Часы рассматриваются как архитипичный образ сущего мира. «В Европе сохранились все церковные башни с часами и их часовой бой господствовал с тех пор над ежедневными событиями внутри европейского мира культуры» [там же]. Все ориентируется в универсальной системе и пробегает как машина. При этом охватывается похожий гуссерлевский анализ в «Кризисе европейской науки», являющимся психической моделью мира в своей тенденции к «технозации» целого смыслового мира, соответственно мира культуры, что исключительно ведет к тому, что человек чаще всего теряет свою ответственность и свободу. Системное мышление является также необходимым следствием и ступенью западно-европейской культуры. В межкультурном горизонте это снова рассматривается так, что в целом мире не найдешь храмов с часами, как имеет место быть в Европе, практически нет церкви без часов. С другой стороны, системное мышление закрепилось с прогрессом западноевропейской науки и техники и распространилось экономически по всей земле. В межкультурной точке отсчета становится всегда триумфальным системное мышление, основанное на западно-европейской культуре. Однако Ромбах настойчиво указывает на то, что речь никогда не идет о правде в сравнении культур и борьбе культур, а всегда вокруг эффективности, «с тем, чтобы выставить сравнение под господство категории европейского мышления» [там же]. Превосходство европейской культуры

позволяет утвердить себя только в своем собственном горизонте, «она фактически остается неспособной узнать другие культуры как другой способ правдивости и встретиться с ним по человечески и приветливо» [там же, с. 10]. Другие культуры понимаются под просвещением Нового времени только как ограниченный горизонт, как субъективно голый и недействительный, потому что культура движется вопреки своему собственному противоречию. Западно-европейская культура мысли не замечала свою проблематику и противоречивость, и эти ростки она имеет даже на сегодняшней день. Только сейчас, в наши дни, эти самопротиворечие и слепота западно-европейской культуры в отношении других культур делаются заметными. Согласно Ромбаху, самопротиворечие показывает фундаментальные ошибки в европейском мировосприятии, потому что ведет эту слепоту к действию в современный кризис все той же европейской культуры.

Абсолютная вера в научно-техническую цивилизацию возникает с приходом концепции «инструментальный разум». «Знание больше становится знанием и всегда больше самого знания. Техника есть умение и становится всегда больше самого умения, а все, на что в этом мире хочет претендовать значение, должно стать возвышением и из возвышения» [5, с. 35]. Рядом с потерей бытия показывается все-таки чрезвычайная выгода, выгода подобно безграничным возможностям бытия, безграничного успеха техники и постоянного усиления истины. «Этот мир оказывается пригодным благодаря самому себе, похоже, благодаря опыту своего постоянного распространения, которое означает, по-видимому, усиление права, стать правдой, но только самоусилением принципиальной ошибки» [там же, с. 36]. «Эта ошибочная вера в прогресс современной цивилизации делает в отдельном случае здоровее, а в итоге более больным, и именно так, что вес всегда клонится в негативную сторону» [там же, с. 137].

Преодоление этой фундаментальной ошибки европейской культурной традиции является главной задачей нашего времени. С большей или меньшей ясностью многие критики культуры, такие как Гуссерль и Ромбах, доказали кризис европейской культуры. Но рефлексия Ромбаха по кризису Европы укрепила сформулированные им размышления, которые исходят в основном от критики современной науки и техники и ставятся шире, чем у Гуссерля в «Кризисе европейских наук». Относительно межкультурного горизонта Ромбах перешагнул через европейскую культурную традицию, а критику «Кризиса европейских наук» Гуссерля расширил, углубил и привел вперед движение. Гуссерль методически подвел кризис прежде всего на почву своей трансцендентальной аналитики сознания и феноменологии мира. Ромбаху удалось подойти к раскрытию этого кризиса, опираясь на свою структурную концепцию к межкультурной рефлексии. Кроме того критика самого Ромбаха включает практический мотив в межкультурном аспекте, подобно профилактике современной тенденции, потому «европейская мысль ищет напрямую в своей погибшей заблудшей скромности *силы*, чтобы владеть всем миром» [там же, с. 137]. «Этот мотив лежит в сущности в *трансевропизации*, которая открыто ведет дальше, чем *европизация* Гуссерля» [1, с. 314].

Результаты «субстанционального» и «систематического» понятия разума следует проверить сегодня почти во всех областях европейской культуры. Это приведет неизбежно, как замечает Ромбах, к кризису современной европейской культуры. Перед лицом кризиса развивается «структурное мышление» как противоположная возможность к «субстанции» и «системе».

Структурное мышление скрытно наличествует как апокрифическая традиция в истории духа, обязывает себя на долгое развитие, которому, по оценке Ромбаха, только сейчас удалось подойти в прорыву. Структурное мышление возникает из альтернативы к мыслительной традиции, которая имеет свои корни в немецкой мистике и прежде всего Николая Кузанского, а также Паскаля, Лейбница, Канта, Ницше и многих других, «чтобы найти и разработать исключительно в феноменологии свои методические возможности» [2, т. 1, с. 206]. Потому Ромбах убежден, что мы стоим сегодня на переломе от системного мышления к структурному.

«Структура» нацеливается прежде всего у Кузанского на «Non-aliud» (не другого) таким образом, «что целое не стоит над единичным, а живет в нем, каждая единица вообще сначала пристает в полной действительности к другой единице и благодаря ей не отделяется от другой, а сплавивается с ней» [6, 11]. Чтобы целое не становилось не чем другим, как единицей, внутренняя «сущность» становится любой единицей, а единица принадлежит целому, поскольку целое составляет живое единство. Любая единица становится не чем другим, как «сращением» целого, так, чтобы целое было сращением любого количества единиц. Структура «Non-aliud» приходит к тождественности, которая различает действительную оживленность целого. Конечно, такое понимание стоит в некотором противоречии к европейской истории духа, поскольку она покоится на фундаментальном понятии «субстанция» соответственно «системе». По греко-европейской логике имеется постоянно категориальное различие от части к целому, которое имеет силу как первое условие предположения всего знания и опыта. На основе этого противоречия структурное мышление не могло пробиться в греко-европейское мышление, а начало, которое характеризуется переломом Нового времени, пробивалось как структурное мышление. В этом смысле можно сказать, что системное понимание, поверхностный подход структурного восприятия становится структурным пониманием, глубинным осознанием системного понимания.

Онтологически считается полагать «структуру» более не постоянной «конституцией бытия», а ее генезисом. Все структуры находятся генетически в фундаментальном живом движении, которое предшествует «мертвому бытию». «Структура» означает, что человек и природа стоят в единой генетической связи. Природа человечна, человек естественен. «Структурирование» жизни здесь не акт осознания, не экзистенциальное понимание, а *всеобщее исполнение*, которое происходит перед различием бытия и сознания, природы и свободы, реальности и познания. Эта мощь структуры или скорее самоструктурирования приводится ни субъектом, ни человеческим Dasein, а совершается *конкреативно* с данной действительностью. Поэтому можно сказать, что структурная онтология подкрепляет фундаментальную онтологию в направлении на основательное измерение. В этом измерении еще не сломано различие, но здесь скорее может жить и разъясняться живой, подвижный и созидательно-зарождающийся способ. В дальнейшем «инструментальный разум» становится «структурой» «как универсальной категорией, которая не только во всех науках, но во всех практических дисциплинах, таких как искусство, политика, педагогика, религия играет решающую роль» [2, с. 10].

Если описывается «система» со словами «механический» и «функциональный», то появляется против этого «структура» «человеческая» и «живая». В настоящее время и ближайшем будущем появится структурное мышление, выступающее шаг за шагом на место системной концепции. Перелом,

реализующийся в восхождении «структуры» и падении «системы», не осуществляет голую западную культуру внутри горизонта, он также не утверждает «закат Европы». Структурное мышление соединяется с первоначально открытым измерением, которое предполагает не просто культурную разницу Востока и Запада, а относится к своим явным предполагаемым возможностям структуры, хотя она как саморефлексия уже возникает из собственной культурной традиции. У Ромбаха вытекает структурное мышление из общей истории европейской культуры в новую эру человеческой общности. С одной стороны, он заметил, что другая критика современной цивилизации становится отчуждением, догматикой и затвердеванием в современной европейской культуре естествознания и техники. С другой стороны, он постоянно пытался определить, как гуссерлевский поворот по-другому может повлиять на первородность западно-европейской культуры мышления, на кризис европейца, на проблематику в дальнейшем фоне бегущей истории духа. «Чтобы исправлять ошибки человеческой истории, нужно включить западно-европейское развитие в общий горизонт, который определился корнями гуманистического развития и который только один может стать ясным от этих корней, от того только здесь, где с одной стороны одновременно принято зарождающееся особое развитие Европы в своем начале, получил ее смысл и освободился в своих границах» [5, с. 364]. Таким образом, структурное мышление идет не о европейской или греческой, а о общечеловеческой эпохе, чего структурная онтология так долго ищет, чтобы создать новые философские предпосылки. «Концепция действительности ищется и развивается, чтобы нести не только европейскую фундаментальную концепцию, но также по возможности она связывается с концепциями других культурных кругов» [там же, с. 365], и это становится намерением структурной феноменологии.

Библиографический список

1. *Husserl E.* Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. 3 Aufl. / Hrsg. v. Elisabeth Ströker. Hamburg : Felix Meiner Verlag, 1996, S. 555.
2. *Rombach H.* Substanz, System, Struktur. Die Ontologie des Funktionalismus und der philosophische Hintergrund der modernen Wissenschaft. Freiburg ; München : Alber, 1965/66. S. 1080.
3. *Rombach H.* Phänomenologie des gegenwärtigen Bewußtseins. Freiburg ; München : Alber, 1980. S. 322.
4. *Rombach H.* Strukturontologie. Eine Phänomenologie der Freiheit. Freiburg ; München : Alber, 1971. S. 368.
5. *Rombach H.* Drachenkampf. Der philosophische Hintergrund der blutigen Bürgerkriege. Freiburg i.Br., 1996. S. 330.
6. *Rombach H.* Die Welt als lebendige Struktur. Probleme und Lösungen der Strukturontologie. Freiburg i.Br : Rombach-Verlag, 2003. S. 153.
7. *Rombach H.* Versuch einer Selbstdarstellung. URL: <http://josef-doebber.heimat.eu/RombachWerk.html> (дата обращения: 17.05.2016).
8. *Stenger G.* Rombach. H. Ein Porträt // Information Philosophie. Freiburg ; München : Verlag Karl Alber, 2001. № 2. S. 36—42.
9. *Stenger G., Röhrig M.* Philosophie der Struktur. — Fahrzeug der Zukunft? Freiburg ; München : Verlag Karl Alber, 1995. S. 493—525.

ББК 87.228.1

А. А. Обрезков

**ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К РАССМОТРЕНИЮ ЯЗЫКА**

Приводится краткий историко-философский обзор концепций, рассматривающих язык как деятельность. Основу рассмотрения составляют взгляды Вильгельма фон Гумбольдта, чей подход к проблеме языка можно назвать наиболее диалектическим и онтологическим среди современных ему и многих более поздних концепций.

Ключевые слова: языковая деятельность, деятельностный подход, язык как стабильно неустойчивая система.

The article gives a short historical and philosophical review of theories treating the language as activity. The kernel of the review is the description of Wilhelm von Humboldt's views, which can be considered as the most dialectical and ontological among all contemporary to Humboldt and much later theories.

Key words: linguistic activity, activity approach, language as the system characterized as unstable in a stable way.

На протяжении более двух тысяч лет теории языка подходили к нему исключительно синхронически, рассматривая его либо как порождение неких высших сил, либо как продукт мыслительной деятельности человека. При этом преимущественно признавалось наличие одностороннего влияния мысли на язык, что позволяло относиться к нему как инструменту. Впрочем, европейские философы Нового времени интуитивно предполагали реальность обратного влияния языка на сферу человеческого разума, создавая логические языки для рационализации мыслительной деятельности, в том числе с целью обретения средства постижения истины. Однако незнание или, как минимум, недооценка объективных факторов развития и существования языка приводили к созданию мертворожденных проектов, представляющих интерес в основном только для истории языкознания и философии языка. Исключение может составить разве что достаточно комплексное лингвоконструкторское наследие В. Г. Лейбница, нашедшее продолжение как в работах адептов логического анализа языка Г. Фреге, Б. Рассела и др., так и в современном эмпирическом апостериорном лингвоконструировании.

Так или иначе, до начала XIX в. язык рассматривался как нечто застывшее и неизменное. Даже в попытках реконструкции начала языка часто отсутствовала сравнительно-историческая составляющая, позволяющая рассматривать его в процессе его эволюции. Первым, кто обратил внимание на деятельностную, динамическую сторону человеческого языка, справедливо называют В. фон Гумбольдта. Его подход к проблеме языка можно назвать наиболее диалектическим и онтологическим среди современных ему и многих более поздних концепций, так как положение ученого о деятельностной природе языка, пожалуй, впервые в истории языковедения означало переход

© Обрезков А. А., 2016

к комплексному подходу к языку как, с одной стороны, сложному динамически развивающемуся организму, с другой стороны, непрекращающейся деятельности, протекающей на основе синтеза противоположностей, и одновременно ее результату, что имело далеко идущие последствия как для логического, так и для эмпирического направлений теории языка. При этом деятельностная составляющая взглядов В. фон Гумбольдта не ограничивалась лишь сравнительно-историческими исследованиями, но затрагивала саму сущность языка.

При диалектическом подходе к языковой деятельности перед исследователем неизбежно возникает ряд вопросов: что такое деятельность в отношении языка? В чем она проявляется? Что является субъектом и объектом такой деятельности? Чем она обусловлена? Чем мотивирована? Что является движущей силой этой деятельности? Что является ее результатом? Ответы на подобные вопросы зависят от многих факторов, включающих в себя отношение исследователя к деятельности как предмету изучения, задаваемые координаты существования языка, уровень контекста рассмотрения исследуемого объекта и пр. Приходится констатировать, что после В. фон Гумбольдта не нашлось ученого, который бы осмелился рассматривать язык настолько же комплексно. Как отмечал Г. П. Щедровицкий, последователи В. фон Гумбольдта «построили много рассуждений для доказательства того, что “язык” есть именно деятельность, а не что-либо другое, но при этом не показали и не могли показать, что же именно следует из этого в отношении самих методов исследования языка, в чем специфика изображения его как деятельности и какими должны быть процедуры анализа». А посему «обесценивался сам принцип» языка как деятельности, оставаясь лишь декларацией, не вносящей ничего нового в методы исследования [7, с. 233—234]. Что же касается самого В. фон Гумбольдта, то при всей метафоричности и идеалистичности его концепции нельзя не признать, что заданный им широкий контекст исследования языка как деятельности оказал мощнейшее пропедевтическое влияние на дальнейшую разработку более частных вопросов теории языка.

Язык в произведениях немецкого ученого предстает как субъективно-объективное образование, при этом деятельность языка находится в определенной оппозиции к бытию, во всяком случае, как отмечает В. И. Постовалова, эти категории для В. фон Гумбольдта равнопорядковы [4, с. 66]. В деятельности лишь и возможны жизнь языка, его эволюция, ибо, по мнению ученого, завершённое дело мертво. Субъектом этой деятельности могут выступать: язык (языки), речь, чувство языка; человек, народ, человечество; мир, природа; мысль, мышление, мировидение; дух, национальный дух; цивилизация, культура, этнос; энергия, сила.

Язык сопутствует всякой человеческой деятельности и во многом определяет ее. Язык как деятельное творческое начало — в человеке и одновременно вне его. Язык — это проявление национального духа и одновременно его творец. Язык — это организм, но вместе с тем и деятельность. Наконец, язык одновременно выступает в качестве субъекта деятельности, самой деятельности (в том числе в виде само-деятельности) и продукта или результата деятельности.

Комплексная концепция В. фон Гумбольдта делает его учение органично скомпонованным произведением, в котором все части настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что невозможно рассматривать какую-то одну его часть без того, чтобы не вытянуть по цепочке все остальные. Одной

из причин подобного построения теории можно полагать рассмотрение ученым языка не как массы «изолированных феноменов — слов, звуков, индивидуальных продуктов речи и т. д.», а как «организм», в котором «все части взаимосвязаны, и роль каждого элемента определяется его отношением к процессам порождения, которые составляют глубинную форму» [6, с. 60]. При этом язык рассматривается исключительно во взаимосвязи с народом-носителем и в контексте влияния на духовное развитие соответствующего этноса. Ученый писал, что «язык тесно переплетается с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [1, с. 49]. Данный тезис вполне справедливо применить также и в отношении отдельного этноса и его языка. В частности, в вопросе реконструкции начал языка, который, по мнению ученого, не мог возникнуть иначе, как весь и сразу. Не ставя перед собой цели оспаривать или находить подтверждение мысли В. фон Гумбольдта, отметим, что в начало диалектической цепи развития языка и мышления, с одной стороны, и человеческой культуры — с другой, ученый ставит именно язык, говоря, что «есть такая древность, в которой мы не видим на месте культуры ничего, кроме языка, и вместо того, чтобы просто сопутствовать духовному развитию, он замещает его» [1, с. 49]. Следуя этой логике, язык предшествует любой деятельности и выступает, собственно, создателем культуры и цивилизации. Однако едва ли справедливо строго критически подходить к концепции великого ученого с позиции современного состояния теории языка, тем более, что, по справедливому замечанию А. Н. Портнова, если быть максимально честными, то следует признать, «что и современная наука о языке, тем более позитивистски ориентированная философия языка, почти ничего не может сказать о природе языкотворческой способности человека» [3, с. 40].

С деятельностной концепцией В. фон Гумбольдта, по нашему мнению, непосредственным образом связана проблема соотношения в языке идеального и материального начал. Все размышления ученого пронизывает понятие «духа» как основной движущей силы, субъекта и одновременно объекта деятельности языка. По мнению В. И. Постоваловой, «понятие духа используется Гумбольдтом для формального замыкания своей теории и достижения ее внутренней целостности. Оно выполняет в его концепции методологическую функцию объяснительного принципа, с помощью которого трактуется то, что не может быть объяснено непосредственно научным способом путем использования внутриязыковых экспланаторных средств лингвистики» [4, с. 180]. Однако вместе с тем В. фон Гумбольдт постоянно подчеркивает материальное воплощение языка. Но это — материальность особого, нестабильного свойства. Язык и все связанное с ним предстают то как нечто готовое, законченное, то как пребывающее в процессе формирования. Едва ли это можно расценивать как свидетельство непоследовательности взглядов ученого. Более того, будет вполне справедливым данный тезис полагать предвосхищением современных синергетических взглядов на язык как сложную самоорганизующуюся нелинейную систему.

С данным противоречием связано, во-первых, вычленение внутренней, относительно стабильной, и внешней, динамичной сторон языка и, во-вторых, рассмотрение процесса производства и усвоения языка. Внутренняя форма языка представляет собой глубинные механизмы его порождения, определяющие собой все процессы языковой организации, внешняя же форма

является сферой творческого воплощения формы внутренней. В качестве примера ученый приводит процесс усвоения языка детьми, что представляет собой не только ознакомление со словами, не простую закладку их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнениями. В терминах диалектического материализма постоянное взаимодействие, вернее, взаимопереход внутренней и внешней форм языка в концепции В. фон Гумбольдта (в максимально упрощенном виде) можно передать как сукцессивный процесс опредмечивания мыслей в материи языка и распределенности продукта языковой деятельности (эргона) с преобразованием его в деятельность (энергейю).

Во многом гумбольдтовская деятельностная трактовка языка оказалась намного опережающей свое время. Этим объясняется, во-первых, некое ощущение недосказанности, недоработанности положений, во-вторых, неспособность современников ученого и даже многих его более поздних последователей адекватно оценить революционное значение данной концепции и тем более развить его до последовательной теории. Среди тех, кто так или иначе говорил о языке как деятельности, были Г. Штейнталь, А. А. Потебня, Й. Л. Вайсгербер и др. Первый из них развивал концепцию В. фон Гумбольдта больше в психологическом ключе, пытаясь адаптировать ее к задачам этнопсихологии и индивидуальной психологии. Он характеризовал язык как протекающую деятельность, полагая, что «мы должны рассматривать его, по существу, не как подручное орудие, которое можно использовать, но которое имеет свое собственное бытие (Dasein) даже и тогда, когда оно не применяется; он выступает как свойство (Kraft) или способность... Язык не есть нечто существующее, как порох, но процесс (Ereignis), как взрыв...» [2, с. 11].

Что касается А. А. Потебни, то он своеобразно интерпретировал положение В. фон Гумбольдта о языке как деятельности, персонифицируя языковую деятельность. По мнению А. А. Потебни, «наиболее реальное бытие имеет язык личный. Языки племени, народа суть отвлечения и, подобно всяким отвлечениям, подлежат произволу» [5, с. 239]. Как видно, данные размышления ученого контрастируют с идеями В. фон Гумбольдта, который понимал язык гораздо шире — как диалектическое единство индивидуального и социального проявлений. А. А. Потебня несколько сужает деятельностную концепцию, понимая под языковой деятельностью постоянное обновление языка как заложенного изначально в отдельном человеке творческого потенциала. Й. Л. Вайсгербер, как и А. А. Потебня, в своем подходе к языку не дошел до распространения понятия «энергейи» на язык вообще, ограничившись пределами родного языка.

Деятельностная концепция В. фон Гумбольдта оказалась на протяжении долгого времени невостребованной в большей степени по причине принципиальной концептуальной неготовности к ее адекватному восприятию. Развитие положения о языке как деятельности затрагивает слишком много пластов языка, трудно обозримых в момент постановки проблемы. Вскрытие этих пластов, их детальный анализ и приведение к их синтезу оказалось делом, требующим усилий разных направлений лингвистики и философии языка и до сих пор до конца не осуществленным. Особая сложность при изучении языка в свете деятельностного подхода заключается в характеристике языка как стабильно неустойчивой системы, находящейся в каждый данный момент своего существования в состоянии относительного равновесия. В этой связи одной из проблем, требующих более детального изучения,

является вопрос о соотношении статики и динамики языка, что подразумевает определенную динамичность синхронии и статичность диахронии, и о справедливости отождествления понятий статики и синхронии, динамики и диахронии. Большой вклад в рассмотрение данного вопроса внесли как видные отечественные лингвисты Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов и др., так и зарубежные ученые, в частности представители Пражского лингвистического кружка. Однако он все еще далек от разрешения.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М. : Прогресс, 2000. 400 с.
2. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
3. Портнов А. Н. Язык, мышление, сознание. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1988. 91 с.
4. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М. : Наука, 1982. 220 с.
5. Потебня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 624 с.
6. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли : пер. с англ. / предисл. Б. П. Нарумова. М. : КомКнига, 2005. 232 с.
7. Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Г. П. Щедровицкий. Избранные труды. М. : Изд-во шк. культ. политики, 1995. 800 с.

ББК 60.024

М. Ю. Сорока

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПЛОДЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемой влияния научно-технического прогресса на человеческую цивилизацию. Приводятся возможные последствия развития техники на самого человека и на общество в целом. Осуществляется анализ возможных путей выхода из создавшихся проблем научным сообществом. Постулируется собственное видение возможного пути изменения цивилизационного курса человеческого общества.

Ключевые слова: техника, цивилизация, наука, риски, природные ресурсы, общество, глобальные проблемы.

The article is devoted to questions related to the problem of scientific and technical progress influence on human civilization. Possible consequences of technological progress on a human being and on society in the whole are discussed. The academic community has been making a search for remedies in order to cope with the situation. The author postulates his own vision of possible ways of civilization course change of human society.

Key words: technology, civilization, science, risks, natural resources, society, global problems.

© Сорока М. Ю., 2016

Не подлежит сомнению то, что развитие науки и техники принесло человечеству множество благ. Победа над заболеваниями, облегчение условий труда и быта, освоение новых источников энергии — это ряд безусловных достижений и завоеваний человечества. Однако сегодня в глобальном мире не менее ясно осознается и ряд проблем, напрямую связанных с научно-технической модернизацией. Возросшие возможности потребления товаров и услуг сами по себе не дают человеку чувства осмысленности существования. Цели и средства поменялись местами. Человек оказался вовлечен в игру политических, идеологических, экономических стихий, в которой он служит лишь винтиком, средством достижения каких-то дегуманизированных целей. Научно-технические знания как инструмент завоевания власти над окружающей средой выступают и средством для господства над самим человеком — манипулирования. В результате ничем не сдерживаемого разрушения человечеством природной среды резко возросла опасность глобальных катастроф.

Массивные изменения природной и социальной среды оказывают влияние на продолжающуюся эволюцию человека как биологического вида.

Существует своего рода глобальная технологическая, «инструментальная направленность современного мышления» [9, с. 36]. На это было указано в свое время таким проницательным критиком общества, как М. Хоркхаймер. Инструментальный разум занимается только средствами, только способами достижения целей, но он не обсуждает, каковы вообще эти цели сами по себе, каковы их смысл и ценность. Но на самом деле существует тесная зависимость средств и целей. Ведь с приобретением новых средств мы можем ставить себе и новые цели. Поэтому расширение инструментальной сферы обладает важным целеобразующим свойством.

Также имеет место своеобразная закономерность, состоящая в том, что чем более мощным является данное средство и чем более широк спектр того, чего можно достичь данным средством, тем интенсивнее оно трансформируется в самоцель. Иными словами, универсальность и мощь средства влечет его превращение в цель. Примером этому являются денежные отношения. В современном глобальном мире, будучи в идеале лишь средством регуляции экономических взаимоотношений, деньги становятся средством достижения всех целей, т. е. обладание деньгами самими по себе становится самоцелью. Другим примером такой трансформации может служить настораживающая тенденция превращения компьютеризации в самоцель; одной из причин этого является универсальный характер возможностей, присущих компьютеру.

В итоге технические средства (или «техника»), разрастаясь и усложняясь, втягивают человека в особую игру, которая состоит в непрерывном наращивании и улучшении самих же инструментов, так что человек из пользователя превращается в обслуживающий персонал, а средства переходят из разряда вспомогательных вещей в статус самоценности. Например, незаметна та грань, за которой человек из пользователя компьютера превращается в его раба. Испытывая массивное давление всевозможной техники, человек в эпоху глобальной модернизации сам претерпевает существенные изменения. Изменяются его самосознание, горизонт целей, язык, образ жизни, этические интуиции и ценностная система.

У техники есть как положительные, так и отрицательные черты. Положительные — улучшение комфорта, отрицательные — пагубное воздействие

на экологию и культуру (развитие средств общения, следствием которого является отсутствие необходимости непосредственного контакта).

Отношение к ней тоже двоякое. Это объясняется еще и тем, что усиленное развитие научно-технического прогресса не сопровождается таким же усиленным развитием культуры, т. е. на уровне культуры нет подобного роста.

Современный американский ученый Э. Тоффлер разработал концепцию «Третьей волны». Первая волна соответствует сельскохозяйственной революции, которая играла важнейшую роль в истории человечества на протяжении нескольких тысячелетий. Соответствующая эпохе индустриальной цивилизации Вторая волна возникла в XVII в. и вскоре «накрыла» собой весь мир. Однако, согласно Э. Тоффлеру, ее энергия постепенно ослабевает [8, с. 170]. Зародившаяся в основанной на предоставлении услуг и использовании информационных технологий послевоенной экономики Третья волна создает реальную угрозу индустриальной цивилизации, грозит уничтожить ее институты, методы и ценности. Именно к ней сейчас и переходит мир. Ее атрибут — информация. Информация общества чревата катаклизмами. Преображаются технология, политика, семья. Но зато рождается цивилизация будущего, которая во всех отношениях будет иной, мало похожей на наше сегодняшнее бытие. Э. Тоффлер утверждает, что именно анализ динамики, порождаемой противодействием движущих сил Второй и Третьей волн, поможет объяснить наиболее важные тенденции развития современного общества [8, с. 508].

Часто можно слышать, что техника и точные науки отрицательно влияют на мораль, что открытие атомной энергии и выход человека в космос преждевременны. Утверждают, будто технология сама по себе ведет к деградации культуры, наносит ущерб творчеству и производит лишь культурную дешевку. В наши дни успехи биологии породили бурные дискуссии о допустимости исследовательских работ по клонированию высших животных и человека, в которых проблема науки и технологии рассматривается с точки зрения этики и религиозной морали. Известный писатель и философ Станислав Лем опровергает эти взгляды, утверждая, что технологию следует признать «орудием достижения различных целей, выбор которых зависит от уровня развития цивилизации, общественного строя и которые подлежат моральным оценкам. Технология дает средства и орудия; хороший или дурной способ их употребления — это наша заслуга или наша вина» [4, с. 304]. Так, экологический кризис, поставивший человечество на грань катастрофы, вызван не столько научно-техническим прогрессом, сколько недостаточным распространением в обществе научных знаний и культуры в общем смысле этого слова. Поэтому сейчас много внимания уделяется гуманитарному образованию, гуманизации общества. Для человека одинаково важны и современные знания, и соответствующие им ответственность и мораль. С другой стороны, влияние науки на все сферы жизни стремительно растет. Необходимо признать, что на нашу жизнь, на судьбы цивилизации открытия ученых и технические достижения, с ними связанные, повлияли гораздо больше, чем все политические деятели прошлого.

На исходе XX в. западный мир пришел к разделению рационального, естественнонаучного и духовного (гуманитарного). Вопрос о ценности техники встал очень остро. С одной стороны, технические науки пользуются уважением, на них расходуются огромные средства, превозносятся сила человеческого разума и его возможности, обещают разные блага и комфорт,

на них уповают и надеются. В этом есть что-то от поклонения идолам, требующим жертв — человеческих жизней, но не в том романтическом смысле, когда ученый посвящает свою жизнь науке, а когда жертвами ее становятся люди, прямого отношения к ней не имеющие (жертвы постоянно совершенствуемого оружия, жертвы рискованных экспериментов, приводящих к авариям, катастрофам, нарушению экологического равновесия). Тогда общество приходит к другой крайности — желанию попрасть своего идола — технику. Фейрабенд высказывался о том, что «достижения науки — нечто весьма призрачное» [10, с. 170]. В этом есть доля истины.

Никогда в истории будущее так не зависело от настоящего: человечество стало смертным и даже «внезапно смертным». Коллективное самоубийство человечества стало реальной возможностью (в результате оплошности или злого умысла). В то же время никогда в истории человечество не располагало и столь мощными средствами защиты от катастроф, а также столь глубокой перспективой развития. И то и другое стало возможным благодаря науке.

Таким образом, научно-техническая модернизация оказывается далеко зашедшим глобальным процессом, полный смысл и результаты которого мы не можем даже представить. Ясно по крайней мере то, что в соотношении вреда и пользы человечество уже перешло некую критическую отметку [5].

Технический прогресс характеризуется беспрецедентным нарастанием разнообразных рисков. Известный немецкий социолог Ульрих Бек говорит, что сегодняшняя модернизация есть продолжение того общего социального обновления, которое идет с начала Нового времени. Однако теперь она вступила в некую новую фазу — в «другой модерн» [1]. Эту фазу можно назвать «общество риска» [1], при ней «развитое общество озабочено преимущественно не распределением благ — классическим вопросом социальной жизни прошлых эпох — а наоборот, распределением рисков» [1, с. 102].

В своем широком социологическом анализе Бек демонстрирует, что глобальное повышение риска становится существенной чертой современности или глобального мира. Сложные модернизационные процессы ведут к постоянному росту всевозможных угроз, причем, как показывает Бек, современные социальные институты (право, рыночная экономика и др.) оказываются по большей части бессильными против возникновения все новых и новых рисков. Более того, «они только поддерживают их узаконенное производство» [1, с. 80]. Поэтому борьба с риском как с фундаментальной проблемой, которая всех затрагивает и объединяет, должна стать полем широкой кооперации и сотрудничества технических наук, властей, общественности.

Не следует считать, что нас может спасти только наука. Глобальная проблематика не только (и не столько) сугубо научно-исследовательского плана. Она имеет характер социально-цивилизационный в широком смысле.

Помимо собственно научно-теоретической деятельности по разработке стратегий решения глобальных проблем, на ученых лежит ответственность и как на представителях общественности, которые по роду своей профессии обладают специальными знаниями в важнейших научных областях, касающихся глобальной проблематики. Многие ученые сегодня активно выступают с широким обсуждением актуальных проблем, привлекают внимание политиков, руководителей, общества в целом. Их реальный вклад состоит в проведении экспертиз и консультаций, составлении прогнозов, оценке тенденций и выдвижении предупреждений, разработке реальных программ. Ученые

должны максимально содействовать созданию благоприятного социально-политического контекста обсуждения и решения этих проблем.

Образцом подобного рода деятельности может служить работа Римского клуба. Это международная организация, в составе которой ученые, политические и общественные деятели. Она была создана в 1968 г. по инициативе Аурелио Печчеи, итальянского бизнесмена и экономиста.

На рубеже 60—70-х гг. А. Печчеи и его единомышленники поставили задачу добиться изменения в настроениях общественности, переломить равнодушное отношение, которое проявляет общество к глобальной проблематике. Для этого они обратились к необычной по тем временам теме — к социальному прогнозированию методом математического моделирования. Используя работы Дж. Форрестера по динамике мирового развития и придав им яркий, в некотором смысле даже рекламный облик, ученые Римского клуба под руководством Д. Медоуза опубликовали подобранные материалы в виде доклада «Пределы роста», который вызвал бурную реакцию общественности. С этого времени понятие пределов роста стало очень популярным.

Смысл концепции Форрестера — Медоуза состоял в утверждении тезиса о конечности существования индустриально ориентированной цивилизации. Идеология неограниченного роста материального благополучия является мифом. Сохранение тех глобальных (промышленных, экологических, демографических) тенденций, которые сложились к началу 70-х гг., должно было, как показывали компьютерные модели обозримого будущего, привести к резко негативным последствиям уже в начале третьего тысячелетия. «Загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, рост народонаселения достигнут критического предела, дальше которого начнутся мировые катастрофы» [5, с. 15]. С осознания катастрофичности избранного индустриальными странами пути развития и началось оживленное становление глобальной проблематики.

Деятельность Римского клуба существенно повлияла на оформление глобалистики и активизировала усилия общественности по решению глобальных проблем. То, что пессимистические прогнозы первых докладов Римского клуба не оправдались, несомненно, не в последнюю очередь вызвано деятельностью самого Римского клуба. Сегодня эта общественная организация включает представителей более 50 стран мира. Она продолжает активно работать, проводя информационные кампании, собирая конференции, анализируя проблемы различных регионов мира, проводя экспертизы и разрабатывая программы действий.

По инициативе Римского клуба осуществлен ряд исследовательских проектов, результаты которых, представленные в виде докладов, неизменно вызывают интерес и приобретают широкую известность. Назовем такие, как «Цели для человечества» (Э. Ласло, 1977), «Нет пределов обучению» (Дж. Боткин, М. Малица, М. Эльманджра, 1977), «Микроэлектроника и общество» (Г. Фридрихе, А. Шафф, 1982), «Фактор 4: в два раза больше богатства из половины ресурсов» (Э. фон Вайцеккер, А. и Х. Ловинсы, 1997).

Но, к сожалению, то, что делается сегодня Римским клубом и другими общественными организациями, крайне недостаточно по сравнению с масштабами глобальной кризисной ситуации, требующей максимальной активизации усилий общества. Для решения глобальных проблем по определению необходимо объединение вокруг общей цели ученых, интеллектуалов, политиков, представителей самых разных областей человеческой деятельности

и жителей различных регионов. Речь идет о выработке и реализации интегральной стратегии развития человечества, которая, в свою очередь, требует единого конструктивного настроя в международных политических, экономических и социальных отношениях.

Разработка средств для проведения широких экономических, социальных, политических мероприятий должна разворачиваться в общем контексте поиска и обоснования новых ценностей мировой цивилизационной системы. Антисциентистское движение, набирающее сегодня силу среди широких слоев общества, нацелено в своем критическом пафосе против односторонней, ориентированной на безудержный рост производства научно-технической модернизации. Однако крайности антисциентизма, нападающего на науку вообще, не могут служить мировоззренческой альтернативой засилью инструментального разума. Для выхода из кризисной ситуации следует искать более взвешенный и гармоничный подход, который одновременно будет опираться на потенциал самой же науки и осознавать ограниченности и опасности неконтролируемой модернизации.

Важнейшим регулятивом для нового типа цивилизационного развития должно стать понимание пределов человеческих возможностей, признание того, что общество не только не может сколько-нибудь полно спланировать собственную среду обитания, но и должно принимать как факт бесконечно превосходящую возможности нашего познания сложность биосферы как единой планетарной системы, включающей и жизнь, и связанные с ней процессы неорганической природы.

Большую роль в этом осознании единства планетарных процессов сыграло учение В. И. Вернадского. При этом деятельность человека ученый поместил внутрь общей системы биосферы и рассматривал ее как новое состояние глобального единства — единство, в котором присутствует человеческий разум, т. е. ноосфера [2]. Идеи Вернадского заставляют нас задумываться о ценностных основаниях современной цивилизации и разрабатывать пути разумного включения человека в циклы планетарной жизнедеятельности.

В отечественной литературе разрабатывается понятие техногенной цивилизации как о сложившемся в последние столетия особом динамичном типе общества [7]. Эта цивилизация нацелена на неограниченное освоение ресурсов, преобразование окружающей среды и в конечном счете создание некоей искусственной, техногенной среды обитания. Однако такой цивилизационный проект саморазрушителен, и уже сейчас последствия этой неконтролируемой деятельности становятся все более очевидными (как, например, проблема глобального потепления).

В поисках перспективных мировоззренческих оснований пытаются обращаться к моделям других культур, ориентированных не на безграничный рост, а на поддержание гармонии человека и среды его обитания. Это, например, модель так называемых традиционных обществ (Китай, Индия и др.), которые опираются на ценностные системы, поддерживающие стабильные, консервативные отношения человека и природы. Конечно, современный разбег цивилизации не может быть остановлен с последующим выстраиванием некоего псевдотрадиционного общества. Но речь может и должна идти о коррекции современного цивилизационного курса.

Считаю, что одним из возможных ориентиров такой коррекции может служить понятие коэволюции, предложенное Н. Н. Моисеевым для обозначения такого способа развития общества, который, в отличие от общества

с неограниченными техногенно-модернизационными тенденциями, включает в себя и определенную стабилизационную составляющую. Тогда «развитие общества становится стратегически сбалансированным, согласованным с объективными законами развития биосферы» [6, с. 149].

О возможных путях изменения цивилизационного курса сегодня больше говорится в контексте желаемого, чем реального. Необходимо выработать новое коэволюционное сознание и стараться действовать так, как говорил известный немецкий философ Г. Йонас: «Действуй так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [3, с. 58]. Какие бы высокие технологии мы ни вводили и ни использовали, мы обязаны исходить из очевидного и безусловного требования: человеческая жизнь на Земле должна продолжаться.

Коэволюционно ориентированные стратегии хозяйствования и развития — новый тип мышления. Конечно, выработка и внедрение таких стратегий в мировом масштабе потребуют значительных усилий. Но, по всей видимости, это единственный разумный путь реформирования нынешних способов хозяйствования. У человечества нет иного выбора: либо разрешить противоречия техники в контексте глобальных проблем современности, либо прийти к завершению своего существования.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : Айрис-пресс, 2004. 576 с.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. М. : Айрис-пресс, 2004. 477 с.
4. Лем С. Сумма технологии М. : АСТ, 2012. 640 с.
5. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя : пер. с англ. М. : Академкнига, 2007. 342 с.
6. Моисеев Н. Н., Александров В. В., Тарко А. М. Человек и биосфера. М. : Наука, 1985. 272 с.
7. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М. : ИФРАН, 1994. 274 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2009. 800 с.
9. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / пер. с англ. А. А. Юдина ; предисл. В. Ю. Кузнецова ; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. М. : Канон+, 2011. 224 с.
10. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 543 с.

ББК 87.3(4Гем)5-563

К. А. Юдин

**АРТУР ШОПЕНГАУЭР КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ**

Опираясь на отдельные фрагменты обширного литературно-философского наследия Артура Шопенгауэра, предпринята попытка рассмотреть конкретный аспект его творчества, а именно — опыт ретроспективного анализа, индивидуальной рефлексии историко-философского процесса. Делается вывод о крайней востребованности и актуальности изучения идейного наследия А. Шопенгауэра, превосходно разоблачившего все патологические явления в сфере философской гносеологии.

Ключевые слова: Артур Шопенгауэр, идеализм, истина, познание, субъективное и объективное, эквивокация, спиритуализм, релятивизм.

Author, based on fragments of a vast literary and philosophical legacy of Arthur Schopenhauer, attempted to examine a particular aspect of his work — namely, the experience of the retrospective analysis, individual reflection of historical and philosophical process. The author comes to the conclusion about Schopenhauer's ideological heritage being high in demand and of great current interest because the philosopher managed in the unique, inimitable style to expose all the pathological phenomena in the sphere of philosophical gnoseology.

Key words: Arthur Schopenhauer, idealism, truth, knowledge, subjective and objective, equivocation, spiritualism, relativism.

Среди мыслителей, философов Нового времени яркой фигурой, заметно выделяющейся не только на фоне своих современников, но и на всем интеллектуальном пространстве в его метаисторическом выражении в целом, является Артур Шопенгауэр (1788—1860). Его идейные воззрения, характер, образ жизни всегда подвергались и продолжают подвергаться парадоксальным и нередко диаметрально противоположным по модальности оценкам, варьирующим от преклонения перед его проницательностью, откровенностью и смелостью суждений, уникально-колоритным стилем мышления, до — полного отторжения с навешиванием ярлыка «реакционера-мизантропа», что подробно рассмотрено нами в специальном исследовании [12].

Тем не менее, неоспоримым фактом является то обстоятельство, что в настоящее время интерес к творчеству Шопенгауэра не только не ослабевает, но, напротив, приобретает более фундированный и качественный характер, о чем свидетельствуют аналитические статьи [2, 3, 4, 5, 8, 9], документально-монографические публикации [13, 14], обзоры зарубежных трудов [7], посвященных как комплексному изучению творческой лаборатории мыслителя, так и отдельным аспектам, связанным с авторским, концептуальным восприятием его наследия. Эту эстафету подхватывает и настоящая статья, сфокусированная на историко-философских взглядах А. Шопенгауэра, предпринявшего не просто масштабный обзор, но и, можно сказать, идейную экспертизу философской мысли Античности и Нового времени.

Уже у древнегреческих мыслителей-досократиков, представителей элейской школы, Шопенгауэр обнаруживает еще не совсем до конца осмысленное и эксплицитно кристаллизованное, но, тем не менее, пронизательно-интуитивное разделение сфер реального и идеального или созерцаемого и мыслимого, причем, подчеркивает он, «только последнее было для них истинно сущим» [11, т. 4, с. 27]. Подобное различие, полагает Шопенгауэр, привело элейских философов к осознанию особого статуса «вещи в себе» как чистой идеи, которая не может выступать объектом чувственного познания, а доступна для постижения только путем интеллектуального созерцания, высшего абстрагирования, выводящего мышление за пределы эмпирической реальности.

Особенностью древнегреческой философской мысли, по Шопенгауэру, была ее ортодоксально-метафизическая устремленность, связанная с поисками оснований бытия, его первоначала, приобретающего натурфилософские корни, т. е. связанные с абсолютизацией действия природных и психических сил — воды, огня, эмоций (любви и вражды), светоносной силы логоса/ума, структурирующего гомеомерии или, наконец, сакрально-символической функции чисел, отражающих в своих комбинациях мировой порядок. Однако из всех этих космогонических проектов Шопенгауэр отдает предпочтение концептуальным построениям Эмпедокла, которые он считает наиболее близкими к своему собственному учению. Преимущество Эмпедокла над Анаксагором состоит в установлении правильной иерархии между волей и интеллектом, а также «умеренном иррационализме», связанном с диалектическим антагонизмом двух начал — любви и вражды, выступающих стержнем всех онтологических отношений. «Эмпедокл вместо бесчисленных гомеомерий признавал лишь четыре стихии, из которых, по его мнению, и вышли все вещи в качестве их продуктов, а не эдуктов, как у Анаксагора» [там же, с. 28]. Кроме того, важным обстоятельством являлось то, что Эмпедокл устройство вещей «препоручает не интеллекту, а... лишенной познания воле», т. е. «слепому влечению разобщающего рассудка» [там же], а не ему самому, как поступает Анаксагор.

Особого внимания среди всех философских учений не только античной эпохи, но и вообще в истории философии заслужила позиция Эмпедокла, удостоившегося одобрения со стороны Шопенгауэра, считавшего его «человеком цельным» за его последовательный и сознательный пессимизм, познание страданий и боли человеческой души, обреченной на вечные мучения в бесчисленных индивидуальных воплощениях, осуществляемых в рамках механизма метемпсихоза. «Взгляд, — пишет Шопенгауэр, — что тело — темница, а жизнь — состояние страдания и очищения, откуда — после того как мы покончим с переселением душ — нас выручает смерть, это взгляд, присущий как египтянам, пифагорейцам, Эмпедоклу, так и индусам и буддистам» [там же, с. 29—30].

Таким образом, Эмпедокл для Шопенгауэра приобретает какой-то особый статус, заключающийся в выполнении важной символической функции по трансляции универсально-истинных знаний о подлинной целеустремленности человеческого бытия — преодоления (отрицания) воли к жизни, представляющей собой сплошное разочарование и иллюзию.

Двойственной оценке Шопенгауэр подвергает Платона и Аристотеля. С одной стороны, они демонстрируют блестящие и *формально* равновесные интеллектуальные дарования, что позволяет им быть удостоенными чести

считаться «изумительными умами». Однако в то же время они резко отличаются друг от друга по складу и уровню мышления, влияющего на стиль и характер изложения философских максим, что даже позволяет Шопенгауэру говорить об их взаимной неприязни и откровенном размежевании, напоминая ситуацию из стихотворения Шиллера, в аллегорической форме проиллюстрировавшего противоположность двух качеств — ширины и глубины. Так, если Аристотель склонен к «энциклопедическому эмпиризму», экстенсивному теоретизированию, часто переходящему в совершенно не подкрепленное никакими гносеологическими возможностями стремление к всеохватности, то Платон, напротив, показывает подлинную глубину и искусство мышления, поскольку умеет сфокусировать внимание на главном и существенном, и уверенно сохраняет и совершенствует на протяжении всего исследования логико-концептуальную архитектонику философского произведения, структурированного придающим ему стройность и завершенность единым идейным стержнем. Платон, отмечает Шопенгауэр, «твердо, как бы железною рукой, удерживает свою главную мысль, прослеживает ее нить, как бы она ни становилась тонка, во всех ее разветвлениях, через лабиринты длинейших разговоров, и находит ее вновь после всех эпизодов» [там же, с. 38], в то время как Аристотель часто разочаровывает читателя, ибо не может избавиться от слабой стороны его ума — «живости поверхностности»: «ни на чем он не может останавливаться подолгу, а перескакивает от того, что занимает его в данную минуту, к чему-нибудь иному, что сейчас только пришло ему в голову, подобно тому, как ребенок роняет игрушку, чтобы схватить другую, только что попавшуюся ему на глаза» [там же].

Более того, Шопенгауэр подвергает Аристотеля еще более суровой и беспощадной критике, упрекая его в интеллектуальной близорукости. Приверженность античного мыслителя геоцентрической модели мироустройства, связанной с представлениями о неподвижности земли и вращении солнца и звезд на неких воображаемых шарах вокруг нее, отбрасывало Аристотеля далеко назад по сравнению с его более ранними предшественниками, теми же самыми пифагорейцами, демонстрировавшими верные представления о строении Вселенной. Поэтому Аристотелю уже и была уготована сомнительная слава и почитание среди средневековых схоластов, которые, безусловно, высоко оценили его как «изобретателя небес», так называемой трансцендентной ойкумены, выступающей местожительством вождельного идола — бога-творца.

Несмотря на такой, казалось бы, однозначный вердикт, Шопенгауэр отдает должное Аристотелю, признавая его вклад в методологию дедуктивной логики, поскольку последний несмотря на «крайнюю бессистемность» его «Метафизики», достаточно «основательно анализировал правильный метод для перехода от всеобщих истин к частным, т. е. сверху-вниз — это силлогистика, *Organum Aristotelis*» [там же, с. 52], что удачно дополняет и превосходит сосредоточившийся на физико-материалистических аспектах Ф. Бэкон (Бэкон Веруламский), развивший индуктивный метод познания и ставший основателем последовательного эмпиризма: «Бэкон... выступил с советом видеть источник познания природы не в абстрактном, а в наглядном опыте. Блестящим результатом этого совета является теперешнее бурное развитие естественных наук, с высоты которого мы с улыбкой сожаления смотрим на эти усилия Аристотеля» [там же, с. 39].

Шопенгауэр не скрывает своей симпатии к учению Платона, возводя его в ранг своих наиболее пронизательных предшественников, максимально приблизившихся, правда еще с сохранением аллегорических атавизмов — «ложной дианойологии» — к постижению «генеральной сущности» — воли, которая принимает у Платона эксплицитный характер как могущественная сила телесности, препятствующая «чистому мышлению» и автономии «души», тяготеющей к пребыванию в «мире идей». «Если... — пишет Шопенгауэр, — наставление *Платона* отвлекать и устранять познание от всякого общения с телом, чувствами и созерцанием оказывается нецелесообразным, извращенным, прямо невозможным, то мы всё-таки можем исправленной аналогией его считать мое учение о том, что лишь познание, удерживаемое в чистоте от всякого общения с *волей* и тем не менее интуитивное, достигает высшей объективности и потому совершенства...» [там же, с. 37].

Однако представляется странным, что, прощая Платону его дианойологическую мифологию, работающую на рациональную психологию, приводящую к серьезному заблуждению о возможности бессмертия души, Шопенгауэр излишне строг и категоричен по отношению к одному из ведущих персонажей платоновских диалогов — Сократу. Признавая Сократа лишь поэтической личностью, введенной Платоном в «инструментальных целях» — для моделирования философской дискуссии, мыслитель крайне скептически относится к «майевтическому диалогу» как методу рассуждения, считая его неприемлемым и бесперспективным в силу его абсолютной нереальности и почти художественно-фантастической надуманности. Шопенгауэр пишет, что собеседники с высокой степенью вероятности физически расправились бы с Сократом или, в лучшем случае, поспешили бы с помощью недобросовестных уловок и инсинуаций уйти от ответов на его вопросы, чем предоставили ему возможность обнажить их глупость и невежество. Однако в данном случае, как представляется, перед нами, скорее всего, аргумент *ad hominem* (к человеку), а не *ad rem* (к делу, по существу), так как сама ситуация экспериментального диалога и воспроизведение логической линии даже в искусственных условиях не только допустима, но и полезна и результативна, поскольку подобный диалог и представляет собой идеальную форму интеллектуального со-бытия, очищенного от эмоциональных диссонансов, привносимых волеием, к чему, собственно, и стремился сам Шопенгауэр.

Непрерывная интеллектуальная рефлексия, ретроспективное наблюдение за спецификой взаимодействия между учениями, доктринами, их основателями и представителями, нередко сопровождающиеся острой идейно-теоретической конфронтацией, вызывающей к жизни феномен «параллелизма противоположностей» (Платона и Аристотеля, Августина Блаженного и Пелагия, реалистов и номиналистов), наводили Шопенгауэра на мысли об общих закономерностях, определяющих динамику всего философского процесса. Его развитие протекает не как линейно-прогрессивное информационное обновление, приводящее к нахождению истины, а, напротив, представляет собой настоящее интеллектуальное состязание, конфронтацию индивидуалистических убеждений и приоритетов. В результате почти тотального, всепроникающего преобладания субъективного, внешнедискурсивного, поверхностного мышления, связанного с заимствованием идеологических установок эпохи, разбавляемых робкими самостоятельными суждениями, процесс философского познания начинает напоминать неудачно сформулированную и поэтому обреченную на провал арифметическую задачу или химическую

реакцию, которые «не выходят», так как всегда «дают остаток» [там же, с. 53]. Так вот этот остаток как лишний, нерастворимый и неразложимый элемент, балласт, свидетельствующий о повреждении в цепи рассуждений, как полагает Шопенгауэр, и становится основным тормозом на пути полноценного познания сути вещей.

Постоянная кристаллизация остатка осуществляется при следующих условиях.

Во-первых, компилятивно-подражательный стиль и манера изложения, которые, как правило, приводят к разного рода искажениям аутентичного содержания того или иного учения, наполняющегося в результате чуждыми идейными примесями. К такого рода «горе-преемникам» Шопенгауэр относит неоплатоников, а также некоторых ретрансляторов учения стоиков. Речь, прежде всего, идет о «Рассуждениях» Арриана, которые Шопенгауэр считает крайне посредственным трудом, поскольку в нем полностью теряются принципы стоической морали, вырождающиеся в ханжество и нетерпимость. Этот труд, отмечал он, «со своими гиперболическими изображениями стоического равнодушия, своими неустанно повторяемыми восхвалениями святых патронов Клеанфа, Хрисиппа, Зенона, Кратеса, Диогена, Сократа и своей руганью против всех несогласно мыслящих представляет собой настоящую капуцинскую проповедь» [там же, с. 43], к тому же еще впитавшую в себя христианско-иудейскую теологическую мифологию: «щеник и стоик действуют здесь по поручению Бога, воля которого является для них путеводной звездой... ничего подобного не было свойственно подлинной, первоначальной Стое...» [там же].

Что касается неоплатоников — Прокла и Плотина, Ямвлиха, то Шопенгауэр дает им еще более нелестные характеристики в своем стиле. Так, первый является «поверхностным, многословным и пошлым болтуном», последний «полон грубого суеверия и неуклюжей демонологии», в лице Плотина мы тоже встречаем интеллектуального банкрота, демонстрировавшего «стиль духовного проповедника, и как последний опошляет Евангелие, так и Плотин поступает с платоновскими учениями, причем и он тоже сказанное Платоном в мифическом и даже полуметафорическом смысле низводит до буквального прозаического и по целым часам разжевывает одну и ту же мысль, не прибавляя к ней ничего своего» [там же, с. 45—46]. Единственным, кто несколько выделялся из этого ряда и кого, как снисходительно полагал Шопенгауэр, можно еще «читать без отвращения», — это Порфирий, но и он не был избавлен от типичных недостатков — синкретического эклектизма, вторичности и неоригинальной аналитики, сводившейся лишь к концептуально-теоретической комбинаторике — попыткам совместить, привить античной философии индо-египетскую мудрость.

Второе условие или способ формирования упомянутого «остатка» — это откровенные фальсификации, заключающиеся в вольных или невольных *эквивокациях* — смешениях смыслов и значений слов и понятий, а также применении метода-уловки — *petitio principii* — предвосхищении основания, подмены причины — следствием, манипуляции псевдоаргументами. Но самый тяжелый и опасный недуг, которым оказалась пораженной вся западноевропейская философская мысль, — это, по Шопенгауэру, — антинаучная практика *гипостазирования*, т. е. выведение «фактов» из вымышленных абстракций, самодвижение понятий, состоятельность которых выводится

из них же самих, что превращает их, тем самым, в понятия-симулякры, создаваемые чисто произвольно без всякой связи с эмпирической реальностью. Технологии гипостазирования, распространенные у средневековых схоластов, убежденных в существовании врожденных понятий/идей, «готовых универсалий», были унаследованы и философией Нового времени. «И вот, например, — с возмущением писал Шопенгауэр, — с бесстыдством грубой необразованности всюду и без обиняков говорят о *моральной свободе*, как о решенном и даже непосредственно достоверном факте, равным образом, о бытии и сущности абсолюта, как о чем-то само собою разумеющемся, а также о “*душе*”, как о всем известной особе...» [там же, с. 130].

Знаковой фигурой философской мысли Средневековья, репрезентативно отразившей ставшие на долгие годы и даже целые столетия типичными в своих общих чертах заблуждения, Шопенгауэр считал Иоанна Скота Эриугену. «Этот удивительный человек, — писал он, — являет собой интересное зрелище борьбы между самостоятельно познанной, самостоятельно усмотренной истиной, и местными, утвердившимися, благодаря более ранней прививке, ставшими вне всякой прямой угрозы нападения догматами» [там же, с. 48].

Скот Эриугена внутренне осознавал противоречивость положений о боге как якобы всеблагом и всемогущем демиурге, который сотворил мир и «после этого нашел его превосходным», и — наличие зла, терзающего этот «идеальный» мир и населяющих его существ. Не будучи в силах переступить, избавиться от догматических барьеров, имплантированных эпохой, Эриугена защищает бога классическим для теологической философии способом, а именно — объявляет виновником пребывающего в мире зла все человечество, наделенное свободной волей. Однако, как резонно отмечает Шопенгауэр, попытки освободить бога от ответственности за все пороки мироздания оказываются тщетными. «Правда же в том, — указывает он, — что быть свободным и быть сотворенным — два свойства, взаимоисключающие друг друга и потому друг другу противоречащие» [там же, с. 50]. Ибо для того, чтобы существо было подлинно свободным и, тем самым, обладало моральной, юридической и иной дееспособностью и подлинной свободой, влекущей за собой наступление ответственности, оно «должно существовать по своей собственной исконной силе и полномочию», что «не допускает сведения к какому-либо другому существу» [там же, с. 50—51].

Таким образом, мы видим, что здесь, применительно к случаю с Эриугеной, а затем и в другом месте «Фрагментов...», а также в других работах Шопенгауэр убедительно показывает полную несостоятельность и фиктивность самого понятия «свободная воля» — *liberum attributum indifferentiae*. «Утверждение, — писал он, — будто какое-либо данное существо *свободно*, т. е. при данных обстоятельствах может поступать по выбору, так или иначе означает, что это существо имеет *existentia* без всякой *essentia*, то есть оно просто *есть*, не будучи чем-либо, иными словами — что оно есть *ничто*, но притом все-таки *есть*, что, следовательно, оно одновременно есть, и не есть» [там же, с. 96]. В свете этого становится понятным, почему М. Хайдеггер более чем скептически относился к Шопенгауэру и избегал упоминаний о нем, поскольку последний объявил несостоятельность утверждения о предшествовании «бытия-в-мире» внутренней сущности. Более того, уже Шопенгауэр использует понятие «забота» для характеристики интенсивности экзистенциально-онтологических ритмов, но она, в отличие от учения Хайдеггера,

лишена спекулятивно-демагогического содержания — признака активности субъекта, заброшенного в этот мир как проект и наделенного *dasein* («вот-бытием», «врученным пребыванием» [10, с. 398]), а выступает уже органической частью онтологического пространства, являясь продолжением раскрытия его первоначала — воли к жизни: «Забота повергает сердце (волю) человека то в тяжкую тоску, то в энергичное возбуждение и всё время держит его в состоянии страха и надежды...» [11, т. 4, с. 91] — это и есть, по Шопенгауэру, объективация воления уже имманентного миру.

Таким образом, несомненно, Шопенгауэр оказал прямое влияние на философские воззрения М. Хайдеггера, в частности, связанные с выработкой концепции и понятия «воля к воле» — через нее Хайдеггер, особенно после 1935 г., объяснял происхождение тоталитаризма, называя в качестве первопричин возникновения этого социально-политического феномена «абсолютное опредмечивание всего сущего» опустошенным «рабочим» на опустошенной земле [10, с. 410, 177]. Ясно осознавая первенство Шопенгауэра в изучении морфологии воли как иррациональной силы, диапазона и масштабов ее действия на всех ступенях и модусах бытия объектов органической и неорганической природы, Хайдеггер целенаправленно преуменьшал значение наследия Шопенгауэра, высокомерно-пренебрежительно считая его главный труд «Мир как воля и представление» лишь «очень поверхностным и плоским истолкованием платоновской идеи и кантовской философии», в котором «все отрывается от своих корней и уминается в плоскость некоей общепонятности, клонящейся в сторону восходящего позитивизма» [там же, с. 167]. Стоит ли говорить, что если бы Шопенгауэр и Хайдеггер были современниками, то последний стал бы для Шопенгауэра, за такие поистине клеветнические и лишенные элементарной доказательности и обоснованности суждения, не менее ненавистным идейным противником, чем Гегель.

Фундаментальной проблемой, с необходимостью разрешения которой столкнулась вся философская мысль Нового времени, стала проблема о соотношении сфер идеального и реального. Речь шла о границах познания окружающего мира в субъект-объектной корреляции, что предполагало ответ на как минимум три вопроса: 1) соответствуют ли наши представления о вещах их подлинной сущности-в-себе; 2) и если нет, то где пролегает граница между объективной данностью и субъективной реконструкцией бытия нашим сознанием, генерирующим индивидуальные образы, детерминируемые уровнем сложности мышления и организации интеллекта; 3) как, соответственно, сосуществуют эти сферы.

Своего рода «пальму первенства», по крайней мере, в уверенной постановке этой проблемы Шопенгауэр отдает Р. Декарту. Именно Декарт, полагал Шопенгауэр, своим известным изречением — «я мыслю, следовательно, я существую» — приоткрыл покрывало майи, обозначив единственно достоверное знание о непосредственности субъекта. С этим Шопенгауэр был полностью солидарен. «В своей сущности, — писал он, — это его знаменитое положение равноценно тому, которое принято за исходную точку мною: “мир — мое представление”. Вся разница между нами сводится к тому, что Декарт выдвигает непосредственность субъекта, а я — опосредованность объекта» [11, т. 4, с. 6]. Однако Шопенгауэр был вынужден с сожалением констатировать, что только вышеизложенной пронизательностью и исчерпывается вклад Декарта. Последний, начав путь исследования с критической рефлексии, закончил его убежденностью в теодицее — богооправданности

мира, выступающего единственным «достаточным основанием» для удостоверения его реальности, выводящейся из простого доверия к богу. При этом «бытие же самого бога доказывается им из врожденного у нас представления, которое мы якобы имеем о Нем как о всесовершеннейшем существе» [там же, с. 61].

Ненамного дальше в решении поставленных вопросов удалось продвинуться Н. Мальбраншу, Б. Спинозе и Г. В. Лейбницу. Так, уже Мальбранш учил, что «мы все вещи видим в боге» [там же, с. 7]. Это прочно усвоил и Спиноза, которого Шопенгауэр называет то «стихийным материалистом», то простым «реставратором элейцев», не без сарказма иронизируя над его пантеизмом, являющимся гипостазированным учением не только в силу его абсурдных попыток совместить бога, выполняющего функцию творца, что требует его нахождения вовне, и мир, но, прежде всего, из-за логически вытекающего из пантеистических воззрений вульгарно-примитивного оптимизма: «...в самом деле, если этот мир — Бог, то мир является самоцелью и должен радоваться своему бытию и похваляться им» [там же, с. 58].

Ошибка Спинозы заключалась в том, что его разделительная линия проходила целиком по идеальной стороне, т. е. он остановился на исключительно представляемом мире. Несмотря на то что Спиноза признал «субстанцию мыслящую» и «субстанцию протяженную» всего лишь разными модусами (атрибутами) одной и той же субстанции, тем самым согласившись с единством духа и тела, тем не менее, как полагал Шопенгауэр, вся его философия свелась лишь «к простому отрицанию двух великих картезианских противоположностей, так как Спиноза распространил свое отождествление на другую выставленную Декартом противоположность — между Богом и миром» [там же, с. 55]. Таким образом, Спиноза, прибегнув к технологиям спекулятивной догматики, заключавшейся в эквивокациях — смешении смыслов в результате употребления слов в несвойственных им значениях (мир называет Богом, право — насилем), в конечном итоге, пришел к убеждению о единстве идеального и реального, сливающихся в лоне одной априорно существующей субстанции, неправоммерно переместив волю как единственно реальную сущность, вещь в себе, в сферу модусов мышления.

Практически аналогичным образом поступает и Лейбниц, у которого указанное тождество идеального и реального нашло опору в мифической «предустановленной гармонии» (*harmonia praestabilita*). С помощью этой симулякривной фигуры, теоретической фикции также легко легализуется сосуществование и параллелизм антиномий, осуществляемых в виде взаимодействия неких монад, выступающих носителями как мира явлений — феноменов мышления, так и одновременно отражающих объективную сущность вещей. В том случае, когда «о посредничестве между простыми мыслями этих субстанций и тем, *что* на самом деле и в себе протяженно, печется предустановленная центральной монадой гармония», скрепленная к тому же еще одним гипостазом — философемой о «тождестве неразличимых» («*identitas in discernibilium*»), это «здесь, — заключал Шопенгауэр, — можно сказать всё — *необъяснимый остаток*» (выделено мной. — *К. Ю.*) [там же, с. 59].

В дополнение к этому Шопенгауэр вновь с гневом обрушивается на интеллектуальную, но в первую очередь, тяжелую моральную патологию, поистине преступному оправданию которой способствовала мифология о «предустановленной гармонии» — безрассудный оптимизм, встречающийся, помимо Лейбница, у А. Э. К. Шефтсбери, Г. Боллингброка и А. Попа. Апофеозом

цинизма и жестокосердия, оскорбительными для здравого смысла, полагает Шопенгауэр, выступали утверждения о совершенстве мира, якобы являющегося «лучшим из миров», демонстрирующего неистощимую силу прогресса человеческого разума. «И вот этот мир, — с негодованием писал он, — эту сутолоку измученных и истерзанных существ, которые живут только тем, что пожирают друг друга, этот мир, где всякое хищное животное представляет собой живую могилу тысячи других и поддерживает свое существование целым рядом мученических смертей, этот мир, где вместе с познанием возрастает и способность чувствовать боль, которая поэтому в человеке достигает своей высшей степени, тем более высокой, чем он интеллигентнее, этот мир хотели приспособить к системе оптимизма... Нелепость вопиющая!» [там же, т. 2, с. 488]. При этом, надо оговориться, Шопенгауэр не отрицал заслуг Спинозы и Лейбница перед философской наукой, указывая, что они внесли заметный вклад в теорию познания, поскольку проявили проницательность в умозрении некоторых вещей, что способствовало отысканию пути к истине. «Лейбниц, — отмечал Шопенгауэр, — заслуживает одобрения за всё свое стремление положить в основу духа и материи один и тот же принцип. У него можно даже отыскать намек как на кантовское, так и на мое учение... ибо его монадология опирается уже на мысль, что материя не есть вещь в себе, а только явление» [там же, т. 4, с. 59]. То же самое касалось и Спинозы, который, несмотря на вышеперечисленные недостатки, «всё же обнаруживает несомненный трансцендентальный идеализм, именно понимание, хотя бы только в общей форме истин, ясно сформулированных Локком и особенно Кантом, т. е. действительное отличие явления от вещи в себе и признание, что для нас доступно только первое...» [там же, с. 11].

Следующим звеном развития философской мысли А. Шопенгауэр полагал идейное наследие еще одной «пары противоположностей», а именно Дж. Беркли и Дж. Локка. Беркли в буквальном смысле снискал славу «отца идеализма» за крайне радикальную позицию, связанную с отрицанием материи (имматериализмом) и объявлением всего бытия лишь комбинациями наших ощущений, т. е. мир не существует вне субъекта и его представления — образа этого мира. Однако, увы, это единственная глубокая мысль Беркли, как констатировал Шопенгауэр, составляет всю суть его философии. А она, если допустить абсолютную категоричность и буквальность в истолковании этого положения, неизбежно выводила на ложный путь — к релятивизму спиритуалистического спектра, поскольку подлинный идеализм не отрицает эмпирической реальности, он «оставляет ее неприкосновенной», но при этом «твердо придерживается того, что всякий объект (т. е. эмпирически реальное вообще) обусловлен субъектом» [там же, т. 2, с. 8].

Что касается Дж. Локка, то он, согласно Шопенгауэру, может считаться ближайшим предшественником И. Канта по той причине, что он занял нонконформистскую позицию к господствовавшим догматическим предубеждениям. Не приняв ставших уже привычными и ортодоксальными философемгипостазов о наличии «врожденных понятий», Локк, тем самым, сделал решительный шаг в установлении правильной иерархии между вещью в себе и явлением, настолько верно приблизившись к постижению этого, насколько ему позволило эмпирико-реалистическое мировоззрение. Локк в своих размышлениях об анатомии гносеологического механизма пришел к известной диспозиции, связанной с выделением двух уровней: так называемых «первичных качеств», получавших статус вещей в себе за их относительное

постоянство — это пространство, время, форма, величина и т. д., и «вторичных», складывающихся на основе информации, поступавшей в ходе практической сензитивности. Кант транспонировал материализм Локка и его последователя во Франции Кондильяка до следующей и фактически финальной стадии — трансцендентального идеализма. «Кант, — писал Шопенгауэр, — показал, что и то, в чем Локк видел “*qualitates primarias*”, т. е. свойства вещи в себе, на самом деле, принадлежат только ее проявлению в нашей познавательной способности, и именно потому, что условия этих свойств — пространство, время и причинность — познаются нами априори» [там же, т. 1, с. 352]. В этом, в признании идеальности пространства, времени, причинности как функции, форм познания, априорно принадлежащих нашему рассудку, по Шопенгауэру, и состояла величайшая заслуга Канта, который, тем самым, «своей критикой умозрительной теологии нанес последней смертельный удар» [там же, т. 4, с. 86], объявив вещь в себе абсолютно непознаваемой.

Однако даже гениальная проницательность И. Канта также имела свои пределы, и цель философии — нахождение сущности мироздания — еще не была им достигнута. Серьезным недостатком всей кантовской философии, как полагал Шопенгауэр, можно считать проявляющуюся в самый неподходящий момент паллиативность мышления — установление противоречивых и неправомερных компромиссов в том случае, когда решение проблемы требовало однозначного ответа, от которого Кант стремился уйти с помощью косвенных умозаключений. Так, Кант, констатирует Шопенгауэр, оставляет вещь в себе как некую неизвестную переменную, X (икс) [там же, с. 26], происхождение которой определяется им по остаточному принципу как непознанный объект, расположенный в «трансцендентальной идеальности», то есть за пределами гносеологических перспектив, детерминированных априорной данностью в рассудке. «Кантовский трансцендентальный идеализм, — пишет Шопенгауэр, — отрицает объективное существо вещей, или же их не зависимую от нашего понимания реальность, — отрицает настолько, насколько простирается в нашем сознании априорное, но не далее, так как дальше недостает оснований для отрицания; таким образом, он допускает наличие того, что лежит вне этих пределов, т. е. все те свойства вещей, которые не могут быть построены *apriori*» [там же, с. 71]. Из невозможности познания вещи в себе И. Кант допускает познавательный релятивизм, что, в конечном итоге, приводит к частичной реставрации теологического догматизма, возрождающегося автоматически в ходе логических и концептуальных диссонансов.

Во-первых, Кант, чтобы «смягчить» неблагоприятное впечатление от критики теологии, занимавшей в его время достаточно прочные позиции, предоставляет ее адептам схоластическую лазейку — уверение в том, что «хотя бытие Божие и должно оставаться недоказанным, однако, в такой же точно мере невозможно доказать и противоположное» [там же, с. 94].

Во-вторых, верное направление мышления, связанное с взятым курсом на соединение этики с идеалистической метафизикой, что предполагало освобождение первой как от реалистических заблуждений (оправдания эмпирическим эвдемонизмом), так и спиритуалистических (обоснования «волей творца», «абсолютного духа»), было прервано вследствие уклонения в противоположную сторону — «моральную теологию», которая «полностью похоронила под собой [подлинную] мораль» [там же, с. 95].

Безусловно, здесь речь идет о так называемом «категорическом императиве», который Кант выдвинул в качестве основания, фундамента этики. Несостоятельность этого «изобретения» раскрывается в конкурсном сочинении Шопенгауэра «Две основные проблемы этики», а именно — во второй части «Об основе морали». Там Шопенгауэр со свойственной ему логической педантичностью доказывает, что «категорический императив» — это не более чем абстракция, сугубо произвольно-теоретически установленное должествование, не обладающее необходимой для его практической состоятельности корреляцией с эмпирической реальностью, в частности, с индивидуальным мышлением, оказывающемся во власти какой-то полугипнотической имплантации представления о «долге» без сознательно-рефлективного, осмысленного отношения к содеянному. «“Убеждение, — цитирует Канта Шопенгауэр, — которое ему [человеку] надлежит иметь для соблюдения этого закона, состоит в том, чтобы соблюдать его из чувства долга, а не из добровольного расположения и во всяком случае не из не принуждаемого, самостоятельно и охотно осуществляемого стремления соблюдать его”. Тут должно быть *повеление*. Какая рабская мораль!» [там же, т. 3, с. 395]. Основой морали, по Канту, «должны быть *чистые понятия a priori*, то есть понятия, еще совершенно лишенные всякого содержания из внешнего или внутреннего опыта, т. е. представляющие собой голую скорлупу без яйца...» [там же, с. 392]. И далее: «Мораль, — поясняет Шопенгауэр, — имеет дело с действительным поведением, а не с априорным построением карточных домиков, результаты которого никого не заинтересуют среди настоятельных житейских забот, так что действие этих результатов можно сравнить с действием клистирной струи при пожаре...» [там же, с. 401].

Таким образом, Шопенгауэр прямо обвиняет Канта в применении «*petitio principii*» — предвосхищении основания, когда вместо подлинного фундамента этики — закона мотивации, выступающего модификацией закона причинности, но предназначенного для регулирования отношений между существами, наделенными интеллектом, Кант неправоммерно навязывает свой «категорический императив», подменяющий совесть и подлинно моральные побуждения, проистекающие из той порции свободы воли, которая обусловлена индивидуальным характером. Эти заблуждения Канта, полагает Шопенгауэр, обернулись дорогой ценой для всего мыслящего человечества и созданного им интеллектуального пространства, в котором на правах приоритетных доктрин воцарились квазифилософские учения Фихте, Шеллинга и, прежде всего, Гегеля, что привело к «полной деморализации философии, а через нее — и всей литературы» [там же, т. 4, с. 75].

И. Г. Фихте и Ф. В. Шеллинг стали первыми «софистами и пустозвонами», осквернившими кантовское наследие. Они воспользовались незавершенностью кантовской философии, остановившейся перед атрибуцией вещи в себе, и поспешили дискредитировать ее, объявив полностью несостоятельной. Так, «Фихте, — писал Шопенгауэр, — мигом изготовил систему без всякой вещи в себе... заставил познающий субъект быть во всем или всё производить из собственных средств. Для этой цели он немедленно устранил существенное и наиболее ценное в кантовском учении — различие априорного и апостериорного, а отсюда — различие вещи в себе, объявив всё априорным...» [там же, с. 74]. Кроме того, Фихте в своих заведомо тщетных стараниях превзойти Канта пришел к почти карикатурно-гипертрофированным искажениям, когда в его «Системе нравственного учения» «категорический

императив вырос в деспотический императив; в абсолютный долг, законодательный разум» [там же, т. 3, с. 429], что привело, в конечном итоге, к полной телеологии «морального фатализма». К аналогичным утверждениям пришел и Шеллинг, провозгласивший, вопреки всем невероятным усилиям Канта и Локка, «абсолютное тождество» идеального и реального, субъективного и объективного. Но настоящий закат философии Нового времени наступил с момента появления на интеллектуальном олимпе Г. В. Ф. Гегеля, в характеристиках которого Шопенгауэр был предельно беспощаден: «плоский, бездарный, отвратительно противный, невежественный шарлатан, с беспринципной наглостью размазывавший нелепицу и бессмыслицу, которые были выданы его продажными приверженцами за бессмертную мудрость...» [там же, т. 4, с. 75].

Были ли у Шопенгауэра основания для подобных оценок? Безусловно, ответ на этот вопрос положителен, ибо именно Гегель выступил главным вдохновителем и идеологом ортодоксального спиритуализма. Этот идейный феномен можно считать своеобразным гибридом средневековой схоластики и крайней политической тенденциозности, связанной с формированием *прогрессистско-историцистической «методологии»*, которой успешно пользовались все режимы, особенно левого типа, когда требовалось легализовать произвол, свершенный военно-революционным путем, либо, наоборот, оправдать тотальную консервацию тех или иных координат «развития», что объявлялось «рациональным», «разумным», якобы имеющим право на существование только по одной причине — все эти даже крайне патологические формы бытия проистекали из одного источника — по «воле» или как результат эманации «абсолютного духа», о спекулятивно-фантастической природе которого Шопенгауэр возмущенно писал: «Дух? Кто же этот малый? И откуда вы его знаете? Не есть ли он только произвольное и удобное олицетворение, которое даже не определяете, не говоря уже о дедукции и доказательстве? Или вы думаете, что перед вами собрание старых баб?» [там же, с. 130].

В разные исторические эпохи указанный гипостаз принимал соответствующие прагматическим установкам правящей элиты модификации, ссылавшейся на «волю масс», «диктатуру пролетариата», «волю провидения» и т. д. Дополнительным методом насильственно и искусственно конструированной реальности становилась «онтологическая режиссура» — подмена истины индивидуальным складом, «законами» мышления, партийно-идеологической догматикой и иными суррогатами, что приводило к крайнему релятивизму в *гегелевском стиле*. Самое опасное для философского познания, констатировал Шопенгауэр, что в этом случае «само мышление в собственном смысле этого слова оказывается у него [Гегеля] тождественным с внутренней сущностью вещей. Таким образом, мыслимое in abstracto составляет у него, как таковое и непосредственное, одно и то же с объективной сущностью вещей, так что, стало быть, и логика — это вместе с тем истинная метафизика». Целесообразно процитировать и далее: **«При таком взгляде всё, что творится в какой-нибудь черепной коробке, непременно должно быть истинным и реальным»** (выделено мной. — К. Ю.) [там же, с. 24].

В целом, обнажая интеллектуальное банкротство «тройки» — Фихте, Шеллинга, Гегеля, а также их последователей — Вейсе, Фишера, Брандиса, Байргоффера, Михелета, Гиллебранда и некоторых других, Шопенгауэр пришел к итоговому выводу о том, что «за всё время, прошедшее

между Кантом и мной, не существовало никакой философии, а было лишь одно университетское шарлатанство» [там же, т. 6, с. 44].

Таким образом, мы получаем возможность убедиться в значительном вкладе А. Шопенгауэра в осмысление хода мирового философского процесса. Благодаря исключительным качествам, принадлежащим к редким дарованиям — ярко выраженному нонконформизму, уникальной «духовной автаркии», Шопенгауэру удалось обогатить представление о тенденциях, закономерностях этого процесса, представляющего собой отнюдь не механическое обновление идейно-теоретических парадигм, а настоящую арену интеллектуального противостояния, изнурительную борьбу за утверждение истины с самым опасным врагом и «вирусом мышления» — релятивизмом. Его суть заключается в попытках легализации частных (партикулярных) — индивидуальных, и групповых интересов, начинающих претендовать на дискурс-альтернативу даже в том случае, где о таковой не может быть и речи. Именно давление эгоистических, узкокорыстно-прагматичных амбиций и устремлений, не встречавших должного сопротивления и адекватного отторжения со стороны интеллектуально аморфного большинства представителей академического сообщества, приводило к тому, что в Новое время «серьезная философия Канта постепенно вытеснялась шарлатанством Фихте, эклектизмом Шеллинга и противно слащавым ханжеским вздором Якоби» [там же, т. 5, с. 353].

Это патологическое явление, симптомы которого обострились в настоящее время [6, с. 5—19], когда адепты разнообразных политических, идеологических, национально-этнических и религиозных «дискурсов» смешивают допустимо разумную альтернативу, множественность и вариативность путей нахождения знаний с «интеллектуальным анархизмом» по принципу «всё дозволено», убедительно показал и, в ряде случаев, разоблачил А. Шопенгауэр на конкретных примерах, как своих современников, так и крупнейших представителей философской мысли Античности и Средних веков.

Многие их заблуждения вновь продолжают подвергаться откровенной фетишизации и искусной реконцептуализации, когда преобладающей тенденцией становится известное мифотворчество о «триумфе» человеческого разума, якобы обладающего настолько мощным потенциалом и перспективами, которые позволяют перепрыгнуть, обойти имманентную сущность и привести к рождению очередного «нового типа» человека, представляемого «деятельным существом», обреченным на бессмысленный и агрессивный активизм в стиле И. Г. Фихте, продолжающего пользоваться симпатией за то, что он оказался «даже впереди Канта» в преувеличении утопии о прогрессе цивилизации, гарантированном «высшей волей» [1].

На всё это велик соблазн ответить фразой самого А. Шопенгауэра: *«У дураков, которые в наши дни пишут философские сочинения, есть глубочайшее и твердое убеждение, в котором они и не думают сомневаться, — убеждение, что последний пункт и цель всякого умозрения — это познание бога (= «сверхчеловека», «человека социалистического / национал-социалистического» — вершины эволюции государственно-этнической общности, объявляющей себя «высшей расой», и т. п. — К. Ю.), между тем как на самом деле эта цель не что иное, как познание собственного я»* (выделено мной. — К. Ю.) [11, т. 6, с. 153].

Библиографический список

1. Длугач Т. Б. Человек в системе философии И. Г. Фихте // Философский журнал. 2015. Т. 8, № 3. С. 92—106.
2. Исаев С. Г. А. Шопенгауэр о принципах художественной компенсации // Мир лингвистики и коммуникаций : электрон. науч. журн. 2013. Т. 1, № 30. С. 26—31.
3. Колмаков В. Б. Философия пессимизма (Артур Шопенгауэр) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2014. № 1 (11). С. 3—10.
4. Покидченко И. М. Шопенгауэр — философ «темного романтизма» // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. С. 68—73.
5. Резвых П. В. Московский собеседник Артура Шопенгауэра // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2015. № 3. С. 123—131.
6. Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 392 с.
7. Саттар А. С. Новые исследования о Шопенгауэре // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 219—233.
8. Слесарев А. А. Проблема нерациональных способов познания в философии Артура Шопенгауэра // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2013. Т. 11, № 3. С. 138—144.
9. Сотникова Н. Н. Онтология Платона в интерпретации А. Шопенгауэра // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2013. № 3. С. 157—161.
10. Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.
11. Шопенгауэр А. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. А. А. Чанышева. М. : Республика ; Дмитрий Сечин, 2011.
12. Юдин К. А., Бандурин М. А. Артур Шопенгауэр и судьба его идейного наследия в истории философии : (к 225-летию со дня рождения (1788—2013)) // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 2013. № 5. С. 26—40.
13. Bondeli M. Reinhold und Schopenhauer: Zwei Denkwelten im Banne von Vorstellung und Wille. Basel : Schwabe Verlag Basel, 2014. 117 S.
14. Schopenhauer-Handbuch : Leben — Werk — Wirkung / Hrsg. von Daniel Schubbe, Matthias Kofler. Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 2014. 436 S.

РЕЦЕНЗИИ

И. И. Булычев

Рец. на кн.: Калинин П. Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 264 с.

Традиция исследования феномена сознания в нашем регионе насчитывает не одно десятилетие. Большое внимание ему уделялось в публикациях Н. П. Антонова, А. Н. Портнова и многих других специалистов, известных не только в нашем регионе, но и далеко за его пределами. Рецензируемая работа принадлежит представителю молодого поколения, и, следовательно, имеет место переключки поколений, продолжение и развитие традиций Ивановской школы в исследовании философских проблем сознания. Между тем, по общему признанию, проблема сознания чрезвычайно сложна, не имеет простых и однозначных решений, является постоянным предметом изучения многих научных и философских дисциплин, школ и направлений.

При исследовании феномена сознания П. Е. Калинин опирается на глубокое изучение историко-философской литературы, анализирует и сопоставляет идеи европейской классической, неклассической, русской религиозной философии. Решение вопроса целостного сознания, по справедливому замечанию автора, находится на стыке парадигм научного мышления и затрагивает проблему, которая развивается многими школами философии, психологии, социологии, лингвистики и смежными областями философии языка. Анализируя весьма разнородные школы и направления философии, автор зорко подмечает в них наличие некоторых общих интенций, которые успешно используются далее в качестве методологических ориентиров, а также для аргументации ключевых положений собственного теоретического исследования.

В отношении разумной части живой материи, как отмечается в монографии, ситуация выглядит ныне весьма сложной и запутанной, поскольку нет ни единой выраженной линии познания, ни единых методов и подходов к самому определению предмета исследования. По поводу того, что такое разум, сознание, интеллект (естественный и искусственный), существует множество подходов и определений, диссертаций и монографий. В рецензируемой работе подчеркивается существование всё более мощной тенденции к интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, науки и философии, затрагивающей и феномен сознания. Между тем искомый синтез сам по себе непросто, особенно когда это касается сферы сознания. Традиционно предметом анализа являются отдельные его аспекты, что способствует активному развитию соответствующего дифференцированного методического и терминологического аппарата. Однако «к настоящему времени творческий, продуктивный потенциал такого рода подходов уже исчерпан» (с. 13), считает автор, и с этим выводом невозможно не согласиться.

В современном разношерстном калейдоскопе наук крупными мазками выделяются естественные и гуманитарные науки, которые отражают удивительное многообразие и сложность онтологического плана бытия. При этом естественные науки имеют некоторую общность методологии и основных принципов, тогда как гуманитарные науки до сих пор не выстроили единую познавательную стратегию и единый язык для описания тех предметов и явлений, с которыми им приходится сталкиваться. Если же речь идет о синтезе самих магистральных парадигм, то об этом приходится говорить лишь в самых общих чертах.

В рассматриваемой связи перспективной методологической установкой выглядит тезис П. Е. Калинина о том, что для единого описания идеального содержания субъективной действительности и материального содержания объективной требуется общая основа, на которой было бы возможно построить непротиворечивую общую онтологию материально-идеального мира (с. 18). Автор, опираясь на хорошо известные историко-философские традиции, усматривает цель современного изучения сознания в снятии онтологического «противопоставления объективной и субъективной реальностей», что позволит выйти за рамки гносеологического субъект-объектного их разделения» (с. 48). Эта исходная теоретическая установка, как показывает содержание монографии, дает возможность обосновать тезис об особых структурирующих компонентах в бытии, позволяющих ему существовать по определенным законам и проявляющихся на различных уровнях его организации. При объединении различных научных дискурсов необходимо понятие, которое вместило бы в себя терминологические особенности объединяемых понятий и устроило бы всех — философов, психологов, социологов, биологов, физиков, химиков и т. д. Для решения этой задачи вводится термин «структурообразующие координации взаимодействий» (СКВ), которые по-разному проявляются на различных уровнях организации действительности. Так, на уровне объективной действительности СКВ проявляются как физические законы, на уровне субъективной действительности — как язык и закономерности социальной действительности (с. 20, 21, 48). Введенное понятие «структурообразующие координации взаимодействий» позволяет автору рассмотреть их как универсальные для бытия в целом. Иными словами, координации, о которых идет речь, прослеживаются на физическом, биологическом, психологическом, социальном и космическом уровнях бытия.

Для разработки новой методологии исследования сознания П. Е. Калинин предлагает ряд моделей, построенных в кластере тернарной логики, что, как достаточно убедительно делает автор, обеспечивает необходимую гибкость в описании динамичной структуры сознания и позволяет показать диалектику основного системообразующего концепта «структурообразующие координации взаимодействия». Данный концепт раскрывается в плане статико-динамичных структур и континуально-дискретной организации сознательной активности. С этой точки зрения общие свойства необходимо выделять с использованием бинарных оппозиций «статичное-динамичное», «дискретное-континуальное», «пространственное-временное», с дополнением их до тернарных структур как наиболее продуктивных. Причем континуально-дискретное строение сознания выступает как следствие его пространственно-временной организации (с. 18, 138).

На всем протяжении монографии последовательно раскрывается важное положение о том, что пространство и время, будучи фундаментальными

категориями природного (физического) бытия, могут эффективно использоваться при описании также и внутренних процессов сознания. С этой точки зрения пространство и время способны выступать в качестве одной из форм проявления структурообразующих координаций взаимодействия, порождающих статико-динамические феномены сознания. В контексте данного подхода вводятся категории «пространство сознания» и «время сознания» и показана их эвристическая значимость (с. 123).

Пространственно-временная организация рассматривается автором в качестве глубинного уровня сознания и выступает носителем первоначальных гармоник. Гармоничные образования суть первооснова сознания, они обладают внутренней организованностью и относительной инвариантностью. Иначе состояния сознания не смогли бы быть устойчивыми к внешним воздействиям и условиям. Данные гармоничные образования есть не что иное, как особая форма длительности сознания и являются процессирующей составляющей статико-динамических структурообразующих координаций. В гармоничных образованиях сознания временные и пространственные составляющие сливаются в единый концепт.

Таким образом, перед нами, безусловно, смелая попытка преодоления существующего разрыва между различными ветвями наук и соответствующими картинами мира (бытия), попытка совместного и равновеликого изучения реальности физической и духовной, где посредником выступает человек. Доводы, которые приводятся автором в подтверждение своих основных посылок, заслуживают внимания и выглядят достаточно убедительными. В частности, сказанное относится к факторам как объективного, так и субъективного порядка (материального мира и человеческого сознания), рассматриваемым через призму пространственно-временных отношений. В данной связи заслуживает всяческой поддержки позиция автора, касающаяся вопроса о неправомерности отождествления сущности пространства с фактором протяженности. Протяженность, скорее всего, — одно из значимых свойств, но не сущность феномена пространства. Поэтому не следует отождествлять пространство с важным, но не единственным его свойством, т. е. протяженностью. Будучи одним из свойств, протяженность наличествует отнюдь не на всех уровнях бытия. Как показывает П. Е. Калинин, протяженность не прищипана, конечно же, сфере человеческого сознания (с. 125).

Во всех проявлениях объективной действительности мы видим удивительную стройность и гармонию. Нельзя найти ни одного проявления неживой и живой материи, которые бы не обладали внутренней структурой, начиная с мельчайших атомов и заканчивая галактиками и Вселенной. Всё в мире существует в соответствии с определенными законами, которые в той или иной мере нашли свое выражение в качестве результата познавательной деятельности человечества.

Как видим, автор стремится наметить подход к исследованию сознательной активности, который позволил бы в дальнейшем создать единую линию и методологию познания всего многообразия проявлений как внешней окружающей человека действительности, так и внутренней субъективной реальности, которая для человека иногда бывает более реальной, чем любые проявления внешней объективной реальности. Исходя из концепции бытия как единого и нераздельного целого, П. Е. Калинин предполагает наличие в мире единых структурообразующих принципов, единых «структурообразующих координаций», выстраивающих мироздание в тот гармоничный

и слаженный хор, который представляется нашему взору. Данные координации проявляются в многообразных закономерностях при изучении различных уровней организации бытия. Эта проблема непосредственно касается и вопросов структурированности, организованности сознания и является одной из ключевых в попытке познания человеком своего существования, постоянного стремления человеческого разума к упорядочиванию и устройению окружающей действительности в соответствии с определенными правилами. Одновременно человек стремится структурировать не только окружающий мир, но и субъективную реальность, внутренний мир, который непрерывно обогащается всевозможными мыслями, идеями, образами.

Методология исследования сознания, использованная в монографии, позволяет рассмотреть сознание как некий постоянно колеблющийся, непрерывно изменяющийся континуум, предполагающий множество измерений (слоев), в котором присутствуют определенные динамически-устойчивые формообразования, взаимодействующие между собой и перетекающие друг в друга. Сознание невозможно делить на отдельные независимые области смысловой, мыслительной, образной сферы: все они есть проявления единого многомерного пространства-времени сознания. Мышление предстает не как оперирование только словами или понятиями, но как цельный процесс движения ткани сознания. Здесь присутствуют образы различной модальности, эмоционально-волевые проявления, лаконичные и точные словесные формулировки.

Одним из значимых факторов пространственно-временных отношений выступает симметрия, которая рассматривается автором монографии в качестве общего принципа существования объективного и субъективного миров, т. е. прослеживается не только пространственно-временная организация материального субстрата (мозга), но и функциональные особенности сознательной активности. Наличие подобных симметричных отношений позволяет сделать вывод о существовании единого структурирующего основания, пронизывающего все сферы организации человека (с. 183).

П. Е. Калинин особо подчеркивает положение о том, что разумность человека невозможно объяснить без признания всеобщей разумности мироздания. Всеобщая разумность подразумевает наличие единых структур, которые организуют бытие на различных его уровнях. Автор пишет: «Если приписывать пространственно-временные аспекты одним структурам бытия, то их необходимо, пусть в преобразованном виде, приписывать и другим структурам. Если признаки разумности, мышления приписывать одним явлениям, то необходимо приписывать такие же свойства и другим» (с. 19—20). Подобная мировоззренческая установка представляется нам весьма перспективной и теоретически значимой. Однако эта продуктивная установка должна быть проведена максимально последовательно. Речь идет о том, что нет ли на уровне фундаментальных, объективных основ мироздания (основополагающих субстанций) феноменов, сходных с тем, что принято связывать с человеческим сознанием? Нам известно, что о возможности существования своего рода «внечеловеческого», «надчеловеческого», «космического», «глобального» и т. п. сознания ныне говорит большая группа представителей научной и философской мысли (см., напр.: *Победоносцев С. Н.* Информационное поле Вселенной открывает свои удивительные секреты. Кн. 1—4. Тамбов : Центр-пресс, 2014—2016.) При этом вполне очевидно, что за рамками общественной и биотической форм движения говорить об идеальности факторов

разумности, интеллектуальности невозможно, не порывая с традициями научности и материализма. Тогда какие же свойства могут быть общими для сознания человека и его аналогов на других уровнях мироздания?

В монографии эти вопросы так или иначе затрагиваются. В частности, отмечается, что «сама физическая реальность должна обладать свойством разумности, как и разумная должна проявляться в организации физических явлений». В целом же «всеобщая разумность проявляется во множестве форм на различных уровнях организации материи». Ключ к решению данного вопроса автор, не без основания, усматривает в структурированности как объективной, так и субъективной реальности (с. 63, 65). Как видим, подобные вопросы становятся всё более актуальными и требуют убедительных и обоснованных ответов. В рецензируемой работе, несомненно, сделан определенный шаг вперед в их решении.

Что касается вопросов структуры сознания, они сегодня не имеют общепризнанного и однозначного решения. Проблема усложняется еще и тем, что структура сознания, как и многих других факторов бытия, имеет иерархическое строение и многоуровневая. Базовым для человеческого сознания, вероятно, выступает структура, которая предполагает наличие трех его функций — сенсорной, семиотической и семантической. В рецензируемой работе эти три базовые функции в той или иной форме подвергаются рассмотрению. Наиболее повезло семантической функции, выражением которой служит прежде всего смысл. В монографии ему отводится немало места; и это, безусловно, правильно. Однако следует учесть тот факт, что смысл, во-первых, представляет собой образование достаточно высокого уровня в системе человеческого сознания и мышления; во-вторых, смысл специфичен, главным образом, для семантического уровня сознания. Другие его уровни — сенсорный и семиотический — обладают соответственно собственными базовыми (специфическими) элементами (символ, знак).

На протяжении всей работы автор проводит различие онтологических и гносеологических аспектов сознания (философских категорий). Однако принципы такого различения явно требуют более убедительных и развернутых обоснований. Как известно, помимо онтологических и гносеологических категорий и аспектов сознания существуют также аксиологические, при исследовании феномена человеческого сознания их невозможно элиминировать. В работе они, конечно же, присутствуют, но как бы «по умолчанию». Так, в монографии есть разделы, посвященные эмоциональным и социальным проявлениям сознания (с. 114 и далее). Целая группа специалистов указывает на то, что эмоции представляют собой оценочные факторы человеческого бытия и сознания (см., напр.: *Додонов Б. И. Эмоция как ценность*. М.: Политиздат, 1978. 272 с.). Что же касается бытия сознания в социуме, то понятно, что здесь оно не может иметь дезаксиологического и безоценочного статуса. В данной связи остается пожелать автору в дальнейшем вплотную заняться вопросами диалектики взаимосвязи этих трех аспектов философских категорий вообще и феномена сознания в частности.

Далее хотелось бы сказать о том, что ныне интеграция охватывает все ветви знания, включая технические науки. Более того, последние всё основательнее накладывают свой отпечаток на естественнонаучные и социально-гуманитарные дисциплины. Это в значительной мере касается исследования и современного понимания феноменов сознания. Именно здесь мы наблюдаем всё большее взаимопроникновение объективного и субъективного миров.

В научной и философской литературе всё шире разворачивается дискуссия о возможности появления, по крайней мере гипотетически, более успешных и конкурентоспособных форм искусственной жизни, базирующихся на новых принципах сознания и интеллекта. Так, американские ученые утверждают, что люди в ближайшие 10—20 лет смогут оснастить свой мозг компьютерами и создать интеллектуальные машины, которые будут не глупее их самих. Согласно таким прогнозам, к 2029 году появится компьютер, который пройдет «тест Тьюринга», т. е. сможет так поддержать разговор с человеком, что его нельзя будет отличить от живого собеседника. После 2029 года развитие цивилизации пойдет по пути создания гибрида между машиной и человеком. Мировая наука уже сейчас обладает необходимыми знаниями, позволяющими прогнозировать создание через два десятилетия «умных» роботов. Они сравняются по интеллектуальным возможностям с человеком, а в ряде случаев и превзойдут их.

По мере возрастания технической мощи цивилизации возникают всё менее зависимые от человека самодействующие системы разума. Человек как бы превосходит себя в своих сверхчеловеческих созданиях. Представители данного сценария обращают внимание на целый ряд новых тенденций, которые, по их мнению, приобрели фундаментальный характер и игнорировать которые уже сейчас невозможно ни теоретически, ни практически. В появлении таких компонентов, как виртуальная реальность и всемирная глобальная электронная паутина (интернет), они усматривают прообраз коллективного мозга сравнительно недалекого будущего и новых формационных отношений, способных изменить природу личности как общественного субъекта, трансформировать его онтологические, гносеологические и аксиологические интенции. Подобные прогнозы, а главное, реальные технологии в сфере сознания и искусственного интеллекта актуализируют необходимость всестороннего и безотлагательного обсуждения как фундаментальных философских проблем сознания, так и целого ряда вопросов общенаучного и прикладного порядка.

В заключение следует отметить общую серьезность и фундированность исследования, проведенного П. Е. Калинин, в котором не только поставлены важные и актуальные проблемы современной теории сознания, но и предложены оригинальные и инновационные подходы к их решению. Стремление построить единую и непротиворечивую концепцию сознания и общей онтологии материально-идеального мира придает рецензируемой монографии инновационный и теоретически значимый характер.

Сведения об авторах

- БУЛЫЧЕВ Игорь Ильич** доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет.
igor_algorithm@mail.ru
- ГРАДУСОВА Полина Борисовна** студентка направления «международные отношения», исторический факультет, Ивановский государственный университет.
gradlin@mail.ru
- ГРИГОРЯН Армине Азатовна** аспирантка кафедры русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет.
armine_1979@mail.ru
- ЖИЛИН Михаил Геннадьевич** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии каменного века, Институт археологии РАН.
mizhilin@yandex.ru
- ЗИМИНА Марина Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Ивановский государственный университет.
m_zimina@mail.ru
- ИЛЬИН Юрий Александрович** доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории, Ивановский государственный университет.
Iyiu37@mail.ru
- КНЯЗЕВ Александр Сергеевич** аспирант кафедры истории, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова.
Alexlord09@mail.ru
- КОРНИКОВ Аркадий Андрианович** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, декан исторического факультета, Ивановский государственный университет.
istfak@ivanovo.ac.ru
- КОРОЛЕВ Александр Валерьевич** кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, ВА РХБЗ им. маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.
korolevalexandr.17-jn@mail.ru
- КОСТЫЛЁВА Елена Леонидовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет.
elkos-ty-le-va@mail.ru

- МАНИК** Светлана Андреевна кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии, Ивановский
государственный университет.
Svetlana_manik@yahoo.com
- НИКОЛАЕВА** Полина Владимировна кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы,
Ивановский государственный университет.
polina_19803@mail.ru
- ОБРЕЗКОВ** Андрей Анатольевич кандидат философских наук, доцент кафедры
иностраных языков и профессиональной
коммуникации, Ивановская пожарно-спасательная
академия ГПС МЧС России.
obran@rambler.ru
- ОПОЛОВНИКОВА** Мария Владимировна кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка,
Ивановский государственный университет.
omw@mail.ru
- ПАВЛОВА** Марина Николаевна кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка,
Ивановский государственный университет.
MarinaPavlova117@mail.ru
- СОРОКА** Михаил Юрьевич аспирант кафедры философии,
Ивановский государственный университет.
newuniverse@mail.ru
- УТКИН** Александр Витальевич сотрудник археологического музея,
Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88
- ФЛЕЙМАН** Евгений Александрович доктор исторических наук,
профессор кафедры истории,
Костромской государственной университет
им. Н. А. Некрасова.
istfak@ksu.edu.ru
- ХУСНУТДИНОВ** Арсен Александрович доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания,
Ивановский государственный университет.
arsen1418@mail.ru
- ЧЕРНОПЕРОВ** Василий Львович доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой всеобщей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
vlchernoperov@rambler.ru
- ЮДИН** Кирилл Александрович кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России,
Ивановский государственный университет.
kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2016. Вып. 3 (9). Филология. История. Философия**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина, О. В. Батова, О. В. Боронина,*
В. А. Киселева, М. В. Серебрякова
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.09.2016 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ № 205. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

